This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

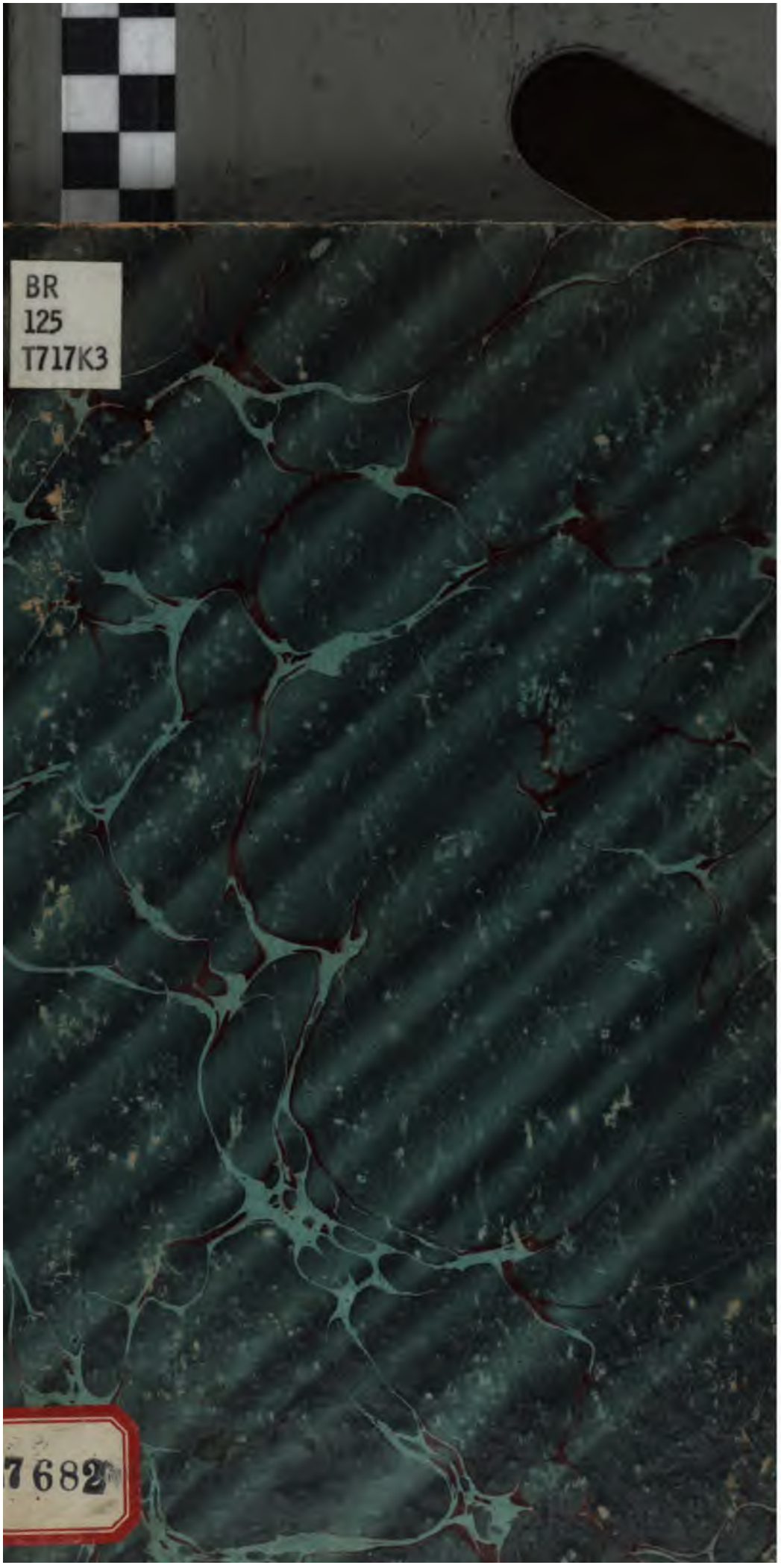
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


BR
125
T717K3
7682

886463

1/0-

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Z 4 331.

Ив. А. Карышевъ.

ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТІАНСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ОСНОВАНІЯ,

принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра".

„Не суди слишкомъ строгъ и не выставляй себя слишкомъ мудрымъ: зачѣмъ тебѣ губить себя" (Екк. т. VII. 16)

„Никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и греетъ ее, какъ и Господь Церковь". (Ефес. V. 29)

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1891.

BR125
T717 K3

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, августа 3 дня, 1891 года.

Цензоръ протоіерей *Симеонъ Вишняковъ*.

Правильно ли называть нашъ вѣкъ вѣкомъ безвѣрія?

Давая характеристику нашему вѣку, одни приписываютъ ему необыкновенное умственное развитіе, составляющее будто-бы отличительную черту его; они называютъ его вѣкомъ господства здраваго холоднаго разсудка и анализа, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ безвѣрія, которое появилось какъ-будто слѣдствіемъ глубокой образованности людей,—другіе, исправляя эту характеристику, называютъ нашъ вѣкъ вѣкомъ индиферентизма ко всему духовному и отвлеченному и указываютъ, что индиферентизмъ этотъ внушается людямъ позитивнымъ міровоззрѣніемъ науки. Можетъ быть это второе опредѣленіе и болѣе правильно, но въ сущности оба они приводятъ къ одному и тому же понятію о вѣкѣ, ибо индиферентизмъ къ вопросамъ вѣры долженъ быть признанъ тѣмъ же атеизмомъ и даже несравненно хуже его, ибо безвѣріе индиферентиста происходитъ не отъ невозможности понять, а единственно отъ его нежеланія заняться вопросами вѣры, вслѣдствіе ранѣе пріобрѣтенныхъ принциповъ и взглядовъ на природу вещей. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Справедливо ли охарактеризовывать подобнымъ образомъ весь вѣкъ? Возможно ли, чтобы безвѣріе было продуктомъ или слѣдствіемъ истинной образованности людей?

Если мы обратимся дѣйствительно ко всему вѣку, т. е. будемъ разбирать всю массу людей, обитающихъ во всемъ свѣтѣ, весь родъ людской, или какую-нибудь одну страну, но безъ всякихъ изъятій, какъ равноправныхъ, разумно-нравственныхъ существъ, одинаково сотворенныхъ Богомъ и одинаково призванныхъ къ жизни и къ ихъ земнымъ испытаніямъ, то увидимъ совершенно противоположное.

Возьмемъ для примѣра хотя бы одно наше Русское государство,—намъ бросится прямо въ глаза, что изъ 112 милліоновъ

всего народонаселенія, по крайней мѣрѣ 110 милліоновъ живетъ преимущественно жизнью своихъ чувствъ, жизнью, основанной на физическомъ трудѣ, на покорности и смиреніи, съ полной вѣрой въ будущее безконечно-блаженное загробное существованіе, до котораго доведетъ ихъ благость Божія, чрезъ исповѣдываніе вѣры и черезъ ходатайство Церкви за нихъ. Эта вѣра и придаетъ имъ ту бодрость духа и устойчивость, ту силу и мужество, при которыхъ только и можно съ достоинствомъ выполнить трудную, но истинную задачу земной жизни нашей, которая предопредѣлена свыше на долю каждаго.

Изъ остальныхъ двухъ милліоновъ жителей мы должны будемъ причислить никакъ не менѣе $^9/_{10}$ къ разряду людей, живущихъ въ болѣе или менѣе одинаковой степени, какъ жизнью своихъ чувствъ, такъ и жизнью своего разума; они, можетъ быть, и увѣрены въ первенствующемъ значеніи разума, но не отвергаютъ и духовно-нравственной стороны своего существа; они вѣрятъ въ благость Божію и въ безконечную загробную жизнь—и оба эти принципа служатъ имъ руководствами въ поступкахъ. Только къ остальной части людей могутъ относиться выше высказанныя характеристики вѣка, ибо только они живутъ исключительно жизнью своего разума, не признавая и не чувствуя, а чаще всего просто отвергая все отвлеченное и духовное. Слѣдовательно, для обрисованія особенностей нашего вѣка выставляютъ тѣхъ людей, число которыхъ составляетъ не болѣе одного на 500 человѣкъ всего населенія нашего государства.

Невольно рождается вопросъ: чѣмъ отличилась эта горсть людей? чѣмъ заслужила она такое почетное мѣсто между всѣми остальными людьми, что качество ея возводятъ въ характеристику всего вѣка?—Какъ же, отвѣтятъ намъ, это лучшій цвѣтъ нашего времени; это все люди высшей учености и интеллигентности, это олицетвореніе и источникъ нашихъ знаній, нашей практической и житейской мудрости, нашей администраціи, правосудія и коммерціи; все это наши путеводныя звѣзды по пути прогресса; безъ нихъ мы утопали бы во тьмѣ невѣжества.

Отчасти это можетъ быть и такъ, но отвѣтъ этотъ требуетъ весьма серьезныхъ поправокъ. Нельзя оспаривать, что очень многіе изъ поборниковъ практической и житейской мудрости ..ажутся дѣйствительными въ этой третьей категоріи, также какъ

и адепты нашихъ знаній; но вполнѣ несправедливо было бы причислить къ ней представителей высшей учености и интеллигенціи.

Фактъ давно доказанный, что представители истинныхъ высокихъ знаній, адепты чистаго идеальнаго человѣческаго разума, которыхъ Эммануилъ Кантъ въ своихъ философіяхъ такъ справедливо противопоставляетъ практическому разуму, люди, увѣнчавшіе себя пальмами первенства міровыхъ открытій въ научномъ мірѣ, и дѣйствительно способствовавшіе общему прогрессу науки,— были всѣ людьми глубоко вѣрующими въ Бога и въ загробную жизнь. Ньютонъ никогда не позволялъ себѣ произносить имя Бога, не снявъ предварительно шапки; Декартъ, Дарвинъ, Бойль, Клеркъ, Фарраде, Шлейденъ, лордъ Бэконъ Веруламскій, Лейбницъ, А. Гумбольдтъ, Локкъ, Кантъ, Паскаль, Викторъ Гюго, Агассисъ, Малебраншъ, Берклэ, Гизо, Гершель, Кеплеръ, Коперникъ, Ватсонъ, Гёте, Уоллесъ, Карлъ Фохтъ, Тиндаль, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Клодтъ-Бернадъ, Либихъ, Іоаннъ Бернули, Бюффонъ, Галилей, Гэртли, Дальтонъ, Кювье, Парацельсъ, Цёлнеръ и сотни другихъ истинныхъ сыновъ науки были всѣ людьми глубоко вѣрующими въ Бога.

Между профессорами университетовъ и академій атеисты встрѣчаются рѣже, чѣмъ между учителями школъ и гимназій, и гораздо большій процентъ ихъ найдется между самыми обучающимися. Наибольшее число закоренѣлыхъ атеистовъ безспорно находится между людьми, не имѣвшими достаточно умственныхъ силъ окончить университетъ или другія высшія учебныя заведенія.

Въ Германіи, можно почти безошибочно сказать, что всѣ студенты атеисты, но атеизмъ въ профессорахъ—большая рѣдкость. Въ Англіи и Америкѣ атеизма совершенно нѣтъ.

То, что вполнѣ понятно и отчасти признается цѣлесообразнымъ для учащихся, то не логично допустить въ людяхъ зрѣлыхъ, окончившихъ образованіе.

Пока человѣкъ учится, онъ долженъ преслѣдовать, какъ единственную цѣль всѣхъ своихъ стремленій, изученіе науки и ему постоянно твердятъ, чтобы лучше постигнуть свою науку, каждый изъ учащихся долженъ отдаться всецѣло своей наукѣ и не развлекаться никакими посторонними вліяніями; чтобы лучше утвердиться въ своей наукѣ и окончательно проникнуться всѣмъ глубокимъ смысломъ ея, онъ долженъ ничего больше не видѣть

и не замѣчать, какъ только то, что говорится въ его наукѣ, и онъ дѣйствительно всецѣло предается позитивизму, матеріализму, и весьма естественно, что временно онъ можетъ впасть въ атеизмъ. Но какъ только онъ кончилъ свое ученіе, какъ только онъ вступилъ въ жизнь, цѣль его стремленій должна отодвинуться, ибо онъ больше не учится, но живетъ; онъ долженъ смотрѣть на жизнь здраво, открыто, безъ предвзятыхъ идей, лишь временно внушенныхъ ему для того, чтобы не развлекать его ума и не усложнять задачу его обученія; онъ долженъ измѣнить свое міровоззрѣніе на болѣе правильное, на болѣе соотвѣтствующее условіямъ жизни, признать то, что онъ отвергалъ, ибо если въ его наукѣ ничего не говорится о Богѣ,—это еще далеко не доказываетъ, чтобы его въ природѣ дѣйствительно не было. Но къ сожалѣнію не всякій выходитъ изъ школъ и университетовъ на столько развитымъ, чтобы быть въ состояніи сбросить съ себя школьныя привычки, внушенныя ему лишь какъ удобный учебный пріемъ, и онъ остается въ жизни съ тѣмъ же атеистическимъ міровоззрѣніемъ, съ какимъ онъ былъ въ своей школѣ.

Разбирая вопросъ о зарожденіи атеизма въ образованной публикѣ, приходится постоянно сталкиваться съ разными загадочными сторонами дѣла, однако совершенно ясно говорящими въ пользу того, что причины атеизма не заключаются въ самой сути человѣческихъ знаній и не въ образованности людей, а въ разныхъ другихъ совершенно побочныхъ вещахъ, не имѣющихъ ничего общего съ наукой.

Было бы совершенно понятно, если бы люди одной какой-нибудь школы или какой-нибудь одной отрасли знанія дѣлались повально атеистами; тогда, конечно, можно было бы сказать, что ученіе этой отрасли знанія ведетъ къ атеизму; напримѣръ, если можно было бы усмотрѣть, что люди, изучившіе естественныя науки или медицину, или вообще тѣ научные предметы, которые занимаются строеніемъ человѣка и животныхъ, или ихъ происхожденіемъ, или тѣ, которые указывали хотя бы косвенно на то, что такое жизнь, въ чемъ заключается сущность ея, и причины возникновенія матеріальнаго міра,—дѣлались бы всѣ повально атеистами, но этого мы рѣшительно не видимъ; напримѣръ, между студентами медиками и естественниками столько же атеистовъ, сколько между студентами филологами, юристами и математиками,

наука которыхъ рѣшительно не имѣетъ соприкосновенія ни съ чѣмъ, что могло бы хотя косвенно имъ доказывать и опровергать существованіе Бога, или указывать на какую-нибудь сущность или причину вещей. Наука ихъ не имѣетъ ничего общаго ни съ религіей, ни съ чѣмъ-либо духовнымъ и, казалось бы, не могла никакимъ образомъ вліять на ихъ религіозныя убѣжденія, а въ дѣйствительности она оставляетъ за собой безвѣріе.

Совершенно то же мы увидимъ, хотя можетъ быть и въ меньшей степени, между военными техниками и инженерами.

Не ясно ли это доказываетъ, что не самое содержаніе науки, не самый смыслъ ея доводитъ людей до атеизма, но что-то другое, побочное, лежащее отчасти какъ бы въ природномъ расположеніи людей къ атеизму, а отчасти въ неправильномъ взглядѣ на значеніе науки и почерпнутыхъ изъ нея знаній. Они придаютъ наукѣ несравненно большое значеніе, чѣмъ дѣйствительно она того заслуживаетъ.

Атеистовъ можно тоже встрѣтить между коммерсантами, биржевыми дѣятелями, торговцами, чиновниками, разночинцами разнаго рода и положительно надо удивляться—изъ какихъ такихъ особенныхъ познаній они могли почерпнуть свое безвѣріе? Знаютъ они вообще мало, то, что они знаютъ,—знаютъ поверхностно, неосновательно, отрывочно и безъ всякой послѣдовательности, или каковой-либо правильной системы; вопросами вѣры они никогда не занимались, не читали ничего ни за, ни противъ нея, а при каждомъ удобномъ случаѣ съ величайшею готовностью высказываютъ крайнія мнѣнія самой авторитетной оппозиціи.

Нѣтъ—атеизмъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемъ какъ логическое слѣдствіе или какъ необходимый спутникъ научныхъ знаній, но, наоборотъ, причины его надо скорѣй искать въ неразвитости человѣка, въ несостоятельности его природы, въ недостаточной гибкости его ума, въ отсутствіи способности отличать хорошее и истинное отъ временнаго и фальшиваго—однимъ словомъ, въ порокахъ и недостаткахъ самихъ людей въ связи съ недостаточностію полученныхъ ими знаній. Атеизмъ по всей справедливости долженъ быть признанъ болѣзнью нашего вѣка, какъ параличъ нравственныхъ чувствъ или духовной слѣпоты.

Дѣйствительно попадаются личности, у которыхъ эта болѣзнь или этотъ природный органическій недостатокъ доходитъ до вы-

— —

это условія холода, голода и вообще всей матеріальной природы, далеко намъ неблагопріятствующей.

Не быть хуже другихъ по своей внѣшности и по своему общественному и соціальному положенію есть врожденное чувство порочнаго, страстнаго и духовно не развитаго человѣчества; а каждый, который тянется за другими, не соразмѣряя своихъ собственныхъ силъ, долженъ усиленно напрягать свои мозговыя способности, долженъ трудиться и работать; а всѣ эти заботы о личномъ благосостояніи и о сохраненіи своего общественнаго положенія погружаютъ человѣка въ матеріальность, развиваютъ въ немъ односторонніе грубые вкусы ко всему земному, настоящему, безъ малѣйшей заботы о будущемъ, загробномъ; развиваютъ въ немъ чрезмѣрную привычку личной борьбы за свое существованіе, личной заботы о себѣ, и заставляютъ такихъ людей терять надежду на чью-либо помощь или поддержку въ жизни, и если не была смолоду вложена и закрѣплена въ нихъ привычка обращаться за помощью къ Богу и вѣра въ Его Святое попеченіе о людяхъ, они легко могутъ окончательно заглушить въ себѣ весь внутренній духовно-нравственный міръ.

Безвѣріе отдѣльныхъ личностей.

Жизнь человѣческая быстро протекаетъ въ непрерывныхъ и самыхъ ожесточенныхъ хлопотахъ и заботахъ о матеріальномъ обезпеченіи своемъ и объ упроченіи своего земнаго благосостоянія, и человѣкъ слабый, мало вѣрующій, поглощенный всѣми ими, убѣжденъ, что этимъ и ограничивается вся цѣль его жизни. Онъ думаетъ, что, добившись извѣстнаго матеріальнаго, имущественнаго или образовательнаго превосходства, онъ имѣетъ право гордиться имъ, господствовать надъ людьми и эксплоатировать ихъ, ибо онъ лучше другихъ выполнилъ задачу своей жизни и свое, будто-бы истинное, земное назначеніе. Онъ всѣми силами своими стремился лишь къ этой одной своей цѣли, совершенно не заботясь и не замѣчая, что черезъ свои, слишкомъ матеріальные и грубые взгляды на жизнь, загубилъ, задавилъ и оставилъ безъ всякаго развитія и воспитанія духовно-нравственную лучшую часть своего существа, ту самую, которую онъ долженъ былъ развить цѣлесообразностью своей земной жизни, которая именно и сойдетъ съ нимъ за гробъ и которая тамъ уже болѣе не покинетъ его, ибо она-то

и есть тотъ самый высшій даръ, полученный имъ отъ Бога, онато и есть *тотъ образъ и то подобіе Божіе, которое въ немъ безсмертно.*

Если самъ человѣкъ этого не знаетъ или еще хуже, если онъ знать этого не хочетъ, то онъ все-же остается виновнымъ, ибо Богъ видитъ всю его жизнь, и Его благая предусмотрительность не можетъ потерпѣть такого нарушенія основныхъ Его законовъ и такихъ извращенныхъ отношеній къ сущности человѣческой жизни на землѣ. Богъ создалъ человѣка для вѣчнаго блаженства въ Его Небесномъ Царствѣ; но такъ какъ онъ никогда не могъ бы понять всей премудрой прелести этого блаженства безъ извѣстнаго нравственнаго развитія своихъ вкусовъ и стремленій, т. е. безъ извѣстнаго совершенства качествъ своей души, то Богъ предопредѣлилъ ему временную подготовительную жизнь на землѣ въ его матеріальномъ тѣлѣ; Онъ далъ ему жизнь, далъ каждому дарованія и способности, далъ обстановку жизни и тѣ условія, въ которыхъ каждый долженъ выказывать качества своей души черезъ свою дѣятельность, личный трудъ, черезъ свои старанія и стремленія. Цѣль этой дѣятельности есть достиженіе внутренняго совершенства, или развитіе добрыхъ качествъ своей души; для соотвѣтствующихъ же упражненій въ добродѣтеляхъ и для лучшаго развитія своихъ цѣлесообразныхъ вкусовъ и навыковъ и сотворенъ Богомъ видимый и матеріальный міръ, какъ орудіе для упражненія, какъ средство, черезъ которое можетъ каждый наглядымъ образомъ проявить свое внутреннее развитіе.

Жизнь въ этомъ видимомъ мірѣ очень трудна; Самъ Господь Богъ сказалъ, что: „*проклята земля, со скорбью будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей, въ потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ свой, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ; ибо прахъ ты и въ прахъ обратишься*“. (Быт. III. 17, 19).— И дѣйствительно, жизнь человѣка съ самаго появленія его на землѣ представляетъ одинъ непрерывный рядъ затрудненій, которыя каждый долженъ превозмогать, не нарушая волю Божію; и въ этомъ только и должна бы состоять вся видимая и невидимая, но чувствуемая человѣкомъ дѣятельность его.

Весь строй земной жизни вызываетъ человѣка къ самымъ разнообразнымъ видамъ дѣятельности, всѣ удовлетворенія требованій холода, голода, питанія, отношеній его къ людямъ и тварямъ зем-

нымъ,—все рѣшительно имѣетъ только одну общую цѣль упражненій человѣка, чрезъ которыя онъ долженъ выработывать и выказывать на дѣлѣ добрыя качества своей души или, по крайней мѣрѣ, свои добрыя и цѣлесообразныя стремленія къ своему развитію чрезъ свою покорность, смиреніе, участіе къ ближнимъ, и, наконецъ, черезъ добровольныя упражненія въ исповѣдываніи вѣры, какъ лучшее средство подготовить все существо свое къ возможности болѣе успѣшнаго достиженія высшей цѣли жизни.

Однимъ словомъ, человѣкъ фактически долженъ трудиться, ибо таковы неотступныя требованія условій жизни на планетѣ нашей, положенныя самимъ Богомъ; безъ физическаго труда и работы человѣкъ прожить не можетъ и неминуемо долженъ бы былъ умереть, но удовлетвореніе условій поддержанія жизни своей *не есть конечная цѣль его жизни, это только средство, чрезъ* которое человѣкъ, пользуясь своей свободной волей, своимъ умомъ и нравственностью, долженъ на дѣлѣ доказать, что онъ умѣетъ избирать такіе способы для удовлетворенія условій своего пропитанія и другихъ задачъ жизни, которые не нарушали бы законовъ, дарованныхъ Богомъ для земли и требованія своей собственной совѣсти; онъ долженъ на дѣлѣ доказать, что онъ достоинъ наслѣдовать то безконечное блаженное царство, которое Богъ обѣщалъ всѣмъ достойнымъ Его, всѣмъ, которые настолько разовьются на землѣ нравственно, что будутъ въ состояніи на Небѣ послѣ своей смерти понять Его.

Но люди вслѣдствіе недостаточности своего нравственнаго развитія не могли сами уразумѣть истинную цѣль ихъ земной жизни, а по недостатку вѣры въ Бога не хотѣли постараться понять то, что Онъ много разъ открывалъ имъ, а потому разсудили иначе: они совершенно исключили христіанскую цѣль жизни, не желая даже и признавать её, но сдѣлавшись обладателями самыхъ орудій земныхъ упражненій и испытаній, употребляемыхъ Богомъ иногда даже для наказаній и казней людей, пристрастились къ нимъ самимъ и полюбили ихъ. Они нашли даже, что эти условія слишкомъ просты и легки для нихъ, поэтому всѣми силами стали стараться усложнять ихъ своими собственными требованіями другъ отъ друга, создали себѣ обязанности, моды и самые замысловатые обычаи, которые возводятся на степень какихъ-то первыхъ необходимостей, или земныхъ кумировъ и идоловъ. Понятую такимъ вполнѣ извра-

щеннымъ образомъ жизнь они возвели на степень своего блаженства и изъ нея сдѣлали себѣ свою собственную цѣль жизни и идеалъ своихъ желаній и стремленій.

Что сдѣлалъ бы вновь прибывшій въ школу учитель, если бы увидѣлъ, что ученики, оставленные на нѣкоторое время безъ наставника, предоставленные своему собственному самообученію, сдѣлали бы себѣ изъ классныхъ пособій забаву, думая, что въ этомъ именно и состоитъ цѣль школы? Вдругъ увидѣлъ бы онъ, что ученики изъ книгъ сдѣлали себѣ домики, горки, заборы, изъ чернилъ сдѣлали прудъ на полу, изъ розогъ—прекрасную рощу, изъ физическихъ приборовъ—баррикады, крѣпости; забавляются, ѣздятъ другъ къ другу въ гости, наряжаются, а порой бьютъ другъ друга, обижаютъ, ссорятся и дерутся; учитель, конечно, взялъ бы эти самыя розги и повторилъ бы въ болѣе энергичной формѣ тѣ же самыя внушенія, которыя такъ усиленно старался ученикамъ внушать старый учитель, покидая ихъ, убѣдительно прося заниматься дѣломъ безъ него.

Но Богъ долготерпѣливъ и многомилостивъ; Онъ никого не принуждаетъ; до времени никого не караетъ и не наказываетъ; Его благости нѣтъ предѣла. Онъ ведетъ людей постепенно, шагъ за шагомъ, къ познанію истины; Онъ ожидаетъ, чтобы каждый опытнымъ и вполнѣ осмысленнымъ путемъ, черезъ свои собственныя заблужденія, сомнѣнія и ошибки, доходилъ до познанія добра и зла, до того внутренняго чувства, которое естественно уничтожаетъ и заставляетъ покидать матеріальныя земныя привязанности, грубые вкусы, страстныя наклонности и вообще все лишнее, совершенно въ сущности ему ненужное и которымъ онъ владѣетъ лишь какъ слѣдствіемъ своей порочности, неразвитости и полнаго несовершенства души своей и мало-по-малу открываетъ новое, болѣе обширное, поле дѣятельности, основанное на добродѣтеляхъ, любви, смиреніи и покорности волѣ Божіей, черезъ познаніе которой для него начинается уже дѣлаться отчасти понятно то блаженство, которое наполнитъ все существо его за гробомъ.

Развѣ всѣ превратности земной жизни, всѣ неудачи человѣка на его жизненномъ пути, всѣ несчастья не должны бы были заставить его одуматься, смириться и обратиться къ исполненію во-

Божіей? Случайностями можетъ себѣ ихъ объяснять человѣкъ,

ренѣлый въ невѣріи и въ отрицаніи существованія Бога; но

человѣкъ, не дошедшій еще до отрицанія Бога, долженъ же понимать, что если Богъ только существуетъ, то случайностей въ жизни людей быть не можетъ, что все въ мірѣ есть проявленіе воли Божіей, что Его благая предусмотрительность распространяется на насъ дѣйствительно въ безконечной формѣ, какъ и всѣ дѣла Его и проникаетъ всю нашу жизнь до такихъ мельчайшихъ подробностей, до какихъ мы сами себѣ представить не можемъ и не можемъ даже придумать,—для чего могла бы служить такая подробная и мелочная предусмотрительность? А между прочимъ Христосъ сказалъ ясно, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы вашей безъ воли Творца; тѣмъ болѣе это должно относиться до болѣе крупныхъ условій нашей жизни, болѣе вліяющихъ на наши прямыя цѣли.

Развѣ всѣ обстоятельства жизни нашей не ясно свидѣтельствуютъ о полной несостоятельности человѣка, не прибѣгающаго къ помощи Бога, о полной его безпомощности и ничтожествѣ? Стоитъ только вникнуть въ земную жизнь, чтобы убѣдиться, что какъ бы ни былъ обширенъ и высокъ умъ человѣческій, онъ ничего самъ по себѣ не можетъ сдѣлать такого, что не могло бы разлетѣться и разсыпаться безслѣдно, какъ слѣдствіе его несостоятельности; ни науки, ни богатство, ни политика, ни дипломатія, по крайней мѣрѣ, не выработывали еще ничего подобнаго. Что можетъ дать человѣку счастье на землѣ? Такое полное довольство собой, чтобы онъ могъ съ полнымъ сознаніемъ абсолютнаго блаженства остановиться и сказать, какъ Гёте словами Фауста—„мгновеніе, остановись,—я доволенъ тобой, ибо дошелъ до предѣла".

И богатство, и умъ, и господство, и власть, и блескъ общества и красота,—даже всѣ эти условія,совмѣщенныя въ одномъ человѣкѣ и сгруппированныя въ самомъ благопріятномъ для него смыслѣ, вызовутъ скоро въ немъ одну скуку и полное сознаніе того, что все это бренно и пусто и что все это занимало и забавляло его до тѣхъ только поръ, пока онъ добивался всего этого, но, достигнувъ, онъ понялъ всю призрачность достигнутой имъ цѣли. Онъ тутъ-то только понялъ, что сдѣлался совершенно несчастнымъ и презрѣннымъ человѣкомъ, ибо добиваясь совершенно не нужнаго, временно онъ сжигалъ свои корабли отступленія, выработывая въ себѣ такія привычки и качества души, которыя теперь уже становятся ему поперекъ дороги и окончательно препятствуютъ чув-

столбовъ заблужденія, которыми, конечно, сами остаются совершенно не удовлетворены.

Разительный и совершенно типичный примѣръ подобнаго рода мы имѣли въ произведеніи гр. Л. Н. Толстаго, „Въ чемъ моя вѣра“. Несмотря на невообразимыя заблужденія гр. Т. въ пониманіи имъ Евангельскаго ученія, лжеученіе это находитъ себѣ массы послѣдователей среди образованной части публики, что доказываетъ ихъ солидарность воззрѣній и ихъ единомысліе. Нѣтъ возможности пройти молчаніемъ столь рѣзкія несообразности вкоренившіяся у многихъ, какъ непреложныя истины и какъ принципъ ихъ жизни, а потому понятно отчего лжеученіе это возбуждаетъ такъ много протестовъ со стороны людей видящихъ весь ужасъ этихъ заблужденій.

Въ настоящемъ сочиненіи своемъ мы постараемся указать на неправильность нѣкоторыхъ основаній, которыя приняты гр. Т. за исходныя точки его мышленія, предоставляя уже самому читателю судить о томъ, что можетъ быть построено на этихъ лживыхъ основаніяхъ.

Безвѣріе графа Л. Н. Толстаго.

Самъ гр. Толстой сознается, что послѣ того, какъ онъ прожилъ 35 лѣтъ нигилистомъ, ему сдѣлалось невыносимо его безвѣріе и что онъ сталъ искать спасенія и нашелъ его въ Евангеліи: „Я перешелъ отъ нигилизма къ Церкви, пишетъ онъ, только потому, что сознялъ невозможность жизни безъ вѣры, безъ знанія того, что хорошо и дурно, помимо моихъ животныхъ инстинктовъ (стр. 9). Я такъ же, какъ разбойникъ на крестѣ, повѣрилъ ученію Христа и спасся. И это недалекое сравненіе, а самое близкое выраженіе того душевнаго состоянія отчанія и ужаса передъ жизнью и смертью, въ которомъ я находился прежде, и того состоянія спокойствія и счастья, въ которомъ нахожусь теперь“ (стр. 3).

„Я, какъ разбойникъ, зналъ, что жилъ и живу скверно, видѣлъ, что большинство людей вокругъ меня живутъ такъ же. Я такъ же, какъ разбойникъ зналъ, что я несчастливъ и страдаю, и что вокругъ

меня люди такъ же несчастливы и страдаютъ и не видалъ никакого выхода изъ этого положенія, кромѣ смерти. И какъ разбойника ожидалъ страшный мракъ смерти, послѣ безсмысленныхъ страданій и зла жизни, такъ и меня ожидало то же (стр. 34). И вдругъ я услышалъ слова Христа, понялъ ихъ—и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и, вмѣсто отчаянія, я испыталъ радость и счастіе жизни, ненарушимыя смертью" (стр. 4).

Что въ Евангеліи находятъ себѣ утѣшеніе люди всякихъ развитій, это фактъ несомнѣнный. Какъ бы духовное развитіе человѣка ни было ограничено, какъ бы онъ ни былъ предубѣжденъ противъ него, но если онъ только отрѣшится отъ своихъ предвзятыхъ мыслей, обратится къ Евангелію и станетъ читать его со вниманіемъ,—онъ всегда найдетъ въ немъ много отраднаго и утѣшительнаго для души. Но несомнѣнно, что человѣкъ, болѣе развитый духовно, или человѣкъ, который не понадѣявшись на свои собственныя слабыя духовныя силы, обратился бы къ людямъ дѣйствительно изучившимъ Его какъ умомъ, такъ и сердцемъ своимъ, или хотя бы къ соотвѣтствующимъ книжнымъ источникамъ, извлекъ бы большую пользу, чѣмъ тотъ, который начнетъ читать одно Евангеліе.

Гр. Толстой слишкомъ понадѣялся на свои собственныя силы; обратившись къ Евангелію, онъ, конечно, понялъ изъ него кое-что, и не такъ, какъ понималъ эти мѣста Самъ Христосъ, но и то немногое, что онъ понялъ, уже доставило большое утѣшеніе его „отчаянію и ужасу передъ жизнію и смертію" и онъ остановился на нихъ, удовлетворившись ими вполнѣ; ибо то, что онъ понялъ, успокоивало и утѣшало его несравненно болѣе, чѣмъ совершенно уже безотрадный атеизмъ, и онъ развилъ то, что онъ понялъ, облекъ это въ особую систему и сочиненіемъ своимъ „Въ чемъ моя вѣра" предлагаетъ людямъ слѣдовать за собой.

Никто, конечно, не можетъ отнять отъ гр. Толстаго права писать и составлять какія ему угодно теоріи и системы дешевой и удобной жизни на землѣ, а людямъ—принимать или отвергать ихъ; всякій свободенъ въ своихъ убѣжденіяхъ, равно и въ выборѣ изъ чужихъ мнѣній тѣхъ, которыя каждому нравятся, соотвѣтствуютъ его характеру, образу жизни, взглядамъ и которыя онъ желалъ бы

сшихъ степеней. Въ нихъ совершенно отсутствуетъ всякая способность ощущенія въ себѣ своей внутренней духовной жизни и они дѣйствительно могутъ принимать своими способностями только то, что можетъ подчиниться ихъ разуму. Не имѣя нравственнаго модератора, или природной скромности, они, конечно, могутъ дѣйствовать смѣлѣе, энергичнѣе и самоувѣреннѣе другихъ, отправленіе ихъ разума свободнѣй и они чрезвычайно легко и отчетливо охватываютъ и усвоиваютъ себѣ всѣ впечатлѣнія внѣшняго матеріальнаго міра, но не чувствуя, не сознавая высшаго и самаго благороднаго элемента человѣческаго существа, не обладая способностью глубокаго анализа, проникающаго до самой сущности явленій и фактовъ,—взгляды ихъ скользятъ лишь по поверхности природы, теоріи ихъ и всѣ изслѣдованія односторонни и матеріалистичны. Эти люди никогда не достигали полной высоты знанія.

Въ дѣйствительности такіе люди, которые были бы совершенно лишены возможности чувствовать въ себѣ свой нравственный міръ, очень рѣдки; но за то примѣръ ихъ неотразимо заразительно вліяетъ на слабые умы и на ограниченныя нравственныя силы. Эти люди находятъ себѣ массу подражателей,—во-первыхъ потому, что всѣ взгляды ихъ легки, поверхностны и ограничены весьма узкими рамками ихъ пониманія природы вещей, а во-вторыхъ—что все воспитаніе современной молодежи самымъ усиленнымъ образомъ стремится къ развитію въ нихъ разума черезъ постоянныя и самыя разнообразныя упражненія умственныхъ ихъ способностей; чрезмѣрное же развитіе разума при окончательномъ забвеніи или пренебреженіи духовно-нравственнымъ элементомъ положительно отучаетъ людей понимать и считать за что-либо серьезныя и важныя требованія ихъ внутреннихъ чувствъ.

Это, впрочемъ, не можетъ относиться исключительно до одного научнаго образованія людей,—это одинаково относится до всего строя нашей современной общественной жизни. Онъ очень сложенъ и труденъ, требуетъ безусловнаго выполненія самыхъ запутанныхъ и замысловатыхъ условій, постоянной и самой напряженной сообразительности и находчивости во всѣхъ даже самыхъ ничтожныхъ мелочахъ нашей жизни, на каждомъ шагу и при каждомъ столкновеніи съ отдѣльными личностями, съ обществами, съ дѣлами и личнымъ разсчетомъ нашимъ, съ приличіями и обычаями, наконецъ съ условіями, окружающими насъ роковымъ образомъ—

это условія холода, голода и вообще всей матеріальной природы, далеко намъ неблагопріятствующей.

Не быть хуже другихъ по своей внѣшности и по своему общественному и соціальному положенію есть врожденное чувство порочнаго, страстнаго и духовно не развитаго человѣчества; а каждый, который тянется за другими, не соразмѣряя своихъ собственныхъ силъ, долженъ усиленно напрягать свои мозговыя способности, долженъ трудиться и работать; а всѣ эти заботы о личномъ благосостояніи и о сохраненіи своего общественнаго положенія погружаютъ человѣка въ матеріальность, развиваютъ въ немъ односторонніе грубые вкусы ко всему земному, настоящему, безъ малѣйшей заботы о будущемъ, загробномъ; развиваютъ въ немъ чрезмѣрную привычку личной борьбы за свое существованіе, личной заботы о себѣ, и заставляютъ такихъ людей терять надежду на чью-либо помощь или поддержку въ жизни, и если не была смолоду вложена и закрѣплена въ нихъ привычка обращаться за помощью къ Богу и вѣра въ Его Святое попеченіе о людяхъ, они легко могутъ окончательно заглушить въ себѣ весь внутренній духовно-нравственный міръ.

Безвѣріе отдѣльныхъ личностей.

Жизнь человѣческая быстро протекаетъ въ непрерывныхъ и самыхъ ожесточенныхъ хлопотахъ и заботахъ о матеріальномъ обезпеченіи своемъ и объ упроченіи своего земнаго благосостоянія, и человѣкъ слабый, мало вѣрующій, поглощенный всѣми ими, убѣжденъ, что этимъ и ограничивается вся цѣль его жизни. Онъ думаетъ, что, добившись извѣстнаго матеріальнаго, имущественнаго или образовательнаго превосходства, онъ имѣетъ право гордиться имъ, господствовать надъ людьми и эксплоатировать ихъ, ибо онъ лучше другихъ выполнилъ задачу своей жизни и свое, будто-бы истинное, земное назначеніе. Онъ всѣми силами своими стремился лишь къ этой одной своей цѣли, совершенно не заботясь и не замѣчая, что черезъ свои, слишкомъ матеріальные и грубые взгляды на жизнь, загубилъ, задавилъ и оставилъ безъ всякаго развитія и воспитанія духовно-нравственную лучшую часть своего существа, ту самую, которую онъ долженъ былъ развить цѣлесообразностью своей земной жизни, которая именно и сойдетъ съ нимъ за гробъ и которая тамъ уже болѣе не покинетъ его, ибо она-то

и есть тотъ самый высшій даръ, полученный имъ отъ Бога, онато и есть *тотъ образъ и то подобіе Божіе, которое въ немъ безсмертно.*

Если самъ человѣкъ этого не знаетъ или еще хуже, если онъ знать этого не хочетъ, то онъ все-же остается виновнымъ, ибо Богъ видитъ всю его жизнь, и Его благая предусмотрительность не можетъ потерпѣть такого нарушенія основныхъ Его законовъ и такихъ извращенныхъ отношеній къ сущности человѣческой жизни на землѣ. Богъ создалъ человѣка для вѣчнаго блаженства въ Его Небесномъ Царствѣ; но такъ какъ онъ никогда не могъ бы понять всей премудрой прелести этого блаженства безъ извѣстнаго нравственнаго развитія своихъ вкусовъ и стремленій, т. е. безъ извѣстнаго совершенства качествъ своей души, то Богъ предопредѣлилъ ему временную подготовительную жизнь на землѣ въ его матеріальномъ тѣлѣ; Онъ далъ ему жизнь, далъ каждому дарованія и способности, далъ обстановку жизни и тѣ условія, въ которыхъ каждый долженъ выказывать качества своей души черезъ свою дѣятельность, личный трудъ, черезъ свои старанія и стремленія. Цѣль этой дѣятельности есть достиженіе внутренняго совершенства, или развитіе добрыхъ качествъ своей души; для соотвѣтствующихъ же упражненій въ добродѣтеляхъ и для лучшаго развитія своихъ цѣлесообразныхъ вкусовъ и навыковъ и сотворенъ Богомъ видимый и матеріальный міръ, какъ орудіе для упражненія, какъ средство, черезъ которое можетъ каждый наглядным образомъ проявить свое внутреннее развитіе.

Жизнь въ этомъ видимомъ мірѣ очень трудна; Самъ Господь Богъ сказалъ, что: „*проклята земля, со скорбью будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей, въ потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ свой, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ; ибо прахъ ты и въ прахъ обратишься*“. (Быт. III. 17, 19).— И дѣйствительно, жизнь человѣка съ самаго появленія его на землѣ представляетъ одинъ непрерывный рядъ затрудненій, которыя каждый долженъ превозмогать, не нарушая волю Божію; и въ этомъ только и должна бы состоять вся видимая и невидимая, но чувствуемая человѣкомъ дѣятельность его.

Весь строй земной жизни вызываетъ человѣка къ самымъ разнообразнымъ видамъ дѣятельности, всѣ удовлетворенія требованій холода, голода, питанія, отношеній его къ людямъ и тварямъ зем-

нымъ,—все рѣшительно имѣетъ только одну общую цѣль упражненій человѣка, чрезъ которыя онъ долженъ выработывать и выказывать на дѣлѣ добрыя качества своей души или, по крайней мѣрѣ, свои добрыя и цѣлесообразныя стремленія къ своему развитію чрезъ свою покорность, смиреніе, участіе къ ближнимъ, и, наконецъ, черезъ добровольныя упражненія въ исповѣдываніи вѣры, какъ лучшее средство подготовить все существо свое къ возможности болѣе успѣшнаго достиженія высшей цѣли жизни.

Однимъ словомъ, человѣкъ фактически долженъ трудиться, ибо таковы неотступныя требованія условій жизни на планетѣ нашей, положенныя самимъ Богомъ; безъ физическаго труда и работы человѣкъ прожить не можетъ и неминуемо долженъ бы былъ умереть, но удовлетвореніе условій поддержанія жизни своей *не есть конечная цѣль его жизни, это только средство, чрезъ* которое человѣкъ, пользуясь своей свободной волей, своимъ умомъ и нравственностью, долженъ на дѣлѣ доказать, что онъ умѣетъ избирать такіе способы для удовлетворенія условій своего пропитанія и другихъ задачъ жизни, которые не нарушали бы законовъ, дарованныхъ Богомъ для земли и требованія своей собственной совѣсти; онъ долженъ на дѣлѣ доказать, что онъ достоинъ наслѣдовать то безконечное блаженное царство, которое Богъ обѣщалъ всѣмъ достойнымъ Его, всѣмъ, которые настолько разовьются на землѣ нравственно, что будутъ въ состояніи на Небѣ послѣ своей смерти понять Его.

Но люди вслѣдствіе недостаточности своего нравственнаго развитія не могли сами уразумѣть истинную цѣль ихъ земной жизни, а по недостатку вѣры въ Бога не хотѣли постараться понять то, что Онъ много разъ открывалъ имъ, а потому разсудили иначе: они совершенно исключили христіанскую цѣль жизни, не желая даже и признавать её, но сдѣлавшись обладателями самыхъ орудій земныхъ упражненій и испытаній, употребляемыхъ Богомъ иногда даже для наказаній и казней людей, пристрастились къ нимъ самимъ и полюбили ихъ. Они нашли даже, что эти условія слишкомъ просты и легки для нихъ, поэтому всѣми силами стали стараться усложнять ихъ своими собственными требованіями другъ отъ друга, создали себѣ обязанности, моды и самые замысловатые обычаи, которые возводятся на степень какихъ-то первыхъ необходимостей, или земныхъ кумировъ и идоловъ. Понятую такимъ вполнѣ извра-

щеннымъ образомъ жизнь они возвели на степень своего блаженства и изъ нея сдѣлали себѣ свою собственную цѣль жизни и идеалъ своихъ желаній и стремленій.

Что сдѣлалъ бы вновь прибывшій въ школу учитель, если бы увидѣлъ, что ученики, оставленные на нѣкоторое время безъ наставника, предоставленные своему собственному самообученію, сдѣлали бы себѣ изъ классныхъ пособій забаву, думая, что въ этомъ именно и состоитъ цѣль школы? Вдругъ увидѣлъ бы онъ, что ученики изъ книгъ сдѣлали себѣ домики, горки, заборы, изъ чернилъ сдѣлали прудъ на полу, изъ розогъ—прекрасную рощу, изъ физизическихъ приборовъ—баррикады, крѣпости; забавляются, ѣздятъ другъ къ другу въ гости, наряжаются, а порой бьютъ другъ друга, обижаютъ, ссорятся и дерутся; учитель, конечно, взялъ бы эти самыя розги и повторилъ бы въ болѣе энергичной формѣ тѣ же самыя внушенія, которыя такъ усиленно старался ученикамъ внушать старый учитель, покидая ихъ, убѣдительно прося заниматься дѣломъ безъ него.

Но Богъ долготерпѣливъ и многомилостивъ; Онъ никого не принуждаетъ; до времени никого не караетъ и не наказываетъ; Его благости нѣтъ предѣла. Онъ ведетъ людей постепенно, шагъ за шагомъ, къ познанію истины; Онъ ожидаетъ, чтобы каждый опытнымъ и вполнѣ осмысленнымъ путемъ, черезъ свои собственныя заблужденія, сомнѣнія и ошибки, доходилъ до познанія добра и зла, до того внутренняго чувства, которое естественно уничтожаетъ и заставляетъ покидать матеріальныя земныя привязанности, грубые вкусы, страстныя наклонности и вообще все лишнее, совершенно въ сущности ему ненужное и которымъ онъ владѣетъ лишь какъ слѣдствіемъ своей порочности, неразвитости и полнаго несовершенства души своей и мало-по-малу открываетъ новое, болѣе обширное, поле дѣятельности, основанное на добродѣтеляхъ, любви, смиреніи и покорности волѣ Божіей, черезъ познаніе которой для него начинается уже дѣлаться отчасти понятно то блаженство, которое наполнитъ все существо его за гробомъ.

Развѣ всѣ превратности земной жизни, всѣ неудачи человѣка на его жизненномъ пути, всѣ несчастья не должны бы были заставить его одуматься, смириться и обратиться къ исполненію воли Божіей? Случайностями можетъ себѣ ихъ объяснять человѣкъ, закоренѣлый въ невѣріи и въ отрицаніи существованія Бога; но

человѣкъ, не дошедшій еще до отрицанія Бога, долженъ же понимать, что если Богъ только существуетъ, то случайностей въ жизни людей быть не можетъ, что все въ мірѣ есть проявленіе воли Божіей, что Его благая предусмотрительность распространяется на насъ дѣйствительно въ безконечной формѣ, какъ и всѣ дѣла Его и проникаетъ всю нашу жизнь до такихъ мельчайшихъ подробностей, до какихъ мы сами себѣ представить не можемъ и не можемъ даже придумать,—для чего могла бы служить такая подробная и мелочная предусмотрительность? А между прочимъ Христосъ сказалъ ясно, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы вашей безъ воли Творца; тѣмъ болѣе это должно относиться до болѣе крупныхъ условій нашей жизни, болѣе вліяющихъ на наши прямыя цѣли.

Развѣ всѣ обстоятельства жизни нашей не ясно свидѣтельствуютъ о полной несостоятельности человѣка, не прибѣгающаго къ помощи Бога, о полной его безпомощности и ничтожествѣ? Стоитъ только вникнуть въ земную жизнь, чтобы убѣдиться, что какъ бы ни былъ обширенъ и высокъ умъ человѣческій, онъ ничего самъ по себѣ не можетъ сдѣлать такого, что не могло бы разлетѣться и разсыпаться безслѣдно, какъ слѣдствіе его несостоятельности; ни науки, ни богатство, ни политика, ни дипломатія, по крайней мѣрѣ, не выработывали еще ничего подобнаго. Что можетъ дать человѣку счастье на землѣ? Такое полное довольство собой, чтобы онъ могъ съ полнымъ сознаніемъ абсолютнаго блаженства остановиться и сказать, какъ Гёте словами Фауста—„мгновеніе, остановись,—я доволенъ тобой, ибо дошелъ до предѣла“.

И богатство, и умъ, и господство, и власть, и блескъ общества и красота,—даже всѣ эти условія,совмѣщенныя въ одномъ человѣкѣ и сгруппированныя въ самомъ благопріятномъ для него смыслѣ, вызовутъ скоро въ немъ одну скуку и полное сознаніе того, что все это бренно и пусто и что все это занимало и забавляло его до тѣхъ только поръ, пока онъ добивался всего этого, но, достигнувъ, онъ понялъ всю призрачность достигнутой имъ цѣли. Онъ тутъ-то только понялъ, что сдѣлался совершенно несчастнымъ и презрѣннымъ человѣкомъ, ибо добиваясь совершенно не нужнаго, временно онъ сжигалъ свои корабли отступленія, выработывая въ себѣ такія привычки и качества души, которыя теперь уже становятся ему поперекъ дороги и окончательно препятствуютъ чув-

столбовъ заблужденія, которыми, конечно, сами остаются совершенно не удовлетворены.

Разительный и совершенно типичный примѣръ подобнаго рода мы имѣли въ произведеніи гр. Л. Н. Толстаго, „Въ чемъ моя вѣра". Несмотря на невообразимыя заблужденія гр. Т. въ пониманіи имъ Евангельскаго ученія, лжеученіе это находитъ себѣ массы послѣдователей среди образованной части публики, что доказываетъ ихъ солидарность воззрѣній и ихъ единомысліе. Нѣтъ возможности пройти молчаніемъ столь рѣзкія несообразности вкоренившіяся у многихъ, какъ непреложныя истины и какъ принципъ ихъ жизни, а потому понятно отчего лжеученіе это возбуждаетъ такъ много протестовъ со стороны людей видящихъ весь ужасъ этихъ заблужденій.

Въ настоящемъ сочиненіи своемъ мы постараемся указать на неправильность нѣкоторыхъ основаній, которыя приняты гр. Т. за исходныя точки его мышленія, предоставляя уже самому читателю судить о томъ, что можетъ быть построено на этихъ лживыхъ основаніяхъ.

Безвѣріе графа Л. Н. Толстаго.

Самъ гр. Толстой сознается, что послѣ того, какъ онъ прожилъ 35 лѣтъ нигилистомъ, ему сдѣлалось невыносимо его безвѣріе и что онъ сталъ искать спасенія и нашелъ его въ Евангеліи: „Я перешелъ отъ нигилизма къ Церкви, пишетъ онъ, только потому, что созналъ невозможность жизни безъ вѣры, безъ знанія того, что хорошо и дурно, помимо моихъ животныхъ инстинктовъ (стр. 9). Я такъ же, какъ разбойникъ на крестѣ, повѣрилъ ученію Христа и спасся. И это недалекое сравненіе, а самое близкое выраженіе того душевнаго состоянія отчанія и ужаса передъ жизнью и смертью, въ которомъ я находился прежде, и того состоянія спокойствія и счастья, въ которомъ нахожусь теперь" (стр. 3).

„Я, какъ разбойникъ, зналъ, что жилъ и живу скверно, видѣлъ, что большинство людей вокругъ меня живутъ такъ же. Я такъ же, какъ разбойникъ зналъ, что я несчастливъ и страдаю, и что вокругъ

меня люди такъ же несчастливы и страдаютъ и не видалъ никакого выхода изъ этого положенія, кромѣ смерти. И какъ разбойника ожидалъ страшный мракъ смерти, послѣ безсмысленныхъ страданій и зла жизни, такъ и меня ожидало то же (стр. 34). И вдругъ я услышалъ слова Христа, понялъ ихъ—и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и, вмѣсто отчаянія, я испыталъ радость и счастіе жизни, ненарушимыя смертью" (стр. 4).

Что въ Евангеліи находятъ себѣ утѣшеніе люди всякихъ развитій, это фактъ несомнѣнный. Какъ бы духовное развитіе человѣка ни было ограничено, какъ бы онъ ни былъ предубѣжденъ противъ него, но если онъ только отрѣшится отъ своихъ предвзятыхъ мыслей, обратится къ Евангелію и станетъ читать его со вниманіемъ,—онъ всегда найдетъ въ немъ много отраднаго и утѣшительнаго для души. Но несомнѣнно, что человѣкъ, болѣе развитый духовно, или человѣкъ, который не понадѣявшись на свои собственныя слабыя духовныя силы, обратился бы къ людямъ дѣйствительно изучившимъ Его какъ умомъ, такъ и сердцемъ своимъ, или хотя бы къ соотвѣтствующимъ книжнымъ источникамъ, извлекъ бы большую пользу, чѣмъ тотъ, который начнетъ читать одно Евангеліе.

Гр. Толстой слишкомъ понадѣялся на свои собственныя силы; обратившись къ Евангелію, онъ, конечно, понялъ изъ него кое-что, и не такъ, какъ понималъ эти мѣста Самъ Христосъ, но и то немногое, что онъ понялъ, уже доставило большое утѣшеніе его „отчаянію и ужасу передъ жизнію и смертію" и онъ остановился на нихъ, удовлетворившись ими вполнѣ; ибо то, что онъ понялъ, успокоивало и утѣшало его несравненно болѣе, чѣмъ совершенно уже безотрадный атеизмъ, и онъ развилъ то, что онъ понялъ, облекъ это въ особую систему и сочиненіемъ своимъ „Въ чемъ моя вѣра" предлагаетъ людямъ слѣдовать за собой.

Никто, конечно, не можетъ отнять отъ гр. Толстаго права писать и составлять какія ему угодно теоріи и системы дешевой и удобной жизни на землѣ, а людямъ—принимать или отвергать ихъ; всякій свободенъ въ своихъ убѣжденіяхъ, равно и въ выборѣ изъ чужихъ мнѣній тѣхъ, которыя каждому нравятся, соотвѣтствуютъ его характеру, образу жизни, взглядамъ и которыя онъ желалъ бы

принять къ руководству своей жизни. Но гр. Толстой прикрывается авторитетомъ Евангелія, не имѣя ничего съ нимъ общаго; онъ утверждаетъ, что вся теорія его и вся его система новой жизни выведена имъ непосредственно изъ словъ самого Христа, въ то время, когда большинство изъ приводимыхъ имъ словъ Христа извращены до такой степени, что получили совершенно новое значеніе, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительнымъ смысломъ словъ Христа. Свое ученіе онъ излагаетъ съ такой силой, смѣлостью и самоувѣренностью, такъ краснорѣчиво и убѣдительно, что невольно заставляетъ вѣрить, что ему одному удалось, какъ онъ самъ говоритъ, „открыть“ такія вещи въ Евангеліи, смыслъ которыхъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ, не приходилъ будто-бы рѣшительно никому въ голову. Онъ убѣжденъ, что принялъ основаніемъ своего ученія дѣйствительный и истинный смыслъ ученія Христа и что его ученіе есть непреложное требованіе Бога отъ людей, тогда какъ въ сущности оно есть не болѣе какъ весьма интересный образчикъ или крайне назидательный примѣръ того предѣла заблужденій и той, совершенно невѣроятной, духовно-нравственной слѣпоты, до которой можетъ дойти человѣкъ вполнѣ развитой, но пробывшій 35 лѣтъ нигилистомъ.

Гр. Толстой безспорно обладаетъ вполнѣ выдающимся умомъ, воображеніемъ, наблюдательностію и всѣми другими способностями своего разума; но вопросъ въ томъ, всестороненъ ли и всеобъемлющъ ли его разумъ? Обнимаетъ ли онъ способности всѣхъ людей, взятыхъ вмѣстѣ, и что нѣтъ ли такихъ темъ въ природѣ, или такихъ областей знанія, до которыхъ онъ не простирается?—Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ несомнѣненъ, ибо энциклопедичной геніальности изъ исторіи великихъ людей до сихъ поръ не было извѣстно; всѣ геніальности сосредоточивались всегда на извѣстныхъ только областяхъ знанія. Всѣ геніальные люди въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно получали смолоду болѣе или менѣе разностороннюю подготовку, но затѣмъ сосредоточивались и спеціализировались на одной опредѣленной области, въ которой уже и достигали высшихъ предѣловъ развитія, и это развитіе не могло бы достигнуть такихъ высокихъ степеней, если бы оно не поглощало и не уничтожало всѣ остальныя дарованія и способности, бывшія въ нихъ, какъ всякое дерево, вырастающее въ сукъ.

Мы знаемъ гр. Толстаго за геніальнѣйшаго художника-поэта, и въ этомъ отношеніи онъ обладаетъ вполнѣ колоссальнымъ талантомъ, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ одинаково геніаленъ какъ религіозно-нравственный моралистъ? Если онъ очень искусно схватываетъ, улавливаетъ и передаетъ намъ внѣшнія проявленія земной жизни, или всю связь и соприкосновенія человѣка съ матеріальнымъ міромъ, его пороки и недостатки, его борьбу съ обстоятельствами, людьми, своими страстями и злыми наклонностями,— слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ одинаково легко долженъ постигать и чувствовать внутренній, сверхчувственный міръ человѣка, связывающій его съ міромъ небеснымъ? Природа этихъ обоихъ дарованій совершенно иная; разбирая же по существу произведеніе гр. Толстаго „Въ чемъ моя вѣра“ и многія другія, въ особенности тѣ, которыя стали появляться въ послѣдніе годы, въ которыхъ онъ, сойдя съ чисто художественной и бытовой стороны человѣческой жизни, старается углубляться во внутреннюю жизнь человѣка и касаться отправленій духовныхъ чувствъ,—вполнѣ доказываютъ, что при полномъ его и самомъ искреннемъ желаніи проникнуть глубже человѣка, онъ этого сдѣлать не въ состояніи и какъ только онъ начинаетъ переходить грань, раздѣляющую видимый матеріальный міръ отъ невидимаго духовнаго, онъ немедленно начинаетъ вдаваться въ такія для всѣхъ наглядныя несообразности, которыя показываютъ абсолютную для него невозможность хотя бы отчасти постигнуть что-нибудь изъ него.

Надо только удивляться, какъ могъ гр. Толстой вообразить себѣ, что онъ вдругъ, въ одно мгновеніе ока, какъ онъ самъ говоритъ, могъ понять все Евангеліе въ полномъ его объемѣ, отбросивъ всѣ толкованія и всѣ разъясненія Св. Отцевъ, признавъ ихъ для себя вредными и затемняющими лишь свое собственное пониманіе. Это мгновенное уразумѣніе всего Евангельскаго ученія было настолько ясно и опредѣленно для него, что онъ считалъ себя въ состояніи написать цѣлую философскую систему, преобразовывающую весь строй жизни человѣческой. Онъ въ этомъ случаѣ ссылается на слова Христа и говоритъ: „и только извѣрившись одинаково и во всѣ толкованія ученой критики, и во всѣ толкованія ученаго богословія, и откинувъ ихъ всѣ, по слову Христа: Если не примите Меня какъ дѣти, не войдете въ Царствіе Божіе.... Я по-

нялъ вдругъ то, чего не понималъ прежде. Я понялъ не тѣмъ, что я какъ-нибудь искусно, глубокомысленно переставлялъ, сличалъ, перетолковывалъ; напротивъ, все открылось мнѣ тѣмъ, что я забылъ всѣ толкованія" (стр. 14).

Христосъ дѣйствительно училъ, что люди простые, не испорченные, подобные дѣтямъ, лучше другихъ понимаютъ Его Св. ученіе; но съ тѣхъ поръ, какъ дано ученіе Христа людямъ, никто еще не осмѣливался играть или злоупотреблять Его словами, ибо Онъ сказалъ это въ слѣдующемъ выраженіи: „*Славлю Тебя, Отче Господи неба и земли! Что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ*" (Матѳ. XI. 25).

Надо всегда помнить, что человѣкъ есть то именно, что онъ есть, и думать, что онъ можетъ въ одно мгновеніе ока измѣниться или переродиться, пользуясь для своей трансформаціи единственно силою своего желанія, — есть одно заблужденіе. Человѣкъ есть продуктъ своихъ способностей и качествъ, ниспосланныхъ ему черезъ благодать Божію, и своихъ собственныхъ стараній и работы надъ собой, выказанныхъ имъ въ теченіе всей его жизни на землѣ. И никто не можетъ думать и воображать, что объ одномъ и томъ же предметѣ онъ могъ бы судить съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія: въ первый разъ онъ взглянетъ и разсудитъ какъ 35-ти лѣтній нигилистъ—мудро и умно, а для втораго раза онъ вдругъ преобразится въ 10-ти лѣтняго мальчика, и, отрѣшившись отъ всей своей долгой жизни, отъ практической опытности, отъ установившихся взглядовъ и склада ума, однимъ словомъ, отъ всей своей научной мудрости, превратившейся отъ долголѣтней практики въ природное качество,— будетъ судить своимъ естественнымъ и никакими знаніями не затемняемымъ разумомъ подъ руководительствомъ внутреннихъ душевныхъ чувствъ,—наивно и просто.

Въ сущности гр. Толстой очень хорошо понимаетъ, что на самомъ дѣлѣ онъ не судилъ какъ ребенокъ, ибо въ семи мѣстахъ своего сочиненія повторяетъ очень опредѣленно, что понялъ ученіе Христа однимъ разумомъ. Напримѣръ, онъ говоритъ: „Но разумъ тотъ, который освѣщаетъ нашу жизнь и заставляетъ насъ измѣнять наши поступки, есть не иллюзія, и его-то ужь никакъ нельзя отрицать. Слѣдованіе разуму для достиженія блага,—въ этомъ было всегда

ученіе Христа, и его-то, т. е. разумъ, отрицать разумомъ уже никакъ нельзя" (стр. 164).

Не ясно ли можно заключить изъ этихъ словъ: 1) что гр. Толстой понялъ самъ ученіе Христа единственно своимъ разумомъ и своею практическою мудростію, безъ всякаго участія души и сердца; а во 2) что онъ понялъ, что будто бы все ученіе Христа состоитъ въ томъ, чтобы внушить человѣчеству достигать своего блага черезъ свой разумъ.

Приведемъ второй примѣръ: „Вѣра, говоритъ графъ Толстой, не можетъ произойти отъ довѣрія къ тому, что онъ скажетъ; вѣра происходитъ только отъ сознанія своего положенія. Вѣра зиждется только на разумномъ сознаніи того, что лучше дѣлать, находясь въ извѣстномъ положеніи" (стр. 224 и 225). Изъ этихъ словъ надо заключить, что, по мнѣнію гр. Толстаго, вѣра не есть вѣра, или довѣріе, а есть разумное сознаніе своего положенія Слѣдовательно гр. Толстой думаетъ убѣдить людей, что вѣра не есть то внутреннее, теплое и спокойное чувство, исключающее всякое сомнѣніе, всякую провѣрку, но что вѣра есть, совершенно наоборотъ, слѣдствіе разума, знанія и опытности. Онъ даетъ въ этихъ своихъ словахъ такое опредѣленіе своему понятію о вѣрѣ, что невольно надо спросить себя: какое же различіе между вѣрой, житейскимъ разсчетомъ и практическою мудростью? Если мы одни слова замѣнимъ другими, то смыслъ останется совершенно ненарушимымъ; а именно: если мы скажемъ: „житейскій разсчетъ и практическая мудрость зиждется только на разумномъ сознаніи того, что лучше дѣлать, находясь въ извѣстномъ положеніи"—не вѣрнѣе ли даже это будетъ? Никто не можетъ упрекнуть это второе опредѣленіе, хотя бы въ малѣйшей неточности или даже въ натяжкѣ, оно точно до педантизма, а слѣдовательно совершенно естественно заключить, что гр. Толстой полагаетъ, что вѣра, житейскій разсчетъ и практическая мудрость—синонимы. Это заблужденіе очевидно для всѣхъ, которые вѣрятъ во что-нибудь; надо ровно ни во что и никогда въ жизни не вѣрить, чтобы вѣрѣ своей отвести мѣсто среди своихъ самыхъ грубыхъ и спекулятивныхъ способностей, и какимъ образомъ онъ, идя такимъ путемъ мышленія, можетъ выяснить себѣ слова Христа, сказавшаго: *„Если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей:*

перейди отсюда туда, и она перейдетъ, и ничего не будетъ невозможно для васъ“ (Матѳ. XVII. 20).

Однако гр. Толстой увѣряетъ, что все ученіе Христа состоитъ именно въ томъ, чтобы внушить человѣку разумное, сознательное и вполнѣ опредѣленное отношеніе къ своему жизненному положенію, что Христосъ учитъ людей житейскому разсчету и практической земной мудрости. Но если это такъ, то какъ же Христосъ могъ сказать, что лучше дѣтей никто не можетъ понять Его ученіе, какимъ образомъ могъ онъ сказать, что Богъ скрывалъ отъ мудрыхъ и разумныхъ пониманіе Его словъ? Вѣдь Христосъ пустыхъ словъ не говоритъ; самъ графъ Толстой постоянно ратуетъ о томъ, чтобы слова Христа понимались въ прямомъ ихъ смыслѣ, такъ, какъ Онъ Самъ говорилъ, а слѣдовательно—если Христосъ сказалъ, что Его ученіе скрыто отъ мудрыхъ и открыто дѣтямъ, то это дѣйствительно такъ и нужно понимать, но не иначе.

Какое представленіе дѣлаемъ мы себѣ о понятіяхъ дѣтей? Во всякомъ случаѣ мы отъ ребенка никакъ уже не можемъ требовать разумнаго, сознательнаго и вполнѣ опредѣленнаго отношенія къ своему жизненному положенію, но діаметрально противоположнаго, а именно: до наивности простаго и естественнаго взгляда на вещи, полнѣйшее отсутствіе знанія жизни, всякаго житейскаго разсчета и всякой опытности; довѣріе къ людямъ у нихъ полнѣйшее, ибо объ обманѣ они и понятія имѣть не могутъ; все существо ихъ проникнуто горячей, слѣпой и безотчетной вѣрой въ Бога. Вотъ какимъ людямъ Христосъ особенно легко открываетъ Свое ученіе, т.-е. такимъ, которые обладаютъ качествами, совершенно противоположными тѣмъ, которыя требуетъ гр. Толстой отъ послѣдователей Христа, во Имя Христа, совершенно противоположныя тѣмъ качествамъ, которыя, воодушевляли его самого, при самыхъ его усиленныхъ изученіяхъ и при чисто научномъ анализѣ Евангелія, къ которымъ не примѣшивалось и тѣни того теплаго и отраднаго чувства, вливающагося въ сердце при чтеніи каждаго слова Евангелія, что даетъ единственную возможность проникать въ духовно-нравственный внутренній міръ человѣческой природы. Гр. Толстой, конечно, и не могъ отличить житейскаго разсчета и практической земной мудрости отъ слѣпой и безотчетной вѣры въ Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не могъ причислить себя къ разряду тѣхъ именно людей мудрыхъ и разумныхъ, отъ которыхъ утаилъ Господь Свое ученіе.

Не вѣря въ благодать Божію, дающую людямъ возможность мысленно проникать въ духовный міръ, не вѣря Святымъ людямъ, всю свою жизнь посвятившимъ изученію правильнаго уразумѣнія слова Божія и безконечно и безпредѣльно премудраго смысла ученія Христа, гр. Толстой много трудился и думалъ надъ Евангеліемъ, но до того велико было въ немъ духовное ослѣпленіе, что онъ ничего не могъ понять въ немъ. Онъ самъ говоритъ: что послѣ многихъ и многихъ тщательныхъ исканій и изученій того, что было писано (вѣрующими людьми) въ доказательство Божественности ученія Христа и (невѣрующими, атеистами, матеріалистами и язычниками) въ доказательство небожественности Его, я остался все-таки одинъ съ своимъ (пустымъ, неудовлетвореннымъ и невѣрующимъ) сердцемъ и (не понявъ ровно ничего изъ той) таинственной книги, которая лежала предо мной. Я не могъ дать ей того смысла, который давали другіе (ибо судилъ однимъ практическимъ и житейскимъ разумомъ), и не могъ придать никакого иного (ибо одинъ разумъ безсиленъ и вполнѣ недостаточенъ, чтобы понять слова Христа) и не могъ отказаться отъ нея (ибо гордость и самолюбіе были уязвлены, задѣты за живое сознаніемъ собственнаго безсилія и ничтожества при столкновеніи съ премудрой простотой Христа)" (стр. 13, 14).

Ужасно и вполнѣ безотрадно положеніе человѣка, начинающаго искать Евангельскую истину, послѣ того, какъ всѣ, Богомъ дарованныя, средства, находившіяся смолоду внутри человѣка, были попраны и уничтожены долголѣтнимъ безвѣріемъ. Гр. Толстой имѣлъ возможность больше, чѣмъ кто-либо другой, воспользоваться всѣми тѣми данными и источниками, которые могли способствовать ему въ его трудѣ; онъ вполнѣ располагалъ своимъ временемъ и ничто не отрывало его отъ предпринятаго имъ труда, что составляетъ великое преимущество предъ тѣми, которые должны работать для добыванія себѣ средствъ къ жизни,—гр. Толстой же вполнѣ обезпеченъ и свободенъ, а потому могъ имѣть всѣ книги и всѣ руководства; онъ всѣмъ извѣстенъ, а слѣдовательно могъ говорить со всѣми, совѣтываться, обмѣниваться мнѣніями, провѣрять свои мысли, теоріи и всякаго рода открытія, былъ знакомъ со многими живыми и мертвыми языками, но всего этого оказалось

недостаточнымъ, ибо, чтобы понять Евангеліе, нужно имѣть совершенно другаго рода средства и другую подготовку, надо имѣть еще нѣчто, чего пріобрѣсти онъ не былъ въ состояніи и чѣмъ всегда владѣетъ человѣкъ вѣрующій. Передъ гр. Толстымъ лежали всѣ Евангелія, всѣ толкованія на нихъ Св. Отцевъ Церкви, и кромѣ того множество атеистическихъ сочиненій, какъ напримѣръ: Ренана, Страуса, Бауера, Швеглера; онъ читалъ ихъ, разбиралъ ихъ своимъ разумомъ съ полнѣйшимъ отсутствіемъ вѣры въ Бога. Онъ самъ говоритъ, что не могъ согласиться ни съ однимъ изъ всѣхъ разъясненій смысла ученія Христа и все дальше и дальше запутывался въ безконечномъ лабиринтѣ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній, убѣжденій и воззрѣній, которыя для него всѣ имѣли одну цѣну: Ренанъ и Іоаннъ Златоустъ, Апостолъ Павелъ и Страусъ—производили на него одинаковое впечатлѣніе; отдать кому-нибудь преимущество онъ не могъ, ибо сердце ему ничего не подсказывало, а разумъ очень опредѣленно отказывался судить; одна настойчивость усиленно заставляла его идти все дальше и дальше,—но куда? Онъ самъ этого не зналъ, онъ бродилъ какъ въ темномъ лѣсу и самолюбіе уже не позволяло признать свою несостоятельность.

По всей вѣроятности, гр. Толстой никогда не былъ въ такомъ положеніи, а потому окончательно не понялъ его. Пока онъ занимался художественной литературной дѣятельностью, его таланту были послушны всѣ его произведенія; они всегда доставались ему очень легко и какъ-бы баловали его; онъ совершенно шутя, слѣдуя своему обильнѣйшему воображенію, своимъ наблюдательности и умѣнью, создавалъ типы людей, ставилъ ихъ въ извѣстныя обстановки, придавалъ всему, съ особеннымъ искуствомъ, крайне завлекательную и интересную форму, надѣлялъ героевъ своихъ пороками и добродѣтелями, казнилъ, миловалъ и награждалъ ихъ; проводилъ черезъ нихъ свои житейскіе взгляды на жизнь людей и былъ вполнѣ убѣжденъ, что все, что касается земной жизни людей, постигнуто и изучено имъ вполнѣ, и что другой жизни, кромѣ той, которая послушна его уму, и быть не можетъ; онъ совершенно забылъ, что есть безконечная область загробной жизни, съ который тоже связанъ человѣкъ и которая невидимо и неуловимо отражается на всей его жизни, на всѣхъ сторонахъ его характера и гораздо могущественнѣе первой, ибо въ ней сокрыты всѣ причины

его поступковъ; а потому, попавъ въ это затруднительнѣйшее положеніе, онъ самъ не могъ оцѣнить его. Онъ совсѣмъ не могъ оцѣнить себя какъ моралиста теолога и рѣшительно не сознавалъ, что блуждаетъ какъ въ чужомъ дремучемъ лѣсу и уже давно заблудился. Ему казалось, что нельзя заблудиться тамъ, гдѣ ходитъ такъ много народа; но онъ не принялъ во вниманіе того, что онъ не можетъ повѣрить вѣрующимъ людямъ, какъ - бы они ни убѣждали его; что тѣ доводы, которые они могутъ ему представить, не могутъ быть имъ приняты безъ провѣрки, а эти люди ничего ему доказать не могутъ, они просто указываютъ вдаль и просятъ самому убѣдиться, но онъ самъ не видитъ, а другимъ вѣрить не можетъ. Онъ видитъ, что Христосъ говорилъ милліонамъ простыхъ, немудрыхъ людей, жившихъ когда-то и живущихъ теперь, и всѣ они совершенно свободно понимали Христа; могъ-ли онъ вообразить, что самъ понимаетъ меньше ихъ, видитъ хуже и ничего не чувствуетъ тамъ, гдѣ эти послѣдніе весьма опредѣленно ощущаютъ. Онъ приписывалъ всѣ затрудненія не своей абсолютной слѣпотѣ, но только огромному количеству матеріала, подлежащему изслѣдованію и изученію, и когда ему показалось, что изъ части добытыхъ данныхъ можно связать нѣчто цѣлое, онъ, не задумываясь надъ общимъ смысломъ, и составилъ свою теорію, вполнѣ сознавая, что она основана не на строгомъ изученіи предмета, а лишь на предварительныхъ догадкахъ. Онъ самъ говоритъ: „это не было методическое изслѣдованіе богословія и текстовъ Евангелій, это было мгновенное устраненіе всего того, что скрывало смыслъ ученія и мгновенное озареніе свѣтомъ истины. Это было событіе, подобное тому, которое случилось бы съ человѣкомъ, тщетно отыскивающимъ по ложному рисунку значеніе кучи мелкихъ перемѣшанныхъ кусковъ мрамора, когда бы, вдругъ, по одному наибольшему куску онъ догадался, что это совсѣмъ другая статуя, и, начавъ возстановлять новую, вмѣсто прежней безсвязности кусковъ, на каждомъ обломкѣ всѣми изгибами излома, сходящимися съ другими и составляющими одноцѣлое, увидалъ бы подтвержденіе своей мысли. Это самое случилось со мной“ (стр. 5. 6).

Сравненіе это совершенно неправильно; не разбитую статую складывалъ гр. Толстой, ибо, складывая разбитую статую, можно или ничего не сложить, или сложить только ту самую статую, которая была раньше; но онъ складывалъ домикъ изъ кирпичиковъ и кубиковъ, изъ которыхъ можно было сложить сотни другихъ разныхъ домовъ; но требовалось сложить такой, который удовлетворялъ бы извѣстнымъ условіямъ, такой, который показывалъ бы людямъ какъ имъ жить, исполняя ученіе Христа, а не другой какой-либо домъ; но, не понявъ методически ученіе Христа, какъ могъ онъ и думать сдѣлать что-либо похожее на то, что требовала задача?

Краткая исторія открытій гр. Толстаго въ области Евангельскаго ученія.

Исторія сдѣланнаго гр. Толстымъ „открытія въ области Евангельскаго ученія“, какъ выражается онъ самъ, излагается имъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: съ тѣхъ первыхъ поръ, когда онъ еще только сталъ читать Евангеліе, его всегда трогали и умиляли тѣ мѣста, въ которыхъ проповѣдуется любовь, смиреніе, униженіе, самоотреченіе и возмездіе добромъ за зло. Такова и осталась для гр. Толстаго сущность христіанства, то что онъ когда-то сердцемъ любилъ въ немъ, и то, во имя чего, какъ признается онъ самъ: „послѣ отчаянія и послѣ долгаго періода своего невѣрія, призналъ истиннымъ тотъ смыслъ, который придаетъ жизни христіанскій трудовой народъ и во имя чего онъ хотѣлъ подчинить себя тѣмъ же вѣрованіямъ, которыя исповѣдуетъ этотъ народъ, т.-е. Православной Церкви“ (стр. 7). Но, начавъ изучать, разбирать и анализировать ученіе Церкви, онъ скоро замѣтилъ, что дорогая для него сущность христіанства не составляетъ главнаго въ ученіи Церкви; онъ совершенно расходился въ взглядахъ и въ убѣжденіяхъ съ ученіемъ Церкви и искалъ въ немъ, или желалъ отыскать того, чего оно никакъ не давало ему. Онъ видѣлъ, что Церковь не только не отрицала того, что казалось гр. Толстому главнымъ въ ученіи Церкви, но вполнѣ признавало это; но оно признавало это какъ-то такъ, что это главное въ ученіи Христа становилось для него не на первомъ планѣ; „я не могъ, говоритъ онъ, упрекнуть Церковь въ

томъ, чтобы она отрицала (много признанное за) существенное, но Церковь признавала это существенное такъ, что оно не удовлетворяло меня" (стр. 8).

Что же такое особенное искалъ гр. Толстой въ ученіи Церкви, чего она не могла бы ему дать?—Это выясняется изъ слѣдующихъ его словъ: „я перешелъ отъ нигилизма къ Церкви только потому, что сталъ сознавать всю невозможность жизни безъ вѣры, безъ знанія того, что хорошо и что дурно, помимо моихъ животныхъ инстинктовъ. Знаніе это я думалъ найти въ христіанствѣ. Но христіанство, какъ оно представлялось мнѣ тогда, (и тогда, когда онъ былъ молодъ и не вкусилъ еще житейской и практической мудрости, представлялось ему почти вѣрно) было только извѣстное настроеніе, очень неопредѣленное (для каждаго невѣрующаго и неразвитаго духовно человѣка—вѣра представляетъ изъ себя не только нѣчто неопредѣленное, но и совершенно неуловимое), изъ котораго не вытекали ясныя и обязательныя правила жизни. А за этими-то правилами я и обратился къ ученію Церкви" (стр. 9).

Однимъ словомъ, гр. Толстой искалъ въ ученіи Церкви, главнымъ образомъ, для себя знаній такихъ, которыя могли бы указать ему, какъ ему жить счастливо на землѣ и какъ для этого надо поступать въ жизни; Церковь же главнымъ образомъ стремится въ своихъ послѣдователяхъ укоренить вѣру; она настаиваетъ на извѣстномъ, чисто христіанскомъ, настроеніи, при которомъ только и возможно ясно понимать, охватывать, или, лучше сказать, проникнуться дѣйствительнымъ значеніемъ ученія Христа. Самъ Христосъ не ограничивается тѣмъ, что даетъ своимъ послѣдователямъ новый законъ жизни, но открываетъ имъ и *самый источникъ новый жизни*. Источникъ этотъ въ *Немъ Самомъ*. Поэтому Онъ не отдѣляетъ Своего ученія отъ *Своей личности*, какъ это дѣлаютъ и должны дѣлать мудрые учителя и законодатели человѣческіе. Вѣровать въ Его слово, значитъ вѣровать въ Него Самого; познавать отъ Него истину, значитъ познавать Его Самого; слѣдовать Его заповѣдямъ, значитъ пребывать въ Немъ: „*Вѣруйте въ Меня. Я путь, истина и животъ. Пребывайте во Мнѣ и Я въ васъ*" (Іоан. XIV. 16; XV. 4).

Какъ ни высоки и святы наставленія Христа, но ими одними не создается христіанская жизнь; сила нравственная почерпается не въ Евангельскихъ только урокахъ, а главнымъ образомъ *въ единеніи съ Тѣмъ, Кто преподалъ ихъ.* Потому истинные ученики Христовы познаются не по правотѣ только исповѣдуемой ими вѣры и не по чистотѣ только правилъ ихъ дѣятельности, а больше всего—*по силѣ дѣйствующей въ нихъ любви Христовой.* Самъ Господь не признаетъ своими тѣхъ, которые хотя принимаютъ Его ученіе, вѣрятъ Его слову и исповѣдуютъ Его своимъ Господомъ, *но не знаютъ Его Самого, сердцемъ далеки отъ Него* (Матѳ. XV. 8 и VII. 21—23). До какой степени подлинность или не подлинность послѣдованія Христу зависитъ отъ духовнаго союза съ Нимъ, видно особенно изъ тѣхъ, необыкновенно сильныхъ и съ перваго взгляда какъ-будто даже чрезмѣрныхъ выраженій, какія Онъ употреблялъ иногда, говоря объ отношеніи къ Себѣ Своихъ послѣдователей: „*Если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и всей своей жизни, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ*“. (Лук. XIV. 26). Проповѣдникъ и законоположникъ любви, безъ сомнѣнія, не могъ быть въ то же время разрушителемъ самыхъ дорогихъ и законныхъ союзовъ человѣческихъ, не могъ внушать также ничего, ведущаго къ самоубійству: но сила въ томъ, что люди не иначе могутъ соединяться между собою въ общій, святой и нерасторжимый союзъ, какъ только соединяясь съ Своимъ Господомъ, не могутъ также ощущать истинной жизни въ себѣ, не предаваясь сердцемъ своему Господу. Все, что препятствуетъ духовному единенію съ Господомъ, будетъ-ли то привязанность къ лицамъ, или любимыя привычки и наклонности, должно быть оставлено, отвергнуто, какъ достойное ненависти—вотъ что требуется Спасителемъ отъ каждаго, кто захочетъ быть истиннымъ ученикомъ. (Очерки нравст. уч. Ѳаворова. Кіевъ 89 г., стр. 31, 32).

Церковь говоритъ: конечно, надо въ земной жизни поступать каждому какъ можно лучше, какъ можно болѣе подходяще къ тѣмъ высокимъ идеаламъ, которые указываетъ Церковь; надо жить въ духѣ христіанства и работать надъ увеличеніемъ въ себѣ благихъ стремленій, намѣреній, но надо непремѣнно стараться поступать такъ не одними внѣшними пріемами, но всѣ стремленія и вся работа эта должна охватывать и всѣ внутреннія чувства; долж-

но поступать хорошо при извѣстномъ внутреннемъ христіанскомъ настроеніи, при которомъ поступать иначе дѣлается невозможнымъ. Человѣкъ долженъ долго работать надъ собой, принуждая себя къ такимъ поступкамъ черезъ свою собственную свободную волю и можетъ себя считать совершеннымъ и духовно развитымъ только тогда, когда всѣ его поступки, при всей трудности жизни, будутъ безупречны какъ по внѣшнему ихъ виду, такъ и по внутреннему состоянію души его.

Вотъ этого-то никакъ и не могъ понять и усвоить себѣ гр. Толстой; онъ требуетъ ясныхъ и опредѣленныхъ правилъ для своей земной жизни, такихъ, которыя могли бы сдѣлать его христіаниномъ, но Церковь такихъ правилъ ему дать не можетъ, ибо какъ бы хорошо человѣкъ ни поступалъ, но если онъ при этомъ не обращаетъ вниманія на свое внутреннее развитіе, не стремится подобными поступками угодить Богу, приготовить или образовать себя достойнымъ вкушенія Царства Небеснаго, а дѣлаетъ такъ, преслѣдуя какую-нибудь земную конечную цѣль, то никогда христіаниномъ не будетъ. Церковь постоянно твердитъ ему, что нельзя смѣшивать понятія о вѣрѣ въ Бога съ понятіемъ о знаніяхъ людскихъ; вѣра пріобрѣтается совершенно не тѣмъ путемъ, какимъ пріобрѣтаются знанія и общаго между ними ничего нѣтъ.

Церковь не даетъ точныхъ и опредѣленныхъ правилъ, какъ поступать человѣку, но даетъ ему безконечный идеалъ, къ которому всякій долженъ стремиться и приближаться по возможности ближе; чѣмъ лучше выполнитъ онъ свою задачу, тѣмъ онъ блаженнѣе. Христіанину предоставляется полный выборъ поступковъ, и каждый, поступая сообразно своему нравственному развитію, своему духовному пониманію вещей, лучше можетъ выказывать свою нравственную силу, чѣмъ буквально исполняя предписанія закона.

Христосъ, напримѣръ, учитъ любить ближняго, быть милосердымъ, участвовать въ страданіяхъ ближняго; но можно-ли въ этомъ случаѣ спросить: насколько каждый бѣдный достоинъ сожалѣнія? или: сколько надо раздать денегъ, чтобы имѣть право на загробное блаженство? Какъ отвѣтъ на это, мы всегда должны помнить одобреніе Христомъ бѣдной вдовицы, положившей въ кружку всего двѣ лепты; Онъ сказалъ: „*ибо всѣ клали отъ избытка своего, а она отъ скудости своей положила все, что имѣла, все пропитаніе свое*“ (Марк. XII. 44). Но можно ли и эти слова понимать въ букваль-

номъ, грубомъ земномъ смыслѣ? Если бы кто-нибудь, пользуясь этими словами Христа, отдалъ бы тоже все свое послѣднее, въ ожиданіи за это великихъ благъ на небѣ, поступилъ бы онъ въ духѣ христіанства, хотя бы исполнилъ точно слова Христа—ожидалъ бы себѣ благъ не на землѣ, но на небѣ? Отвѣтить на это можно словами апостола Павла: „*Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я роздалъ все имѣніе мое и отдалъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю,—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы*“ (1 Коринѳ. XIII. 2—3). Христіанинъ долженъ непремѣнно работать надъ собой, надъ своей душей до тѣхъ поръ, пока всякое благое участіе и любовь къ ближнему не сдѣлаются въ немъ естественными и неотъемлемыми качествами и будутъ сами собой служить побужденіями къ добрымъ дѣламъ и руководителями его во всѣхъ столкновеніяхъ съ ближнимъ, въ особенности при видѣ всѣхъ страданій или нищеты людской; нужно отдать это послѣднее съ полнымъ внутреннимъ непритворнымъ чувствомъ любви и участія къ ближнему, съ вѣрой въ Бога, съ тѣмъ именно настроеніемъ, которое не можетъ быть пріобрѣтено путемъ знанія, но долгой и настойчивой работой надъ своими внутренними чувствами, и которое передать или разсказать кому-нибудь другому, кто самъ не испыталъ его, нѣтъ никакой возможности.

Христосъ, напримѣръ, сказалъ: „*Не противься злу; но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему другую*“. (Матѳ. V. 39).—Не самый только фактъ подставленія щеки одобряетъ Христосъ, а то внутреннее ненарушимое чувство любви и участія къ ближнимъ, то внутреннее христіанское смиреніе, самоуничиженіе, обузданіе своихъ животныхъ инстинктовъ и подавленіе своихъ личныхъ тщеславныхъ чувствъ, своей гражданской гордости и мелочнаго и ложнаго самолюбія, которыя не должны никогда покидать истиннаго христіанина ни въ какихъ, даже самыхъ трудныхъ, обстоятельствахъ жизни его. Имѣя, напримѣръ, дѣло съ порочнымъ, страстнымъ и злымъ человѣкомъ, даже съ врагомъ, христіанское чувство любви и участія къ нему не должно омрачаться или уменьшаться; оно, конечно, можетъ и естественно должно получить нѣкоторый оттѣнокъ сожалѣнія и скорби о недостаткѣ развитія и грѣховности его, но христіанинъ ни въ какомъ случаѣ

не долженъ противиться злу, не долженъ внутренно возмущаться его поведеніемъ, не долженъ заставлять его силой дѣлать добро, не долженъ злиться или вообще возмущаться, если увидитъ явное упорство въ грѣхахъ и положительный отказъ въ исправленіи, несмотря на увѣщанія, доказательства и совѣты поступать хорошо, а напротивъ, терпѣливо, съ смиреніемъ долженъ во всякое время быть готовымъ оказать новую помощь, духовную, или нравственную, или даже матеріальную поддержку; долженъ быть всегда готовымъ на всякое самопожертвованіе, лишь бы способствовать его исправленію; если бы подобный человѣкъ позволилъ себѣ сдѣлать намъ что-либо дурное, даже нанесъ бы намъ высшее оскорбленіе, которое только можетъ нанести одинъ человѣкъ другому, т. е. ударилъ вы насъ въ щеку, то въ насъ чувство любви и участія должно все-таки настолько быть выше и сильнѣе этого оскорбленія, что оно не должно нисколько затмеваться или уменьшаться отъ него, какъ одна капля воды не можетъ уменьшить объема стакана. Чувство любви и готовность наша на всякое содѣйствіе должно остаться то же и до такой степени неизмѣннымъ, что мы должны быть готовы подставить другую щеку и дѣйствительно подставили бы ему, если бы это могло принести хотя малѣйшую пользу. Совершенно такъ же, какъ мать ласкаетъ, неизмѣнно любитъ и не налюбуется на свое капризное и своенравное дитя; она терпитъ лишенія, оскорбленія, даже побои и готова еще на гораздо большія жертвы, лишь бы быть полезной своему ребенку— все это не только не уменьшаетъ ея любви, но, напротивъ, укрѣплять и устанавливаетъ ее.

Это настроеніе, эта безконечная христіанская, безотчетная и самая безкорыстная любовь и участіе къ ближнему, это внутреннее душевное смиреніе, долготерпѣніе не пріобрѣтаются одними знаніями, черезъ одно наружное исполненіе какихъ-нибудь правилъ, предписаній или указаній, которыя можно было бы выполнить безъ участія сердца и души человѣка, безъ долгой и самой настойчивой работы надъ всѣмъ своимъ существомъ: надъ тѣломъ, чтобы оно было въ состояніи по первому призыву безпрекословно исполнить требованія духа; надъ духомъ—чтобы развить и укрѣпить его на столько, чтобы онъ не боялся выражать свои требованія опредѣленно, отчетливо, понятно и энергично.

Всякій, кто попробовалъ бы своими собственными силами

достигнуть такого труднаго, а тѣмъ не менѣе вполнѣ необходимаго для каждаго христіанина нравственнаго состоянія, конечно, скоро отказался бы отъ этого, ибо немедленно почувствовалъ бы всю невозможность самому дойти до какихъ-либо цѣлесообразныхъ результатовъ и убѣдился бы въ своемъ личномъ безсиліи. Онъ увидѣлъ бы, что можно заставить себя выполнять ученіе Христа одними наружными пріемами, безъ всякаго участія сердца и души, но заставить себя чувствовать внутренно, или, такъ сказать, заставить себя всѣмъ существомъ участвовать въ этихъ поступкахъ, для него невозможно; желая, напримѣръ, исполнить слова Христа, онъ могъ бы подставить свою щеку, но чтобы быть довольнымъ собой за такой поступокъ, или чувствовать то, что чувствовала мать капризнаго ребенка, или чувствуетъ всякій христіанинъ, дошедшій уже до извѣстной степени совершенства въ своемъ развитіи,—вещь немыслимая,—въ это время его будетъ душить ужаснѣйшая злость, обиженное самолюбіе и цѣлый сонмъ чисто человѣческихъ грѣшныхъ и страстныхъ чувствъ возстали бы и вооружились бы на совершенно безцѣльное для него и ни съ чѣмъ будто бы несообразное насилованіе и истязаніе его тѣла.

Духовное развитіе есть даръ Бога человѣку и преуспѣваніе въ немъ возможно только съ помощію Бога, черезъ увеличеніе благодатной силы въ человѣкѣ. Самъ Христосъ сказалъ: „*какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собой, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, а Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудетъ во Мнѣ, изверженъ вонъ, какъ вѣтвь изсохнетъ, а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огнь и онъ сгорятъ*“ (Іоан. XV. 4—6).— Не ясно ли слѣдуетъ изъ этихъ словъ Христа, что грѣшный человѣкъ не можетъ только разсчитывать на свои собственныя слабыя силы, желая преуспѣять въ своемъ духовномъ развитіи, но долженъ не только работать надъ собой, надъ своей внѣшней и внутренней природой и работать съ полной надеждой на милость Божью, не оставляющую никого и дарующую всѣмъ по заслугамъ ихъ, но и строго исповѣдывать вѣру, быть участникомъ въ семействѣ Христовомъ, *исполнять требованія Церкви, молиться, соблюдать посты и таинства*. Только этимъ путемъ можетъ человѣкъ способствовать увеличенію своего духовнаго и истиннаго пониманія

сущности внутренняго своего міра, связывающаго его съ безконечнымъ міровымъ добромъ, начало и источникъ которыхъ находится въ Богѣ.

Вотъ этого никакъ не хочетъ и не можетъ понять гр. Толстой. Онъ объявляетъ прямо, что этого всего ему рѣшительно не нужно: „Мнѣ была нужна и дорога, говоритъ онъ, жизнь, основанная на христіанскихъ истинахъ, а Церковь давала мнѣ правила, вовсе чуждыя дорогимъ мнѣ истинамъ; правила, даваемыя о вѣрѣ въ догматы, (?) о соблюденіи постовъ, таинствъ и молитвы мнѣ были совершенно ненужны“ (стр. 9).

Иногда бываетъ положительно трудно рѣшить,—издѣвается ли гр. Толстой надъ этими святыми сущностями, или, дѣйствительно, его духовная слѣпота и непониманіе доходятъ до невообразимыхъ предѣловъ.—Напримѣръ, въ этомъ случаѣ онъ употребляетъ совершенно невѣрно выраженіе: „о вѣрѣ въ догматы“, какъ будто Церковь требуетъ вѣры въ свои догматы,—Церковь настаиваетъ на вѣрѣ въ Единаго Всемогущаго Бога, а не въ догматы; вѣра въ Церковные догматы—не болѣе какъ абсурдъ, ибо знаніе догматовъ Церкви пріобрѣтается черезъ изученіе ихъ такъ же, какъ всякое другое знаніе,—онъ долженъ ихъ знать и помнить; но примѣненіе изученныхъ догматовъ къ поступкамъ жизни, къ своему поведенію, къ своему міровоззрѣнію—должно производится при участіи тѣхъ внутреннихъ чувствъ, того развитія, которое отвергается Толстымъ и которое должно имѣть въ основаніи своемъ христіанскую вѣру во Всемогущаго Бога. Въ этихъ двухъ пониманіяхъ вещей ничего общаго нѣтъ, они отстоятъ другъ отъ друга, какъ небо отъ земли.

Конечно, каждому желающему ознакомиться и изучить всѣ вопросы вѣры, весь глубокій смыслъ ученія Христа и все, къ чему долженъ стремиться человѣкъ, чтобы имѣть право называться христіаниномъ,—долженъ имѣть довѣріе къ ученію Церкви и къ Святымъ Отцамъ и Пастырямъ Церкви, ибо только они и могутъ разъяснить ему, какъ можетъ человѣкъ достигнуть своего духовнаго развитія и своей вѣры въ Бога.

Во всякомъ случаѣ не объ этой вѣрѣ сказалъ Христосъ, что она можетъ сдвигать горы съ мѣста, не объ этой вѣрѣ въ свои догматы говоритъ Церковь, уча людей вѣрить и исполнять слово Божіе.

Но гр. Толстой не останавливается даже и на этомъ, онъ идетъ дальше въ своихъ заблужденіяхъ и уже въ нѣсколько насмѣшливомъ тонѣ объявляетъ, что всѣ эти средства, черезъ которыя доходятъ христіане до высшихъ пониманій истины, совершенно не дѣйствительны: „Мнѣ говорили, говоритъ онъ: надо вѣрить и молиться; но я чувствовалъ, что я мало вѣрю, и потому не могу молиться. Мнѣ говорили, что надо молиться, чтобы Богъ далъ вѣру, ту вѣру, которая даетъ ту молитву, которая дастъ ту вѣру, которая даетъ ту молитву и т. д. до безконечности. Но и разумъ и опытъ показали мнѣ, что средство это не дѣйствительно“ (стр. 13).

Этими словами и тономъ, съ какимъ они сказаны, гр. Толстой прекрасно обрисовалъ все то внутреннее настроеніе, съ которымъ онъ приступалъ къ изученію слова Божія; онъ не смиреннымъ сердцемъ, преисполненнымъ вѣры въ безконечную милость Божію, не съ молитвой на устахъ собрался ждать благодати Божіей, осѣняющей достойнаго человѣка пониманіемъ Божественной истины, но рѣшилъ проникнуть въ духовный міръ самъ, собственными своими силами, только черезъ посредство своего разума, своего житейскаго опыта, и, руководимый единственно своей тщеславной самоувѣренностью, завладѣть имъ во что бы то ни стало. Онъ до того увѣренъ въ силѣ своихъ дарованій, что не допускаетъ и мысли, чтобы могли существовать такія вещи въ природѣ, познаніе которыхъ требовало бы въ немъ какую-либо новую подготовку, или чью-либо помощь. Онъ не обратилъ даже вниманія на то, что Самъ Христосъ постоянно молился, и очень часто возбуждалъ вѣрующихъ къ молитвѣ и къ усиленію въ себѣ вѣры и добрыхъ дѣлъ. „*Безъ вѣры не возможно угодити Богу*“ сказалъ Апостолъ и для каждаго, желающаго своего спасенія, вѣра составляетъ существенную необходимость.

Хотя вѣра зачинается въ насъ по предваряющей благодати Божіей, но продолжать слѣдовать этой естественной и врожденной наклонности зависитъ всецѣло отъ насъ самихъ, ибо вѣра есть свободное послушаніе гласу благодати, зовущей насъ къ Христу, свободное подчиненіе нашего разума и всѣхъ силъ души откровеннымъ истинамъ и всему установленному Богомъ порядку нашего освященія, свободное преданіе себя водительству Христову. По

мѣрѣ преуспѣянія человѣка въ вѣрѣ, по мѣрѣ увеличенія стараній и работы его надъ своимъ развитіемъ, ему открывается новое, болѣе глубокое и болѣе опредѣленное познаніе и чувствованіе своего внутренняго міра, позволяющее ему болѣе отчетливо возноситься въ своихъ молитвахъ къ Богу; болѣе сильная и дѣятельная молитва укрѣпляетъ въ свою очередь въ бо́льшей степени силы его души и открываетъ бо́льшую возможность благодати Божіей способствовать, помогать и укрѣплять человѣка въ его духовныхъ дарованіяхъ и въ его вѣрѣ; но такъ какъ предѣла для духовнаго развитія положено быть не можетъ, то оно въ самомъ дѣлѣ могло бы идти до безконечности, если бы не его природная грѣховность, не его слабыя и ограниченныя силы и не кратковременность земной его жизни.

Какъ схожъ смыслъ обѣихъ этихъ фразъ и какъ далеко разнятся ихъ значенія! Отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, и какъ часто пользуется Толстой своимъ искусствомъ владѣть русскою рѣчью, чтобы уничтожать смыслъ самыхъ глубокихъ истинъ, препятствующій его ошибочной исходной точкѣ зрѣнія, его совершенно не-христіанскимъ мыслямъ и теоріямъ. Самыя глубокія истины превращаются въ его устахъ въ ничтожество или въ нѣчто смѣшное.

Но возвратимся къ исторіи моментальнаго открытія, сдѣланнаго гр. Толстымъ въ области Евангельскаго ученія.

Мы оставили гр. Толстаго заваленнымъ несмѣтнымъ количествомъ самыхъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ данныхъ, разобраться въ которыхъ онъ положительно не находилъ въ себѣ силъ, но съ упорнымъ намѣреніемъ во что-бы то ни стало добиться чего-нибудь новаго и оригинальнаго, съ настроеніемъ ума и сердца совершенно не-христіанскимъ, не съ такимъ во всякомъ случаѣ, съ каковымъ Христосъ обѣщаетъ легко открыть Свое ученіе, но весьма схожимъ съ тѣмъ, отъ которыхъ, какъ Онъ говоритъ, „*Богъ утаилъ пониманіе Священнаго Писанія*“. Гр. Толстой разбиралъ все, что было писано въ доказательство небожественности Христа и Божественности Его; „я не могъ, говоритъ Толстой, дать того смысла всему этому, который давали другіе, и не могъ придать иного и не могъ отказаться отъ мысли выяснить все это“ (стр. 14). Разъясненія своихъ сомнѣній, какъ говоритъ онъ самъ, онъ могъ найти только въ Еван-

геліяхъ, и онъ читалъ и перечитывалъ ихъ. Изъ всѣхъ Евангелій какъ-то особенно выдѣлялась всегда для него нагорная проповѣдь. И ее то онъ читалъ чаще всего. Нигдѣ, кромѣ какъ въ этомъ мѣстѣ, Христосъ не говоритъ съ такою торжественностью, нигдѣ Онъ не даетъ такъ много нравственныхъ, ясныхъ, понятныхъ, прямо отзывающихся въ сердцѣ каждаго правилъ, нигдѣ Онъ не говоритъ къ большей толпѣ простыхъ людей. Если были ясныя опредѣленныя христіанскія правила, то они должны быть выражены тутъ, говорилъ гр. Толстой самъ себѣ, и на этихъ трехъ главахъ Евангелія Матѳея онъ главнымъ образомъ и остановился для разъясненія своихъ недоразумѣній" (стр. 11). И дѣйствительно онъ нашелъ ихъ тутъ, послѣ того, какъ онъ „забылъ" и забросилъ всѣ толкованія Евангелія" (стр. 14).

Ключемъ ко всему открытію послужила внезапная идея, явившаяся гр. Толстому при чтеніи 39-го стиха главы V Евангелиста Матѳея и давшая направленіе всей его обширной фантазіи и воображенію, при которыхъ, конечно, всѣ систематическія толкованія и разъясненія Евангельскаго ученія, добытыя путемъ столѣтнихъ изученій и изслѣдованій, сдѣланныхъ Св. Отцами Церкви, стали бы ему поперегъ пути и мѣшали бы его собственнымъ мыслямъ.

Читая слова Христа, говоритъ гр. Толстой, „вамъ сказано: око за око и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противьтесь злу"... Я вдругъ, въ первый разъ, понялъ этотъ стихъ прямо и просто. Я понялъ, что Христосъ говоритъ то самое, что говоритъ. И не то что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина возстала предо мной во всемъ ея значеніи" (стр. 14, 15). Христосъ говорилъ то, что говорилъ. Можно утверждать, что всегдашнее исполненіе этого правила очень трудно, можно не соглашаться съ тѣмъ, что каждый человѣкъ будетъ блаженъ, исполняя это правило; можно сказать, что это глупо, какъ говорятъ невѣрующіе, что Христосъ былъ мечтатель, идеалистъ, Который высказывалъ неисполнимыя правила, которымъ и слѣдовали по глупости Его ученики, но никакъ нельзя не признавать, что Христосъ сказалъ очень ясно и опредѣленно то самое, что хотѣлъ сказать; именно,

что человѣкъ, по Его ученію, долженъ не противиться злу, и что потому тотъ, кто принялъ Его ученіе, долженъ не противиться злу, и что потому тотъ, кто принялъ Его ученіе, не можетъ противиться злу. А между тѣмъ, ни вѣрующіе, ни невѣрующіе не понимаютъ такого простаго, яснаго значенія словъ Христа" (стр. 19, 20).

И такъ всѣ сомнѣнія гр. Толстаго рѣшились мгновеннымъ уразумѣніемъ одного слова, выхваченнаго имъ изъ Евангелія, послѣ того, какъ онъ забылъ всѣ толкованія и разъясненія, всѣ слова Евангелія, предшествующія и послѣдующія, а оставилъ свободнымъ только одно „не противьтесь злу". Онъ понялъ ихъ, какъ ясно видно изъ его разъясненій, въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ, въ полномъ примѣненіи ихъ къ земной жизни людей, какъ обязательный для каждаго христіанина законъ, исполненіе котораго должно дать людямъ земное ихъ счастіе. Онъ понялъ ихъ такъ, какъ будто Христосъ предписываетъ вѣрующимъ въ Него къ непремѣнному и неотступному ихъ исполненію—не противься злу ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ житейскихъ обстоятельствахъ, въ какія бы ни былъ поставленъ человѣкъ, и какое бы зло ни происходило передъ ихъ глазами.

Проще этого, конечно, нельзя было понять эти слова Христа, и, конечно, никогда никому и въ голову не могло придти такое простое открытіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ такое жалкое, поверхностное и вполнѣ ничтожное пониманіе истины, обнаруживающее только одни вполнѣ житейскія, грубыя и исключительно матеріальныя воззрѣнія гр. Толстаго на ученіе Христа.

Какъ далекъ онъ отъ истиннаго христіанскаго ученія относительно земной жизни, какъ приготовительнаго преддверья къ будущей безконечной жизни; какъ далекъ онъ отъ главнѣйшаго и первенствующаго смысла ученія Христа, цѣликомъ основаннаго на взаимной любви всего живущаго. Христосъ Самъ сказалъ: *Моя первая заповѣдь есть любовь Бога; Моя вторая—любовь ближняго и въ этомъ состоятъ всѣ законы и всѣ пороки.* Но гр. Толстой самымъ увѣреннымъ образомъ прямо отрицаетъ это, и безповоротно объявляетъ: „мнѣ казалось, что заповѣдь Христа состоитъ въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго сво-

его какъ самого себя; и я не видѣлъ, что это не можетъ быть заповѣдью Христа, такъ это есть заповѣдь древнихъ" (стр. 94). И взамѣнъ этого признаетъ за главную заповѣдь Христа „не противься злу". Насъ пріучили такъ думать, говоритъ онъ, что Богъ долженъ былъ непремѣнно намъ сказать что-нибудь таинственно-мистическое, нѣчто такое, что трудно понять, что можно понять только помощію вѣры и благодати, и вдругъ слова Бога такъ просты, такъ ясны и такъ разумны. Богъ говоритъ просто: „не дѣлай другъ другу зла—не будетъ зла" (стр. 66).

Какое невыразимое извращеніе и искаженіе ученія Христа!... Чтобы дойти до него, нужно положительно передѣлать все Евангеліе, пропускать или не признавать цѣлыя главы изъ него, ибо безъ этого нѣтъ никакой возможности придать яснымъ и понятнымъ словамъ совершенно превратное значеніе, отрицать то, что неоспоримо, какъ напримѣръ заповѣдь Христа о любви.

Скорѣй можно отрицать существованіе самаго Евангелія, чѣмъ отрицать тотъ коренной смыслъ его, который подтверждается на каждой страничкѣ его, который проникаетъ и наполняетъ положительно каждое его слово. Христосъ говоритъ ясно: „*Моя первая заповѣдь*", а Толстой говоритъ: „я то же думалъ—да этого быть не можетъ!" Выше этой слѣпой самоувѣренности трудно себѣ представить что-либо; послѣ этого можно ожидать отъ него рѣшительно всякихъ извращеній, и дѣйствительно, сейчасъ откроются совершенно невообразимыя вольности и рѣшительно ни на чемъ не основанныя выдумки его.

Чтобы лучше судить о всемъ этомъ, надо на нѣкоторое время стать на ту самую почву, на которой стоялъ гр. Толстой и постараться выяснить себѣ, какъ понималъ онъ Евангеліе, какія допускалъ въ немъ измѣненія и на чемъ основалъ онъ ихъ; тогда только, изучивъ исходныя точки его мышленія и опредѣливъ себѣ основанія, на которыхъ гр. Толстой строитъ свои положенія и заключенія,—можно ясно и рельефно видѣть самую степень уклоненія ихъ отъ Евангельскаго ученія, въ связи съ причинами, вызвавшими ихъ. Этимъ мы въ настоящее время и займемся.

Первое заблужденіе.

Гр. Толстой полагаетъ, что „ученіе Христа есть ученіе о сынѣ человѣческомъ (?), общемъ всѣмъ людямъ, т. е. объ общемъ всѣмъ людямъ стремленіи къ благу (конечно земному, такъ какъ небеснаго, какъ мы ниже увидимъ, онъ совсѣмъ не признаетъ) и объ общемъ всѣмъ людямъ разумѣ, освѣщающемъ человѣка въ этомъ стремленіи“ (стр.164).

Изъ этихъ словъ гр. Толстаго надо совершенно опредѣленно заключить, что, по его мнѣнію, Христосъ называетъ общее всѣмъ людямъ стремленіе къ ихъ земному благу и общій всѣхъ людей разумъ словомъ „сынъ человѣческій“, и подобное будто бы пониманіе слова „сынъ человѣческій“ должно распространиться на все Евангеліе, т.-е. вездѣ, гдѣ въ Евангеліи употреблено слово „сынъ человѣческій“, или „сынъ Божій“, они могутъ быть, по мнѣнію графа, замѣнены словами: „общее всѣмъ людямъ стремленіе къ земному благу, или общій всѣхъ людей разумъ“.

Подобное своеобразное пониманіе слова „сынъ человѣческій“ онъ, конечно, ни изъ чего не выводитъ, и ничѣмъ не доказываетъ, ибо ни однимъ словомъ Евангельскаго ученія оно подтверждено быть не можетъ; онъ даетъ лишь ссылки на извращенные имъ тексты Евангелія и дополняетъ ихъ своими собственными доводами, на которые онъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, въ которыхъ хочетъ доказать что-либо необыкновенное, становится такъ щедръ и расточителенъ.

Услыхавъ въ первый разъ такое опредѣленіе словамъ „*Сынъ человѣческій*“ или „*Сынъ Божій*“, можно положительно ужаснуться новизнѣ открытія гр. Толстаго, удивиться и рѣшительно не понять, въ чемъ именно дѣло, т. е. не понять, откуда могла зародиться такая странная фантазія. Всякій знаетъ, что Іисусъ Христосъ, говоря о Себѣ въ третьемъ лицѣ, называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, или Сыномъ человѣческимъ, и до сихъ поръ никакого другаго значенія эти слова не имѣли; никогда еще и никто въ мірѣ не давалъ имъ другаго значенія, даже атеистическимъ и языческимъ писателямъ и комментаторамъ не приходило въ голову давать этимъ словамъ другое значеніе, какъ то, которое придавалъ имъ Самъ Христосъ.

Единственное пояснение, которое гр. Толстой даетъ въ подтвержденіе своего опредѣленія слова „сынъ человѣческій“ помѣщено въ скобкахъ, какъ бы совершенно лишнее, ибо будто бы смыслъ самъ по себѣ понятенъ и не требуетъ особыхъ доказательствъ; оно слѣдующее: „Доказывать, что сынъ человѣческій значитъ сынъ человѣческій, совершенно излишне. Для того, чтобы подъ словами „сынъ человѣческій“ разумѣть что-нибудь другое, чѣмъ то, что значатъ эти слова, надо доказать, что Христосъ умышленно употреблялъ для обозначенія того, что онъ хотѣлъ сказать, слова, имѣющія совсѣмъ другое значеніе. Но если даже, какъ этого хочетъ Церковь, сынъ человѣческій значитъ Сынъ Божій, то и тогда сынъ человѣческій значитъ тоже человѣкъ по своей сущности, потому что сынами Божьими Христосъ называетъ всѣхъ людей (стр. 165).

Гр. Толстой говоритъ, что „чтобы понимать иначе, надо доказать, что Христосъ умышленно употреблялъ слова, имѣющія другое значеніе“; эта фраза совершенно не умѣстна и не понятна; изъ чего же именно могъ заключить гр. Толстой, что Христосъ употреблялъ слова, имѣющія другое значеніе? Развѣ по точному своему значенію слова: „Сынъ человѣческій“ обозначаютъ „разумъ, общій всѣмъ людямъ“, или „ихъ стремленіе къ земному благу?“ Гр. Толстой самъ извратилъ значеніе совершенно понятнаго для всѣхъ слова, употребляемаго очень часто Христомъ, не имѣя ни малѣйшаго на то основанія, и самъ первый нападаетъ на Евангеліе въ доказательство своей, яко-бы, правоты. Это, положимъ, очень употребительный эристическій пріемъ, но онъ, вѣроятно, забылъ, что къ слову Божію надо относиться съ благоговѣніемъ и на него нельзя позволять себѣ дѣлать такіе выпады, какіе принято дѣлать на рапирныхъ турнирахъ. Слово Божіе непреложно, вѣрно, безошибочно и человѣку нужно только поучаться ему и стараться усвоить и понять его, не думая уже о томъ, чтобы вносить свои поправки.

Не самъ ли онъ, нѣсколькими страницами раньше, когда это ему нужно было, такъ краснорѣчиво доказывалъ, что: „наименьше, что можно требовать отъ людей, судящихъ о чьемъ-нибудь ученіи, это то, чтобы судили объ уче-

нiи учителя такъ, какъ онъ самъ понималъ его" (стр. 61). Послѣдовалъ ли онъ самъ тому совѣту, который даетъ людямъ? вникъ ли онъ самъ, если не въ самый смыслъ ученія Христа, такъ по крайней мѣрѣ, въ точное значеніе каждаго слова, употребляемаго Христомъ, и разъяснилъ ли онъ самъ себѣ въ какомъ смыслѣ употреблялъ Христосъ слова „Сынъ человѣческій"? Сыномъ человѣческимъ назвалъ себя Самъ Богъ—вторая ѵпостась Пресвятой Троицы,—какъ смѣетъ гр. Толстой заявлять что-нибудь противъ этого? Чѣмъ-же объяснить такую фантазію?

Ни прямаго, ни косвеннаго отвѣта въ его сочиненіи мы не находимъ. Гр. Толстой ничѣмъ и не силится доказать, что Христосъ это такъ понималъ; это какъ будто для него все равно, есть только разъясненія его собственнаго пониманія слова „Сынъ человѣческій", которыя онъ дѣлаетъ какъ бы мимоходомъ, переходя отъ одной мысли къ другой, но на которыхъ необходимо остановиться для лучшаго себѣ уясненія кругозора гр. Толстаго, хотя принять ихъ за доказательства нѣтъ возможности.

„Ученіе Христа, говоритъ гр. Толстой: о Сынѣ человѣческомъ—Сынѣ Бога, составляющее основу всѣхъ Евангелій, яснѣе всего выражено въ Его бесѣдѣ съ Никодимомъ. „Каждый человѣкъ,—говоритъ Онъ,—кромѣ сознанія своей плотской, личной жизни, происшедшей отъ мужескаго отца въ утробѣ плотской матери, не можетъ не сознавать свое рожденіе свыше" (Іоан. III. 7), (стр. 165). Первое, что бросается въ глаза, это то, что слова, поставленныя въ кавычкахъ, которыя должны были быть точной копіей со словъ Евангелія, какъ это вездѣ принято во всемъ образованномъ мірѣ, всѣми авторами, писателями и учеными,—не есть копія съ Евангельскихъ словъ, но прямой вымыселъ гр. Толстаго, не имѣющій ничего общаго съ тѣми словами, на которыя онъ ссылается. Видя слова въ кавычкахъ, поставленныхъ самимъ гр. Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, никто изъ читателей не усомнится, что они составляютъ точную копію съ Евангелія; повѣрятъ ему на слово и не пойдутъ справляться, а на повѣрку оказывается, что совершенно не такъ.

Приведемъ соотвѣтствующія слова Христа: „*Никодимъ говоритъ Ему: какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? неужели можетъ онъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей, и родиться?*

Іисусъ отвѣчалъ: истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ. Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться свыше“ (Іоан. III. 4—7).

Эти слова Христа имѣютъ совершенно другое значеніе, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ, какое желаетъ имъ придать гр. Толстой. Этими словами Христосъ указываетъ на духовное рожденіе водой и Духомъ, безъ котораго невозможно войти въ Царство Небесное, Онъ учитъ, что есть два рожденія: плоти отъ плоти и духа отъ духа, и что если Никодимъ и такіе люди, какъ онъ, и родились уже плотски, то имъ все-таки недостаетъ еще духовнаго рожденія свыше. Надо удивляться той смѣлости, съ которой Толстой такъ произвольно извратилъ существенный смыслъ Святыхъ словъ Христа: Христосъ говоритъ въ отрицательномъ смыслѣ: *„рожденіе плоти отъ плоти недостаточно,—вамъ надо родиться свыше“*; Толстой, повторяя эти слова Христа яко-бы дословно, заключаетъ ихъ въ кавычки и говоритъ діаметрально противоположное, въ положительномъ смыслѣ: „происшедшій отъ мужескаго отца въ утробѣ плотской матери, не можетъ не сознавать свое рожденіе свыше“.

Принимая эти, совершенно имъ извращенныя, слова за подлинныя слова Христа, онъ строитъ на нихъ свои дальнѣйшіе выводы: „то, что человѣкъ сознаетъ въ себѣ свободнымъ, говоритъ онъ, это то и есть то именно, что рождено отъ безконечнаго, отъ того, что (?) мы называемъ Богъ“ (стр. 165) и въ скобкахъ помѣщена ссылка на (Іоан. III 14 и 15).

Первое, что должно быть выставлено на видъ въ этой фразѣ,—это богохульное употребленіе слова „что“, говоря о Богѣ. Гр. Толстой не могъ сдѣлать этого случайно, онъ слишкомъ хорошо знаетъ для этого русскую рѣчь, а потому надо думать, что, говоря „Тотъ, что мы называемъ Богомъ“, онъ преднамѣренно стремится передъ своими читателями обезличить и умалить значеніе Бога.

Затѣмъ ошибки по существу этой фразы выкажутся съ полной силой, какъ только мы прочтемъ слова Евангелія, на которыя ссылается гр. Толстой; они слѣдующія: *„Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ человѣческій (т. е. Іисусъ*

Христосъ), сущій на небесахъ. И какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну человѣческому, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своею единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ черезъ Него. Вѣрующій въ Него не судится, а невѣрующій уже осужденъ, потому что не увѣровалъ во имя единороднаго Сына Божія“ (Іоан. III. 13—18).

Можетъ ли кто усомниться, что въ этихъ словахъ рѣчь идетъ объ Единородномъ Сынѣ Божіемъ, т. е. о Самомъ Іисусѣ Христѣ и объ Его славномъ вознесеніи? Можетъ ли быть какое-нибудь подозрѣніе, что говоря здѣсь слова „Сынъ человѣческій“ или „Сынъ Божій“, Христосъ понималъ эти слова въ смыслѣ разумъ человѣческій, или стремленіе человѣка къ какому-то своему земному благу? Въ этихъ простыхъ словахъ Христа нѣтъ ничего ни непонятнаго, ни недоговореннаго, ни иносказательнаго, весь текстъ долженъ быть понятъ такъ какъ Онъ сказалъ. Но гр. Толстой умудрился понять и эти слова Христа на столько извращенно, что нельзя отыскать между ними ни малѣйшаго сходства, а именно: „это-то, рожденное отъ Бога, говоритъ онъ, этого-то Сына Бога (т. е. нашъ разумъ и стремленіе къ благу) въ человѣкѣ, мы должны возвысить въ себѣ для того, чтобы получить жизнь истинную. Сынъ человѣческій (или наше стремленіе къ земному благу) есть Сынъ Бога однородный (а не единородный). Тотъ, кто возвыситъ въ себѣ этого сына Бога (стремленіе къ земному благу) надъ всѣмъ остальнымъ, кто повѣритъ, что жизнь только въ немъ, тотъ не будетъ въ раздѣленіи съ жизнью (стр. 165, 166).

Очевидно, что гр. Толстой, повторяя слова Христа, говоритъ совершенно о другомъ, и смыслъ его словъ не имѣетъ ничего схожаго съ тѣмъ, что говоритъ Христосъ. Іисусъ Христосъ говоритъ о Себѣ лично и о Своемъ вознесеніи, черезъ которое Онъ спасетъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него, чтобы всякій вѣрующій не погибъ, но имѣлъ бы за гробомъ жизнь вѣчную. Гр. же Толстой говоритъ о какомъ-то общемъ всѣхъ людей разумѣ или объ общемъ всѣхъ людей стремленіи къ ихъ земному благу и говоритъ, что его дол-

женъ возвышать человѣкъ въ себѣ, чтобы не быть въ раздѣленіи съ земной жизнью. Надо особенно замѣтить, что гр. Толстой, какъ мы увидимъ ниже, отрицаетъ загробную жизнь, полагая, что послѣ смерти души человѣческія сливаются съ Божествомъ и предаются уничтоженію, а слѣдовательно жизнь, по его мнѣнію, только на землѣ,—на небѣ онъ не можетъ допустить никакой жизни, равно и благо, о которомъ онъ говоритъ, должно быть всецѣло разсматриваемо какъ благо земное при тѣлесной жизни человѣческой на землѣ, ибо никакого небеснаго блага человѣкъ ожидать не можетъ, такъ, какъ, по его мнѣнію, за гробомъ человѣкъ жить не будетъ. Слѣдовательно гр. Толстой говоритъ о земномъ благѣ и о людскомъ разумѣ, которые человѣкъ долженъ возвышать въ себѣ больше всего, чтобы быть согласнымъ съ условіями земной жизни, тогда какъ вся рѣчь Христа о небесномъ благѣ; Спаситель говоритъ, что Ему Самому надлежитъ вознестись на крестъ для дарованія вѣрующимъ въ Него жизни вѣчной за гробомъ.

Несмотря на столь великую разницу смысла между словами Христа и тѣмъ, какъ понялъ ихъ гр. Толстой, не трудно однако замѣтить, что всѣ слова взяты имъ изъ того текста Евангелія, на который онъ ссылается, но взяты они какъ-то странно, какъ будто кто-нибудь вырѣзалъ ножницами каждое слово отдѣльно и, перемѣшавъ ихъ всѣ, попросилъ другаго, не знающаго откуда все это взято, подобрать въ одну фразу, не стѣсняясь смысломъ; при этомъ непремѣнно вышелъ бы совершенно такой же куріозъ, какой мы видимъ въ настоящемъ случаѣ, — всѣ слова и выраженія тѣ же, но смыслъ не имѣетъ ничего общаго.

Надо еще обратить особое вниманіе на то, что гр. Толстой въ этой фразѣ дѣлаетъ совершенно уже непозволительный подмѣнъ словъ; въ Евангеліи сказано: „Единородный Отцу“, т. е. что Сынъ человѣческій, Іисусъ Христосъ, имѣетъ одно естество и одну природу съ Богомъ Отцемъ; повторяя эти слова, у гр. Толстаго выходитъ „однородный разумъ или стремленіе къ благу“, т. е. гр. Толстой желаетъ выразить, что этотъ разумъ или это стремленіе рождено Богомъ одинъ разъ; это ужасный и невообразимый подмѣнъ словъ.

Онъ дѣлаетъ еще ссылку подобнаго рода; необходило провѣрить и ее. Христосъ сказалъ: „*Нынѣ судъ міру сему; нынѣ князь міра сего изженъ будетъ вонъ. И когда Я вознесенъ буду отъ земли,*

всѣхъ привлеку къ Себѣ. Сіе говорилъ Онъ, давая разумѣть, какою смертію Онъ умретъ. Народъ отвѣчалъ Ему: мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ; какъ же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну человѣческому? Кто этотъ Сынъ человѣческій? Тогда Іисусъ сказалъ имъ: еще на малое время свѣтъ есть съ вами; ходите пока есть свѣтъ, чтобы не объяла васъ тьма, а ходящій въ тьмѣ не знаетъ, куда идетъ. Доколѣ свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта. Сказавъ это, Іисусъ отошелъ и скрылся отъ нихъ". (Іоан. XII. 31—36).

Можетъ ли кто усомниться, что и въ этомъ текстѣ Евангелія Христосъ говорилъ о Своемъ вознесеніи? Говорилъ ли Онъ о Своемъ вознесеніи на крестъ, или о вознесеніи на небо, но во всякомъ случаѣ совершенно несомнѣнно, что Онъ говорилъ о Себѣ лично; Онъ сказалъ, что будетъ вознесенъ и въ этомъ случаѣ употребилъ даже не обычное Свое выраженіе „Сынъ человѣческій", но сказалъ неоспоримо понятно для всѣхъ, даже не желающихъ понять Его слова: „*Я буду вознесенъ*". Кажется все совершенно ясно и ничего недоговореннаго быть не можетъ; такъ, по крайней мѣрѣ, понимали всѣ толкователи Евангелія и долженъ понимать рѣшительно всякій.

Отвѣчая же на вопросъ народа, Онъ сказалъ: „*Еще на малое время свѣтъ есть съ вами*", т. е. Я съ вами, достигайте спасенія вѣрой въ Свѣтъ, чтобы быть сынами Свѣта, т. е. просвѣщенными истиной. Когда зайдетъ Свѣтъ, вы будете блуждать въ жизни, какъ путники въ темную ночь. Это была послѣдняя проповѣдь Христа во храмѣ, и, въ виду предстоящей ему близкой смерти, рѣчь его дышала уже не мощью, не силой, не угрозой, какъ это бывало въ прежніе дни, но особенной нѣжной заботливостью, отеческимъ увѣщеваніемъ и любовью къ грѣшному и невѣрующему человѣчеству. Онъ со слезами на глазахъ говорилъ: „*пока Я еще среди васъ учитель истины и Мессія; вѣруйте въ Него, чтобы вамъ быть сынами свѣта, т. е. истины.*

Но гр. Толстой перетолковываетъ и передаетъ эти слова Христа совершенно иначе, Христосъ учитъ, говоритъ онъ, чтобы надъ всѣмъ возвышать сына человѣческаго (т. е. нашъ собственный разумъ и наше стремленіе къ земному благу), который и есть, по его мнѣнію, Сынъ Бога и свѣтъ людей. Онъ говоритъ: „когда возвысите Сына человѣ-

ческаго (т. е. свой разумъ), вы узнаете, что я ничего не говорю отъ себя лично" (стр. 166). Гр. Толстой заключаетъ эти слова въ кавычкахъ, желая увѣрить, что это подлинныя слова Христа, лишь дословно переписанныя имъ, и въ скобкахъ даетъ ссылку, что это именно то самое мѣсто (Іоан. XII).

Какъ назвать подобное обращеніе съ словомъ Божіимъ, которое принято почитать и считать священнымъ въ каждой іотѣ, въ каждой чертѣ? Или эти поступки совершенно не благовидны, или должны быть отнесены къ окончательному нравственному ослѣпленію, при которомъ человѣкъ можетъ себѣ позволить всевозможныя искаженія, ибо абсолютно не можетъ понять никакой своей связи съ духовнымъ міромъ; онъ въ мірѣ видитъ одну матерію и самого себя и ничего для него болѣе важнаго и святаго не существуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, Христосъ сказалъ: „*Я буду вознесенъ*" — Толстой, переписывая эти самыя слова яко-бы дословно, передаетъ: „когда возвысите (вознесете, возвеличите) свой общій разумъ и свое стремленіе къ земному благу; Христосъ сказалъ: „*всѣхъ привлеку*",—Толстой опять, передавая яко-бы дословно, говоритъ: „вы узнаете, что ничего не говорю отъ себя лично"; и эти-то всѣ извращанія словъ Христа служатъ ему основаніемъ, на которыхъ онъ считаетъ возможнымъ понять слова „Сынъ человѣческій" какъ общее всѣхъ людей стремленіе къ ихъ земному благу или за общій всѣхъ людей разумъ, освящающій это стремленіе.

Полагая этотъ вопросъ выясненнымъ, можно совершенно опредѣленно сказать, что слова „Сынъ человѣческій или Сынъ Божій", употребляемыя въ Евангеліи, должны обозначать самую Божественную личность Христа Спасителя и ни въ какомъ случаѣ не могутъ обозначать „общее стремленіе всѣхъ людей къ ихъ земному благу или общій всѣхъ людей разумъ"; это объясненіе гр. Толстаго должно быть причислено прямо къ числу выдумокъ его, ибо оно оказалось не только ничѣмъ не подтвержденнымъ и ничѣмъ не доказаннымъ, но гр. Толстой не указалъ даже ни малѣйшаго основанія, на которомъ онъ могъ бы вывести что-либо подобное.

Второе заблужденіе.

Одно изъ очень важныхъ заблужденій гр. Толстаго находитъ себѣ основаніе на только что приведенномъ мѣстѣ Евангелія (Іоан.

XII. 34—36), въ которомъ Христосъ съ такою любовію уговариваетъ народъ вѣрить Свѣту истины и слѣдовать Ему, пока Онъ еще съ ними.

Гр. Толстой понимаетъ это мѣсто Евангелія совершенно иначе и, передавая своими словами смыслъ Евангельскаго ученія, выражается слѣдующимъ образомъ: „Евреи не понимаютъ Его ученія и спрашиваютъ: Кто этотъ Сынъ человѣческій, Котораго надо возвысить? (Іоан. XII. 34.) Христосъ отвѣтилъ: жить въ томъ свѣтѣ, который есть въ людяхъ (Іоан. XII. 35). Сынъ человѣческій (или разумъ ихъ) по отвѣту Христа, это свѣтъ, въ которомъ люди должны ходить, пока есть свѣтъ въ нихъ“ (стр. 166).

Въ этихъ словахъ гр. Толстаго два капитальныхъ извращенія смысла словъ Евангельскихъ: 1) народъ совершенно не спрашивалъ, кто этотъ Сынъ человѣческій, Котораго надо возвысить, какъ говоритъ гр. Толстой; народъ спросилъ: „*какъ же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну человѣческому?*“, т. е. недоразумѣніе у народа возродилось не касательно слова „Сынъ человѣческій“, ибо весь народъ понималъ, о комъ Христосъ говоритъ, и не касательно славнаго вознесенія Христа, а въ томъ, что законъ древнихъ училъ, что Христосъ пребываетъ во вѣки, а воскреснуть, не перейдя черезъ смерть, нельзя; слѣдовательно, говоря о Своемъ вознесеніи, Христосъ говорилъ о Своей предварительной смерти, что и показалось народу противорѣчащимъ съ закономъ древнихъ. 2) Откуда могъ почерпнуть гр. Толстой, что Христосъ нашелъ какой-то свѣтъ въ людяхъ? Онъ сказалъ „*съ вами свѣтъ*“, называя свѣтомъ людей Самого Себя, а не „въ васъ свѣтъ“,—это громадная разница: если бы кто сказалъ, что гр. Толстой свѣтится, и собрался бы со всѣхъ сторонъ народъ смотрѣть на это интересное зрѣлище и, вдругъ, оказалось бы, что не онъ свѣтится, а сидитъ только передъ горящей лампой,—есть, кажется, разница въ этомъ.

Но, основываясь на этихъ двухъ извращеніяхъ, нисколько не понимая ихъ, онъ развиваетъ эти свои ошибки дальше и, еще больше обогащая людей новыми открытіями, объявляетъ, что: прежде и послѣ Христа люди говорили то же самое,—то, что въ человѣкѣ живетъ божественный свѣтъ, сошедшій съ неба, и свѣтъ этотъ есть разумъ, и что ему одному

надо служить, и въ немъ одномъ искать благо. Это говорили и учители браминовъ, и пророки еврейскіе, и Конфуцій, и Сократъ, и Маркъ Аврелій, и Эпиктетъ и всѣ истинные мудрецы, не составители философскихъ теорій, а тѣ люди, которые искали истины для блага своего и всѣхъ людей (стр. 167).

Вступать съ гр. Толстымъ въ споръ о томъ, кто изъ земныхъ мудрецовъ что говорилъ о людскомъ разумѣ, не входитъ въ программу настоящаго разбора. Вопросъ не въ томъ, что говорили люди, мы здѣсь постараемся вникнуть и разобрать, что сказалъ Самъ Господь Богъ, сошедшій съ неба для вразумленія людей, о разумѣ людскомъ,—это несравненно существеннѣе, и если гр. Толстой не имѣетъ никакихъ болѣе вѣскихъ доказательствъ, основанныхъ на словахъ Христа, то надо будетъ совершенно отвергнуть его положеніе, какъ рѣшительно ничѣмъ не доказанное, а слѣдовательно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что говоря „*Свѣтъ истины*“, Христосъ ни въ какомъ случаѣ не подразумѣвалъ свѣта разума, находящагося будто-бы въ людяхъ. Въ этомъ мы совершенно убѣдимся, если вспомнимъ слова Христа: „*Блаженни нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царство небесное* (Матѳ. V. 3), или „*славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли! что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ* (Матѳ. XI. 25).

Апостолъ Павелъ выясняетъ совершенно подробно свой взглядъ на разумъ въ слѣдующихъ словахъ: „*Ибо написано: погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну* (*Исаи XXIX. 14*). *Гдѣ мудрость? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе?* (*Исаи XXXIII. 18*). *Ибо когда міръ своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Потому что немудрое Божіе премудрѣе человѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ. Посмотрите, братія, кто вы призванные: немного изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ Но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ. Отъ него и вы во Христѣ Іисусѣ, который сдѣлался для насъ премудростію отъ Бога, праведностью и освященіемъ и*

искупленіемъ, чтобы было какъ написано: хвалящійся хвались Господомъ (Іерем. IX. 24)", (I Коринѳ. I. 19—21; 25—31).

Вникнувъ въ смыслъ этихъ словъ, можно ли хотя на одно мгновеніе усомниться и думать, что Христосъ, говоря: „*доколь свѣтъ съ вами, вѣруйте въ Свѣтъ*" (Іоан. XII. 36), приказывалъ, какъ увѣряетъ Толстой, жить въ томъ свѣтѣ, который находится въ людяхъ, а тѣмъ болѣе полагать будто Христосъ признавалъ этотъ, выдуманный гр. Толстымъ, самосвѣтящійся свѣтъ за свѣтъ людскаго разума.

Вообще, во всемъ сочиненіи гр. Толстаго проглядываетъ полная ограниченность его взгляда на силы души человѣческой. По его мнѣнію, человѣкъ обладаетъ единственною способностью, возвышающею его надъ всѣми другими существами вселенной, это—разумомъ. Гр. Толстой придаетъ разуму на столько существенное значеніе въ жизни человѣка, что требуетъ, чтобы человѣкъ всю жизнь служилъ только одному ему, и только въ немъ искалъ бы себѣ спасеніе и свое благо (стр. 167); а между тѣмъ то, что онъ называетъ разумомъ, совершенно не можетъ быть названо разумомъ; это скорѣе какое-то увлеченіе чѣмъ-то непонятнымъ, какою-то фиктивною пользой, или какою-то рогатой идей для совершенно неизвѣстной цѣли, которую самъ графъ ни въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія ни разу даже не пробуетъ выяснить.

Гр. Толстой прямо отвергаетъ свободную волю въ человѣкѣ; нисколько не удѣляетъ мѣста для совѣсти, ни для нравственныхъ и духовныхъ способностей человѣка, какъ будто ихъ совершенно не существуетъ. Напримѣръ, онъ говоритъ: „свободная воля,—говоритъ наша философія, есть иллюзія и очень гордится смѣлостью этого утвержденія. Но свобода воли есть не только иллюзія, это есть слово, неимѣющее никакого значенія. Это слово выдумано богословами и криминалистами, и опровергать это слово—бороться съ мельницами. Но разумъ тотъ, который освѣщаетъ нашу жизнь и заставляетъ насъ измѣнять наши поступки, есть не иллюзія, и его-то ужь никакъ нельзя отрицать. Слѣдованіе разуму для достиженія блага,—въ этомъ было всегда ученіе Христа, и его-то, т. е. разумъ, отрицать разумомъ уже никакъ нельзя" (стр. 164). Или въ другомъ мѣстѣ:

„Христосъ прежде всего учитъ тому, чтобы люди вѣрили въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть въ нихъ. Христосъ учитъ тому, чтобы люди выше всего ставили этотъ свѣтъ разума, чтобы жили сообразно съ нимъ, не дѣлали бы того, что они сами считаютъ неразумнымъ. Считаете неразумнымъ идти убивать турокъ или нѣмцевъ—не ходите; считаете неразумнымъ насиліемъ отбирать трудъ бѣдныхъ людей—не дѣлайже этого (стр. 318, 319).

Имѣя претензію основывать всю свою систему на ученіи Христа, не болѣе ли основательно было гр. Толстому ознакомиться съ ученіемъ Церкви о природѣ души человѣческой, прежде чѣмъ предлагать свои, совершенно невѣрныя, заключенія, ровно ни на чемъ не основанныя, при полнѣйшемъ незнакомствѣ съ этимъ дѣломъ; поэтому понятно, что онъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ ученіемъ Церкви, увѣряя читателя, что во всемъ этомъ сохраненъ подлинный смыслъ ученія Христа, тогда какъ Христосъ ничего подобнаго не говорилъ и сказать не могъ.

Ученіе Церкви на этотъ предметъ совершенно опредѣленно:

1) Свободная воля есть сила души, располагающая всею дѣятельностью человѣка по его желанію. Естественное назначеніе этой способности есть направленіе души и отдѣльныя ея силы, согласно требованію закона Божія и совѣсти. Не есть ли все ученіе Христа—подтвержденіе ученія Церкви о свободной волѣ? Въ противномъ случаѣ чѣмъ можно было бы объяснить требованіе Христа отъ людей достигать праведности черезъ свои поступки? Если бы человѣкъ не имѣлъ способности располагать и произвольно владѣть собой, могъ ли бы Христосъ требовать отъ него какихънибудь благихъ дѣяній, стремленій и намѣреній?— Если бы всѣ поступки его были лишь слѣдствіями совокупности предшествующихъ обстоятельствъ его жизни (какъ учатъ всѣ матеріалисты, и какъ долженъ признавать гр. Толстой, отвергая свободную волю), то Христосъ долженъ бы считать человѣка за вещь или за предметъ, отъ котораго ровно ничего волеваго и произвольнаго ожидать нельзя.

2) Совѣсть есть тоже сила души,—это гласъ закона природы, это гласъ Божій въ человѣкѣ, созданномъ по образу и по подобію Божію.

Какъ естественная и прирожденная сила души, совѣсть не оставляетъ человѣка никогда, гдѣ бы онъ ни былъ. Совѣсть есть внутренняя способность человѣка къ самоосужденію; это постоянная оцѣнка поступковъ и вѣчные приговоры, никогда не умолкающіе.

Судъ совѣсти есть судъ Самого Бога.

3) Двѣ-же главнѣйшія и вѣчно дѣятельныя силы или способности души, это—разумъ и нравственность, или высшій духовный элементъ человѣка. Человѣкъ, привязанный къ земной жизни, чувствуетъ себя вынужденнымъ постоянно напрягать ихъ, а слѣдовательно упражнять, развивать и формировать. Наилучшая дѣятельность души есть та, которая развиваетъ и совершенствуетъ всѣ силы и способности души одновременно въ одинаковой степени. Подобное развитіе можетъ быть достигнуто только при строго-христіанскомъ міровоззрѣніи, при которомъ всѣ поступки, желанія и всѣ мысли человѣка обсуждаются и взвѣшиваются до принятія какого-либо рѣшенія для фактическаго выполненія ихъ, какъ со стороны разума, такъ и съ духовно-нравственной стороны.

Разумъ наиболѣе способствуетъ человѣку изучать и распознавать всѣ явленія и факты матеріальнаго міра. Духовно-нравственный элементъ въ человѣкѣ главнымъ образомъ связываетъ его съ безконечнымъ и будущимъ его загробнымъ состояніемъ и съ живыми существами, съ которыми приходится встрѣчаться въ жизни. Какъ двойственна вся природа человѣка, т. е. какъ состоитъ онъ самъ изъ тѣла и души, такъ и дѣятельность его должна быть двояка, и всѣ вопросы своей жизни онъ долженъ обсуждать съ двухъ сторонъ—со стороны разума и со стороны нравственности.

Разумъ, какъ сила души, связующая человѣка больше съ матеріальнымъ міромъ, способствующая ему оцѣнивать и судить о всѣхъ отношеніяхъ его къ вещественному міру, къ его матеріальному благосостоянію, къ довольству настоящимъ своимъ положеніемъ,—склоненъ къ большимъ ошибкамъ и грѣховнымъ наклонностямъ, если онъ не руководимъ нравственностью и духовнымъ элементомъ души, ибо разумъ одинъ можетъ всегда найти кажущіяся ему логичными оправданія своимъ порокамъ, страстямъ и всему, что соотвѣтствуетъ его матеріальному разсчету, его грубымъ, чисто земнымъ цѣлямъ, его гордости и тщеславію. Разумъ, не руководимый и не сдерживаемый нравственностью, склоненъ на очень худыя дѣла, и чѣмъ умнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе имѣетъ онъ

возможности дѣлать зло, находя это для себя вполнѣ выгоднымъ. Только руководимый нравственностью разумъ способенъ выбирать истинный путь жизни.

Нравственность одна, безъ указаній ума человѣческаго, не могла бы составить себѣ правильнаго понятія о своихъ поступкахъ, а слѣдовательно не могла бы усиленно желать своего исправленія и стремиться къ своему совершенствованію. Она, конечно, не допускала бы человѣка дѣлать зло и дѣлала бы всегда одно добро; но этому добру, дѣлаемому безотчетно, по естественному влеченію, не были бы противопоставлены тѣ потери матеріальнаго благосостоянія и земныхъ его довольствъ, которыя несетъ человѣкъ, дѣлая это добро, и онъ совершенно не могъ бы оцѣнить его; но главное, что это добро было бы сдѣлано безъ борьбы, безъ преодолѣваній соблазновъ, безъ работы надъ собой и своей животной природой, и было бы лишь добромъ естественнымъ, т. е. тѣмъ именно, которое не пріобрѣтено самимъ человѣкомъ, послѣ здраваго и христіанскаго обсужденія сущности своей земной жизни, но лишь тѣмъ, которое даровано Самимъ Богомъ человѣку при сотвореніи его, а слѣдовательно такимъ добромъ, за которое человѣкъ не въ правѣ ожидать себѣ награды на небѣ, ибо оно не его, не пріобрѣтеноимъ, а даровано ему свыше и самимъ человѣкомъ нисколько не улучшено.

Гр. Толстой совершенно уклоняется отъ этого ученія Церкви, говоря, что „Христосъ прежде всего требовалъ, чтобы не дѣлать ничего того, что самъ человѣкъ считаетъ неразумнымъ: считаете неразумнымъ идти убивать турокъ или нѣмцевъ—не ходите; считаете неразумнымъ насиліемъ отнимать трудъ бѣдныхъ людей—не отнимайте". Никогда ничего подобнаго Христосъ не могъ говорить. Тотъ, кто дѣйствительно слѣдуетъ ученію Христа, никого, конечно, обижать не будетъ—но только не потому, что онъ будетъ слѣдовать влеченію своего разума,—вотъ въ этомъ обстоятельствѣ и кроется главное заблужденіе.

Влеченіе человѣческаго разума заводило людей не разъ досамыхъ ужасныхъ поступковъ. Всѣ труды и всѣ работы человѣка, имѣющіе своей цѣлью пріобрѣтеніе земнаго благосостоянія, должны быть названы разумными, многія же средства, черезъ которыя человѣкъ достигаетъ этого благосостоянія, могутъ быть названы

безнравственными и даже преступными, что не мѣшаетъ имъ, все-таки, остаться разумными. Напримѣръ: какой-нибудь крупный дѣлецъ или мелкій сельскій кулакъ поставили все окружающее ихъ бѣдное населеніе въ такое положеніе, что эти послѣдніе сносятъ имъ добровольно всѣ свои заработки; они такъ искусно умѣютъ во время ссужать имъ деньги и помогать на всѣ лады въ трудныя для нихъ минуты, на такихъ тяжкихъ условіяхъ, при которыхъ всѣ они становятся въ ряды многочисленныхъ неоплатныхъ должниковъ, эксплуатируемыхъ самымъ безжалостнымъ образомъ въ теченіе всей ихъ жизни,—это можетъ быть названо безнравственнымъ, плутоватымъ, безсердечнымъ, но почему это могло-бы показаться неразумнымъ? Кто станетъ отвергать, что эти ловкіе люди, для полученія подобныхъ результатовъ, усиленно напрягали свой умъ, свою догадливость, свою наблюдательность, однимъ словомъ, все это факторы, которые должны быть названы разумными.

Наоборотъ, кто назвалъ бы разумнымъ того человѣка, который безъ всякой видимой и логической причины отказался бы отъ своего покоя, отъ своего благосостоянія, пріобрѣтеннаго до педантизма честнымъ трудомъ, отъ всѣхъ своихъ знаній, стоившихъ ему болѣе десяти лѣтъ самыхъ усиленныхъ трудовъ и сколькихъ тысячъ безсонныхъ ночей,—роздалъ бы все свое имущество не бѣднымъ, но богатымъ и, слѣдуя системѣ жизни, открытой гр. Толстымъ, нанялся бы простымъ батракомъ къ мужику пасти свиней за весьма скудное вознагражденіе, отъ котораго, вдобавокъ къ своему ничтожному жалованью, рѣшился бы терпѣть добровольно всякую ругань и даже побои не за свои худые поступки, а за то, что не умѣетъ дѣлать такъ скверно и такъ глупо, какъ того требуетъ отъ него мужикъ по своей необразованности? Добавимъ къ этому для полноты картины, что человѣкъ этотъ могъ быть искуснымъ химикомъ или ученымъ агрономомъ, который могъ бы запасомъ своихъ самыхъ обширныхъ знаній быть полезнымъ цѣлому округу; впрочемъ, если бы онъ былъ докторомъ, техникомъ, художникомъ или учителемъ,—это нисколько не измѣнило бы дѣла, и показалось бы одинаково страннымъ.

Вообще назвали-ли бы мы разумными тѣхъ развитыхъ, образованныхъ людей, которые будучи въ состояніи взглянуть на бѣдный народъ здраво, съ теплымъ участіемъ и христіанскою истинною любовью, которые могли бы оживить цѣлый округъ, утѣшить и облегчить участь

тысячей народа и ввести въ край новую, свѣжую жизнь, преисполненную благоденствія и отрады, поставили бы себѣ лишь одну цѣль въ жизни—не противиться злу, которое будутъ имъ дѣлать необразованные люди, не изъ желанія сдѣлать зло, не съ худымъ какимъ-нибудь намѣреніемъ, а просто по своему невѣжеству, потому что они не видятъ зла въ томъ, въ чемъ, вслѣдствіе своего воспитанія и образованія, чуткіе и деликатные люди видятъ цѣлыя преступленія. Было бы разумно, если бы эти образованные люди, слѣдуя какимъ-то непонятнымъ тенденціямъ, открытымъ гр. Толстымъ будто бы въ области Евангельскаго ученія и никѣмъ хорошенько не выясненнымъ новомоднымъ вѣяніемъ, не только бы не стали учить и наставлять невѣжественный народъ, но добровольно подчинились бы этому невѣжеству и стали бы исполнять его требованія.

Подобныхъ людей, которые такъ ужасно извратили свою жизнь, что, ставъ на прямой путь къ регрессу, закопали въ землю всѣ данные имъ Богомъ таланты, можно было бы назвать фанатиками, людьми идеи, сумасшедшими, сумасбродными, но врядъ-ли кто назвалъ бы ихъ разумными, ибо никакой логическій здравый выводъ, построенный практическимъ разумомъ, къ подобнымъ ужаснымъ результатамъ привести не можетъ, а христіанская нравственность должна положительно возмущаться такимъ безцѣльнымъ бичеваніемъ жизни и до глубины души пожалѣть ихъ заблужденіе, позволившее имъ думать, что Христосъ училъ чему-нибудь подобному.

Третье заблужденіе.

Не лучше всего предыдущаго понялъ гр. Толстой ученіе Христа о загробномъ состояніи душъ. Напримѣръ, онъ говоритъ: „какъ ни странно это сказать про Христа, Который лично воскресъ и обѣщалъ всѣхъ воскресить, никогда не только ни однимъ словомъ не утверждалъ личное воскресеніе и безсмертіе личности за гробомъ, но и тому возстановленію мертвыхъ въ Царствѣ Мессіи, которое основали фарисеи, придавалъ значеніе, исключающее представленіе о личномъ воскресеніи. Саддукеи оспаривали возстановленіе мертвыхъ. Фарисеи признавали его такъ же, какъ признаютъ его теперь правовѣрные евреи. Возстановленіе мертвыхъ (а не воскресеніе, какъ

неправильно переводится это слово), по вѣрованіямъ евреевъ, совершится при наступленіи вѣка Мессіи и установленіи Царства Бога на землѣ. И вотъ Христосъ, встрѣчаясь съ этимъ вѣрованіемъ временнаго, мѣстнаго и плотскаго воскресенія, отрицаетъ его и на мѣсто его ставитъ Свое ученіе о возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ" (стр. 188, 189).

Первое, что должно остановить вниманіе каждаго, это противорѣчіе, которое дѣлаетъ самъ себѣ гр. Толстой, онъ говоритъ: „Христосъ обѣщалъ всѣхъ воскресить—и вслѣдъ за тѣмъ говоритъ, что Онъ ни однимъ словомъ не утверждалъ личнаго воскресенія и безсмертія личности за гробомъ". Если гр. Толстой пришелъ къ убѣжденію, что Христосъ обѣщалъ—то какихъ же утвержденій ему еще нужно? Можетъ-ли быть сомнѣнія въ томъ, что всякое слово, а подавно обѣщаніе Христа должно сбыться? Казалось бы дальше нечего было искать и допытываться, а надо было прямо считать вопросъ рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но гр. Толстой никому не можетъ вѣрить, даже Богу, а потому начинаетъ самъ анализировать, подбирать свои соображенія и прямо впалъ въ ошибки полнѣйшаго непониманія значенія словъ Христа; такъ вторая уже половина этой выдержки заключаетъ въ себѣ два, весьма существенныя заблужденія, а именно: 1) гр. Толстой говоритъ: „Христосъ, встрѣчаясь съ этимъ вѣрованіемъ временнаго, мѣстнаго и плотскаго воскресенія,—отрицаетъ его" (стр. 189). 2) „На мѣсто его ставитъ Свое ученіе о возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ". Опроверженіе второй части этой выдержки будетъ помѣщено ниже, въ слѣдующемъ IV заблужденіи, здѣсь же постараемся опровергнуть только первое.

Обратившись къ нему, мы прямо должны видѣть опять чистѣйшій вымыселъ, ни на чемъ рѣшительно не основанный. Мы спросимъ: гдѣ видѣлъ гр. Толстой въ Евангеліи, чтобы Христосъ отрицалъ какое-то временное, плотское мѣстное воскресеніе? Христосъ не только не отрицалъ или не одобрялъ никакого временнаго, мѣстнаго и плотскаго воскресенія, но ни одного разу во всемъ Евангеліи не было даже и рѣчи объ этомъ. Гр. Толстой очень хорошо знаетъ, что слова „временнаго и мѣстнаго" онъ ввелъ самовольно единственно для полноты или красоты слога,

такъ какъ по отношенію къ Евангельскому ученію они никакого ровно смысла, по существу своему, не имѣютъ. Что же касается до плотскаго (не воскресенія и возрожденія, но) перерожденія, т. е. вторичной жизни на землѣ въ матеріальномъ тѣлѣ, то дѣйствительно существуютъ въ настоящее время и существовали съ самыхъ древнихъ временъ, начиная съ египетскаго ученія о метампсихозахъ, разныя системы и теоріи, которыя были всѣ абсолютно отвергнуты Церковью; но Христосъ никогда и ни разу не высказывался ни за, ни противъ нихъ.

Христосъ училъ и обѣщалъ за гробомъ *личное воскресенье* и *безсмертіе души*, какъ въ первой половинѣ выдержки вѣрно говоритъ гр. Толстой. Признавая же это обѣщаніе Христа, гр. Толстой до крайности не послѣдователенъ, требуя замѣненія во всемъ Евангеліи, вездѣ рѣшительно, слова *воскресеніе* словомъ возстановленіе; ошибка была бы двойная: 1) по отношенію сохраненія точнаго смысла первоначальныхъ подлинныхъ Евангелій, до которыхъ касается гр. Толстой, стараясь исправить Евангеліе, но прямо впадаетъ въ ошибки; 2) по отношенію къ дѣйствительному значенію слова „возстановленіе“ въ томъ смыслѣ, какъ оно принято понимать на русскомъ языкѣ.

Слово „возстановленіе“, въ точномъ смыслѣ, обозначаетъ возвращеніе чему-нибудь его первоначальнаго состоянія, совершенно такого-же, какое оно было прежде. Напримѣръ: въ химіи превращаютъ металлъ въ какія-нибудь окислы или соли, а затѣмъ возстановляютъ его вновь, т. е. возвращаютъ ему его первоначальное состояніе металла, при чемъ въ немъ возстановляются всѣ качества, всѣ свойства, весь видъ и рѣшительно все, что было у него прежде. Если бы Христосъ училъ, что послѣ смерти своей люди являлись бы въ томъ же самомъ видѣ, въ томъ же самомъ матеріальномъ тѣлѣ, въ какомъ они жили на землѣ, то онъ могъ бы употребить слово возстановленіе; Христосъ же училъ объ личномъ воскресеніи, т. е. о воскресеніи за гробомъ одной личности, т. е. одно его „я“ со всѣми качествами воскреснетъ, но человѣкъ появится въ совершенно другомъ видѣ; слѣдовательно въ этомъ слу-

слово возстановленіе не передавало бы намъ смысла ученія
, а употребленіе слова воскресеніе имѣетъ полное основаніе
ршенно правильно.

въ этомъ случаѣ главная ошибка гр. Толстаго заключается

не въ желаніи замѣны только одного слова другимъ, но въ окончательномъ непринятіи обѣщаннаго Христомъ личнаго воскресенія за гробомъ. Онъ прямо отвергаетъ это, и въ доказательство ссылается на слѣдующія слова Евангелія: „*Тогда пришли нѣкоторые изъ саддукеевъ, отвергающихъ воскресеніе, и спросили его: Учитель! Моисей написалъ намъ, что если у кого умретъ братъ, имѣвшій жену, и умретъ бездѣтнымъ, то братъ его долженъ взять его жену и возстановить сѣмя брату своему. Было семь братьевъ. Первый, взявъ жену, умеръ бездѣтнымъ; взялъ ту жену второй, и тотъ умеръ бездѣтнымъ; взялъ ее третій—также и всѣ семеро; и умерли, не оставивъ дѣтей. Послѣ всѣхъ умерла и жена. И такъ, въ воскресеніе, котораго изъ нихъ будетъ она женою? Ибо семеро имѣли ее женою. Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: чада вѣка сего женятся и выходятъ замужъ, а сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ ни женятся, ни замужъ не выходятъ. И умереть уже не могутъ; ибо они равны ангеламъ и суть сыны Божіи, будучи сынами воскресенія. А что мертвые воскреснутъ, и Моисей показалъ при купинѣ, когда назвалъ Господа Богомъ Авраама, и Богомъ Исаака, и Богомъ Іакова. Богъ же не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ. Ибо у Него всѣ живы.* (Лук. XX. 27—38) (тоже у Матѳ. XXII. 29—32 и Марк. XII. 24—27).

Что можетъ быть яснѣе и проще этихъ вполнѣ понятныхъ словъ Христа? Онъ прямо сказалъ людямъ, что тѣ, которые сподобились достигнуть того вѣка, т. е. загробной жизни, болѣе не умрутъ, такъ какъ они дѣлаются подобны Ангеламъ, слѣдовательно, жениться не могутъ. Далѣе Христосъ прибавляетъ: а что мертвые, дѣйствительно, воскреснутъ,—сказалъ вамъ еще Моисей, когда назвалъ Господа Богомъ Авраама, Богомъ Исаака и Богомъ Іакова; ибо всѣ они живы и находятся на небѣ у Него. Если бы они не были живы, не сохранили бы своего личнаго самостоятельнаго существованія, или были бы превращены въ кучу пепла или тлѣющихъ костей, то никакъ нельзя было бы назвать Бога—Богомъ Авраама, но Богомъ этого пепла, или Богомъ этихъ костей.

Но въ противоположность сказанному выше объясненію совершенно и такъ понятныхъ и ясныхъ словъ Христа, гр. Толстой придаетъ этимъ словамъ Христа значеніе, совершенно отрицающее личное загробное состояніе душъ. Въ доказательство основательности своего отрицанія онъ не приводитъ никакихъ подлинныхъ

словъ Евангелія, да, конечно, онъ не могъ бы этого сдѣлать, но приводитъ однѣ свои собственныя перифразы, которыми онъ сбиваетъ читателя, придавая словамъ Евангелія совершенно извращенный видъ.

Онъ передаетъ выше приведенныя слова Христа слѣдующимъ образомъ: Христосъ говоритъ: возстановленіе изъ мертвыхъ бываетъ не плотское и не личное. Тѣ, которые достигнутъ возстановленія изъ мертвыхъ, дѣлаются сынами Бога и живутъ какъ Ангелы (силы Бога) на небѣ (т. е. Богомъ), и вопросовъ личныхъ, чья жена, для нихъ не можетъ быть, потому что они, соединяясь съ Богомъ, перестаютъ быть личностями" (стр. 189).

Можно только удивляться смѣлости и произвольности подобныхъ перифразъ, въ которыхъ сохраняются подлинныя слова, употребленныя въ Евангеліи, но переставляются въ такомъ порядкѣ, что смыслъ совершенно мѣняется, и изъ положительнаго превращается въ отрицательный, не употребляя никакихъ отрицаній,— это великое знаніе тонкостей русской рѣчи и полнѣйшее извращеніе кореннаго смысла ученіе Христа.

Христосъ сказалъ ясно, что тотъ, кто *„сподобился того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ, тотъ будетъ подобенъ Ангеламъ"*.— Неужели гр. Толстой хочетъ оспаривать личное и вполнѣ самостоятельное и свободное состояніе Ангеловъ на томъ свѣтѣ?— Этотъ догматъ вѣры находитъ себѣ слишкомъ много подтвержденій какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и въ Новомъ; и во всякомъ случаѣ на столько ясныхъ, что даже самъ гр. Толстой не находитъ умѣстнымъ открыто оспаривать его; но не желая допустить его, онъ прибѣгаетъ къ очень хитрой уловкѣ,—онъ послѣ слова „Ангелъ" ставитъ въ скобкахъ слова „силы Бога". Онъ очень хорошо знаетъ, что большинство изъ его читателей—люди невѣрующіе или мало вѣрующіе, и во всякомъ случаѣ плохо знающіе ученіе Церкви, но люди образованные, изучавшіе физику и первоначальную механику силъ, а слѣдовательно слово „сила" заставитъ сложиться въ ихъ воображеніи представленіе, подобное тому, какое каждый изъ нихъ извлекъ изъ своей науки, изучая силы матеріальнаго міра, которыя обозначались имъ всегда стрѣлкой и служили лишь механическими посредниками между движеніемъ и причиной его,—

что-нибудь похожее на силу тяготѣнія, сцѣпленія, толчка и т. д. И эта уловка оказывается очень дѣйствительна для всѣхъ тѣхъ которые изучали въ своей наукѣ разнаго рода силы, но совершенно забыли или не знаютъ, что по свидѣтельству слова Божія, людямъ открыты девять чиновъ Ангельскихъ, а именно „*Ангелы, Архангелы, Силы, Власти Началы, Господствы, Престолы, Херувимы и Серафимы*, о которыхъ сказалъ Апостолъ: „*Не всѣ ли Они суть служебные Духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наслѣдовать спасеніе?* (Евр. I. 14).

Гр. Толстой хочетъ заставить думать, что Ангелы безличныя силы, т. е. вещи или предметы, или что-либо подобное, и говоритъ: „вопросовъ же личныхъ,—чья жена, для нихъ не можетъ быть, потому что они, соединяясь съ Богомъ, перестаютъ быть личностями". Опять совершенно безосновательное заявленіе, которое онъ никакъ логически не могъ вывести изъ тѣхъ словъ Христа, на которыя онъ ссылается. Христосъ говоритъ: *умершіе люди дѣлаются подобны Ангеламъ, слѣдовательно естество ихъ и природа ихъ дѣлается духовной,—не имѣя же матеріальнаго тѣла, они естественно не могутъ жениться*; гр. Толстой же ставитъ это положеніе иначе и говоритъ: 1) они жениться не могутъ, слѣдовательно они теряютъ свою личность; онъ вообразилъ себѣ, что все, что живетъ, то должно имѣть способность жениться, а если кто потерялъ эту способность, тотъ, слѣдовательно, уже больше не живетъ. 2) Ангелы, живя на небѣ съ Богомъ, теряютъ свою личность, потому что соединяются съ Нимъ. Если бы не было ссылки на текстъ Евангелія, то можно было бы положительно думать, что гр. Толстой взялъ это не изъ Евангелія, ибо нѣтъ никакой возможности вывести подобнаго рода заключеніе изъ того текста, на который онъ тутъ-же самъ ссылается; для ясности и убѣдительности, что это именно такъ сказано въ Евангеліи, онъ тутъ-же ставитъ выноску (Лука XX. 27—38).

Жить у Бога на небѣ во всякомъ случаѣ не можетъ значить соединиться съ Нимъ и потерять личность. Потеря личности равносильна полнѣйшему уничтоженію; говорить подобныя вещи—значитъ прямо проповѣдывать матеріализмъ. Вопросъ о жизни и о смерти сводится каждымъ человѣкомъ къ его сознательному „я"; человѣкъ живъ до тѣхъ поръ, пока его „я" цѣло

и не нарушимо, въ какомъ бы тѣлѣ оно ни находилось, какое бы ни было его естество; но какъ только его „я“ исчезло,—самосознаніе болѣе не существуетъ, то не существуетъ уже болѣе и человѣка, а есть то, что осталось отъ него, но вовсякомъ случаѣ не человѣкъ, не его „я“, а слѣдовательно и не „я“. Христосъ же въ очень многихъ мѣстахъ Своего ученія совершенно опредѣленно говоритъ о дѣятельномъ, личномъ и совершенно сознательномъ состояніи Ангеловъ на небѣ; для примѣра приведемъ Его слѣдующія слова: *Ангелы на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго*“ (Матѳ. XVIII. 10). Они видятъ, чувствуютъ это, сознаютъ и не иначе какъ сами, слѣдовательно самостоятельно и лично, и никакого слитія съ Богомъ или уничтоженія изъ этихъ словъ заключить нельзя, а, напротивъ, надо видѣть полное разъединеніе или отдѣльное существованіе личности Бога Отца отъ Ангеловъ Его. Система гр. Толстаго о слитіи душъ умершихъ людей съ Богомъ и о прекращеніи бытія гораздо древнѣе христіанства, но никогда она не удовлетворяла логическимъ и здравымъ требованіямъ разума даже языческихъ и идолопоклонническихъ народовъ, и уже никакъ не можетъ быть принята въ христіанскомъ мірѣ; у христіанъ это былъ чистѣйшій абсурдъ, противорѣчащій самой природѣ человѣка, ибо человѣкъ не можетъ въ своемъ представленіи ясно и точно отрѣшиться отъ своего „я“. Сознаніе наше неотступно требуетъ непрерывнаго бытія за гробомъ. Человѣкъ можетъ не понимать, заблуждаться, упорствовать или отрицать свое загробное существованіе, но не можетъ представить чистаго небытія своего „я“. Въ самой мысли о несуществованіи своемъ первое, кого онъ себѣ представляетъ—это самого себя. Такое неискоренимое сознаніе продолжительности нашей личности невольно выступаетъ рѣшительно во всѣхъ даже тѣхъ системахъ, въ которыхъ теоретически отрицается самостоятельность личности и признается уничтоженіе личнаго „я“ въ абсолютномъ смыслѣ. Это прекрасно выясняетъ философъ Шеллингъ въ своемъ 8 письмѣ (Über Dogmatik und Kritik S. 167): „Едва ли бы, говоритъ онъ“, какой-либо мечтатель могъ тѣшиться мыслью о поглощеніи себя въ безднѣ божества. Едва ли мистикъ могъ допустить мысль о своемъ уничтоженіи въ Богѣ, если бы онъ мыслилъ постоянно, какъ субстратъ уничтоженія, свое собственное „я“. И Спиноза тогда, когда созерцалъ себя уничтожившимся въ абсолютномъ объектѣ, созерцалъ однако „самого се-

бя"—и не могъ мыслить себя уничтожившимся, не мысля въ то же время себя существующимъ".

Перифразы гр. Толстаго, передающія вторую половину вышеприведеннаго текста изъ Евангелія (Лук. XX. 37, 38) не менѣе произвольны и безосновательны, а именно; „что же касается того, что есть возстановленіе мертвыхъ, говоритъ Христосъ, возражая саддукеямъ, признающимъ одну земную жизнь и ничего, кромѣ плотской земной жизни,—„то развѣ вы не читали того, что сказано вамъ Богомъ?" Въ писаніи сказано, что Богъ при купинѣ сказалъ Моусею: „Я Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова". Если же Богъ сказалъ Моусею, что Онъ Богъ Іакова, то Іаковъ не умеръ для Бога, потому что Богъ есть только Богъ живыхъ, а немертвыхъ. Для Бога всѣ живы" (стр. 189, 190). Здѣсь гр. Толстой, не имѣя на то ни малѣйшаго основанія, совершенно произвольно мѣняетъ слово „*у*", употребляемое въ Евангеліи, на слово „для", что совершенно извращаетъ весь смыслъ ученія Христа. Въ Евангеліи сказано: „*у Бога на небѣ всѣ живы*", гр. Толстой же передаетъ эти слова такъ: „не умеръ для Бога", что никакъ не можетъ быть признано за одно и то же. Это измѣненіе совершенно сбиваетъ читателя и заставляетъ его переходить съ дѣйствительной реальной почвы на метафорическую, на которой онъ долженъ почерпнуть совершенно превратное и ложное пониманіе значенія словъ Христа. Говоря „не умеръ для Бога", гр. Толстой хочетъ заставить понять, что будто бы Христосъ хотѣлъ сказать, что хотя они для Бога не умерли, но въ сущности для самихъ-то себя они все-таки умерли, ибо личность ихъ все-таки подверглась уничтоженію.

Въ литературѣ, или въ общежитіи, для приданія большей образности и фигурности своей рѣчи, часто употребляютъ подобный оборотъ; о великихъ людяхъ или поэтахъ, напримѣръ, говорятъ, что они не умерли для народа, или живы въ народѣ, вмѣсто того, чтобы сказать, что память о нихъ живетъ въ народѣ, хотя въ сущности они сами-то для себя давно уже умерли. Поэты и писатели для достиженія въ своей рѣчи большей силы, красоты и, наконецъ, чтобы произвести большее впечатлѣніе на читателей, придавали своимъ словамъ разные фигурные обороты, но и они никогда ими не затемняли и

не извращали самаго смысла и всегда остерегались вводить читателей въ заблужденіе, а потому метафоры употреблялись для выясненія исключительно однихъ очевидныхъ для всѣхъ понятій; но Богъ не могъ предписывать Свой законъ людямъ въ метафорахъ; какъ могъ бы Онъ сказать, что *вы будете живы за гробомъ, находясь на небѣ у Бога, если въ дѣйствительности былъ бы живъ не самый человѣкъ, но его память*, а самый человѣкъ былъ бы уничтоженъ? Какъ могъ бы сказать Богъ, *что Авраамъ живъ, когда онъ въ сущности умеръ и Богъ помнитъ только о немъ?*

Христосъ никогда не вводилъ въ заблужденіе вѣрующихъ въ Него хитрыми и непонятными выраженіями, или какими-нибудь особыми оборотами рѣчи. Простота рѣчи Христа и составляетъ въ сущности причину, отчего она гораздо болѣе доступна дѣтямъ и людямъ прямымъ и простымъ, чѣмъ мудрымъ и слишкомъ уже разумнымъ и дальновиднымъ.

Вопросъ о загробномъ существованіи душъ составляетъ самое слабое мѣсто у гр. Толстаго, ибо 1) онъ убѣжденъ, что онъ не правъ, въ виду несомнѣнныхъ и самыхъ неоспоримыхъ свидѣтельствъ словъ Евангелія; 2) онъ чувствуетъ, что вся его система рушилась бы, если бы ему не удалось укрѣпить въ читателѣ убѣжденіе о полнѣйшемъ уничтоженіи за гробомъ, ибо для человѣка вѣрующаго въ будущую безконечную и блаженную жизнь, какъ говоритъ онъ самъ (стр. 207), вся его система ничего представить не можетъ, она всегда будетъ для него казаться совершенно пустой и безцѣльной; 3) самъ Толстой рѣшительно не понимаетъ дѣйствительнаго смысла ученія Христа о загробномъ существованіи душъ, о личномъ воскресеніи за гробомъ и о безсмертіи души. Онъ никакъ не можетъ допустить возможности существованія личности отдѣльно отъ матеріальнаго тѣла; не можетъ въ своемъ представленіи отдѣлить тѣло отъ души, ибо онъ, какъ и всѣ матеріалисты, привыкъ считать всѣ отправленія души за качества, свойства матеріи, при чемъ, конечно, душѣ не можетъ быть приписано самостоятельное отъ тѣла значеніе. Онъ считаетъ, что главный элементъ въ человѣческомъ тѣлѣ, это—разумъ, какъ слѣдствіе совершенства развитія мозга; всѣ остальныя, какъ разумныя, такъ и нравственныя проявленія въ человѣкѣ, по его мнѣнію, только слѣдствія его разума или правильно и хорошо устроеннаго мозга, и никакъ онъ не можетъ найти мѣста для души; существованіе ея

въ организмѣ человѣка остается для него вполнѣ не разъясненнымъ. Онъ знаетъ, что въ этомъ представленіи ему что-то непонятно и что слѣдовало бы себѣ это выяснить, но онъ до того сжился съ этимъ представленіемъ, что считаетъ возможнымъ остановиться на своемъ вполнѣ матеріалистическомъ воззрѣніи, тѣмъ болѣе, что съ признаніемъ возможности отдѣльной отъ тѣла самостоятельной жизни за гробомъ, вся его система совершенно теряетъ свое значеніе.

Гр. Толстой старается увѣрить своихъ читателей (а больше, кажется, самого себя), что за гробомъ мы встрѣтимъ одно уничтоженіе; но такъ какъ онъ очень хорошо знаетъ, что въ Евангеліи онъ никакихъ доказательствъ не найдетъ, то онъ чрезвычайно авторитетно поражаетъ читателя своей лаконичностью и относится къ прямымъ доказательствамъ съ нѣкоторою небрежностью и слегка, какъ будто все это очень ясно и не требовало бы въ сущности никакихъ доказательствъ, но взамѣнъ ихъ приводитъ множество своихъ собственныхъ умозрѣній, долженствующихъ установить взглядъ читателей, подготовить ихъ и, чтобы они не забыли, что именно онъ хочетъ внушить имъ, онъ разъ десять повторяетъ все одну и ту же фразу: „что, будто бы, во всѣхъ Евангеліяхъ нельзя найти ни одного мѣста, которое бы подтверждало ученіе Христа о личномъ и плотскомъ воскресеніи, ибо Христосъ никогда не говорилъ этого.

„Вотъ всѣ мѣста“, говоритъ онъ, „которыя понимаются (Церковью) такъ, какъ будто Христосъ предсказывалъ Свое воскресеніе, а именно: (Матѳ. XII. 40), (Лук. XI. 30), (Іоан. II. 19—22), (Матѳ. XVII. 9), (Матѳ. XVII. 12), (Матѳ. XVII. 23), (Марк. VIII. 31), (Марк. IX. 9), (Марк. IX. 31), (Лук. IX. 22), (Лука IX. 44), (Лук. XVII. 25), (Марк. X. 33, 34), (Лук. XVIII. 31—34), (Матѳ. XX. 18, 19), (Матѳ. XVI. 21), (Лук. XXIV. 25—27), но въ двухъ изъ нихъ говорится объ Іонѣ во чревѣ китовѣ, въ одномъ о возстановленіи Храма, въ остальныхъ же говорится о томъ, что Сынъ человѣческій“ (понимая, конечно, подъ этимъ словомъ общее всѣхъ людей стремленіе къ земному благу) не можетъ быть уничтоженъ; но нигдѣ ни однимъ словомъ не говорится о воскресеніи Іисуса Христа (стр. 193, 194).

не извращали самаго смысла и всегда остерегались вводить читателей въ заблужденіе, а потому метафоры употреблялись для выясненія исключительно однихъ очевидныхъ для всѣхъ понятій; но Богъ не могъ предписывать Свой законъ людямъ въ метафорахъ; какъ могъ бы Онъ сказать, что *вы будете живы за гробомъ, находясь на небѣ у Бога, если въ дѣйствительности былъ бы живъ не самый человѣкъ, но его память*, а самый человѣкъ былъ бы уничтоженъ? Какъ могъ бы сказать Богъ, *что Авраамъ живъ, когда онъ въ сущности умеръ и Богъ помнитъ только о немъ?*

Христосъ никогда не вводилъ въ заблужденіе вѣрующихъ въ Него хитрыми и непонятными выраженіями, или какими-нибудь особыми оборотами рѣчи. Простота рѣчи Христа и составляетъ въ сущности причину, отчего она гораздо болѣе доступна дѣтямъ и людямъ прямымъ и простымъ, чѣмъ мудрымъ и слишкомъ уже разумнымъ и дальновиднымъ.

Вопросъ о загробномъ существованіи душъ составляетъ самое слабое мѣсто у гр. Толстаго, ибо 1) онъ убѣжденъ, что онъ не правъ, въ виду несомнѣнныхъ и самыхъ неоспоримыхъ свидѣтельствъ словъ Евангелія; 2) онъ чувствуетъ, что вся его система рушилась бы, если бы ему не удалось укрѣпить въ читателѣ убѣжденіе о полнѣйшемъ уничтоженіи за гробомъ, ибо для человѣка вѣрующаго въ будущую безконечную и блаженную жизнь, какъ говоритъ онъ самъ (стр. 207), вся его система ничего представить не можетъ, она всегда будетъ для него казаться совершенно пустой и безцѣльной; 3) самъ Толстой рѣшительно не понимаетъ дѣйствительнаго смысла ученія Христа о загробномъ существованіи душъ, о личномъ воскресеніи за гробомъ и о безсмертіи души. Онъ никакъ не можетъ допустить возможности существованія личности отдѣльно отъ матеріальнаго тѣла; не можетъ въ своемъ представленіи отдѣлить тѣло отъ души, ибо онъ, какъ и всѣ матеріалисты, привыкъ считать всѣ отправленія души за качества, свойства матеріи, при чемъ, конечно, душѣ не можетъ быть приписано самостоятельное отъ тѣла значеніе. Онъ считаетъ, что главный элементъ въ человѣческомъ тѣлѣ, это—разумъ, какъ слѣдствіе совершенства развитія мозга; всѣ остальныя, какъ разумныя, такъ и нравственныя проявленія въ человѣкѣ, по его мнѣнію, только слѣдствія его разума или правильно и хорошо устроеннаго мозга, и никакъ онъ не можетъ найти мѣста для души; существованіе ея

въ организмѣ человѣка остается для него вполнѣ не разъясненнымъ. Онъ знаетъ, что въ этомъ представленіи ему что-то непонятно и что слѣдовало бы себѣ это выяснить, но онъ до того сжился съ этимъ представленіемъ, что считаетъ возможнымъ остановиться на своемъ вполнѣ матеріалистическомъ воззрѣніи, тѣмъ болѣе, что съ признаніемъ возможности отдѣльной отъ тѣла самостоятельной жизни за гробомъ, вся его система совершенно теряетъ свое значеніе.

Гр. Толстой старается увѣрить своихъ читателей (а больше, кажется, самого себя), что за гробомъ мы встрѣтимъ одно уничтоженіе; но такъ какъ онъ очень хорошо знаетъ, что въ Евангеліи онъ никакихъ доказательствъ не найдетъ, то онъ чрезвычайно авторитетно поражаетъ читателя своей лаконичностью и относится къ прямымъ доказательствамъ съ нѣкоторою небрежностью и слегка, какъ будто все это очень ясно и не требовало бы въ сущности никакихъ доказательствъ, но взамѣнъ ихъ приводитъ множество своихъ собственныхъ умозрѣній, долженствующихъ установить взглядъ читателей, подготовить ихъ и, чтобы они не забыли, что именно онъ хочетъ внушить имъ, онъ разъ десять повторяетъ все одну и ту же фразу: „что, будто бы, во всѣхъ Евангеліяхъ нельзя найти ни одного мѣста, которое бы подтверждало ученіе Христа о личномъ и плотскомъ воскресеніи, ибо Христосъ никогда не говорилъ этого.

„Вотъ всѣ мѣста“, говоритъ онъ, „которыя понимаются (Церковью) такъ, какъ будто Христосъ предсказывалъ Свое воскресеніе, а именно: (Матѳ. XII. 40), (Лук. XI. 30), (Іоан. II. 19—22), (Матѳ. XVII. 9), (Матѳ. XVII. 12), (Матѳ. XVII. 23), (Марк. VIII. 31), (Марк. IX. 9), (Марк. IX. 31), (Лук. IX. 22), (Лука IX. 44), (Лук. XVII. 25), (Марк. X. 33, 34), (Лук. XVIII. 31—34), (Матѳ. XX. 18, 19), (Матѳ. XVI. 21), (Лук. XXIV. 25—27), но въ двухъ изъ нихъ говорится объ Іонѣ во чревѣ китовѣ, въ одномъ о возстановленіи Храма, въ остальныхъ же говорится о томъ, что Сынъ человѣческій“ (понимая, конечно, подъ этимъ словомъ общее всѣхъ людей стремленіе къ земному благу) не можетъ быть уничтоженъ; но нигдѣ ни однимъ словомъ не говорится о воскресеніи Іисуса Христа (стр. 193, 194).

[illegible] приведенныя гр. Толстымъ ссылки и послѣдующія [illegible] и въ нихъ нигдѣ и ни [illegible] словомъ не [illegible] о воскресеніи Іисуса Христа.

2. Положимъ, что [illegible] Христа Спасителя въ первыхъ двухъ ссылкахъ, приведенныхъ гр. Толстымъ, могла быть непонятна ему, ибо тамъ высказывается лишь пророческое сказаніе о Немъ и Его [illegible], какъ [illegible] предсказалъ Спаситель во время [illegible].

3. Положимъ, что третья ссылка, въ которой Христосъ говоритъ, что возставитъ храмъ въ три дня, если его разрушатъ,— можетъ быть также непонятна гр. Толстымъ и не признана имъ за предсказаніе, именно Христомъ о Своемъ воскресеніи, хотя Евангелистъ и ясно указываетъ, о чемъ именно Онъ говорилъ (Іоан. II. 21). Для того, чтобы признать эти слова за предсказаніе, надо повѣрить Евангелисту, но гр. Толстой не вѣритъ даже словамъ Христа Спасителя, а слѣдовательно подавно не можетъ вѣрить Евангелисту.

4. Положимъ, что слѣдующія десять ссылокъ тоже непонятны для гр. Толстаго, несмотря на всю ясность и опредѣленность ихъ, но въ нихъ упоминается объ Іисусѣ Христѣ въ третьемъ лицѣ, при чемъ вездѣ употреблено слово „Сынъ человѣческій“, которое гр. Толстой понимаетъ своеобразно, а потому онъ и позволяетъ себѣ сдѣлать небольшую, какъ онъ выражается, перифразу словъ Христа, приведенную въ послѣдней выдержкѣ, что: *будто бы Сынъ человѣческій не можетъ быть уничтоженъ*“, тогда какъ для всѣхъ, понимающихъ слово „Сынъ человѣческій“ за личность Самого Христа, смыслъ словъ Евангелія ничего другаго не можетъ въ себѣ заключать, какъ совершенно ясное предсказаніе о Своей смерти и о Своемъ воскресеніи,—они слѣдующія: „*что Сыну человѣческому должно много пострадать и быть отвержену старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть.* (Лук. IX. 22).

Допустимъ все-таки, что это—одно недоразумѣніе или непониманіе дѣла, или смысла словъ, который можетъ быть залегаетъ глубже, чѣмъ кругозоръ гр. Толстаго; но какое основаніе имѣетъ онъ говорить, что въ послѣднихъ пяти ссылкахъ будто-бы тоже говорится о томъ, что „*общее стремленіе всѣхъ людей къ ихъ земному благу не можетъ быть уничтожено*“. Приведемъ ихъ дословно:

1) „*Отозвавъ же двѣнадцать учениковъ Своихъ, сказалъ имъ:*

вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ, и совершится все, написанное чрезъ пророковъ о Сынѣ человѣческомъ. Ибо предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и оскорбятъ Его, и оплюютъ Его. И будутъ бить Его, и убьютъ Его; и въ третій день воскреснетъ“ (Лука XVIII. 31—33), (тоже у Мрк. X. 33, 34), (тоже у Матѳ. XX. 18, 19).

2) „*Съ того времени началъ Іисусъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему должно идти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть*“. (Матѳ. XVI. 21).

3) „*Тогда Онъ сказалъ имъ: О, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки! Не такъ ли надлежало пострадать Христу, и войти въ славу Свою?*“ (Лука XXIV. 25, 26).

Въ этихъ послѣднихъ пяти мѣстахъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь сомнѣніи, что слова Христа не означаютъ того именно, что говорилъ Христосъ, т. е. прямыя предсказанія о Своемъ воскресеніи; въ первыхъ трехъ если и употреблено слово „*Сынъ человѣческій*“, но послѣ предваренія, что, *вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ и совершится все*“ и т. д., въ послѣднихъ же двухъ ссылкахъ совершенно не употреблено слово „Сынъ человѣческій“, а въ одномъ сказано прямо „*Іисусъ*“, а въ другомъ „*Христосъ*“, такъ что казалось бы, при полномъ желаніи не понять—нѣтъ никакой возможности этого сдѣлать. Чѣмъ же можетъ объяснить гр. Толстой, что онъ съ такой увѣренностью и настойчивостью внушалъ своимъ читателямъ, что о Своемъ личномъ воскресеніи Христосъ никогда ни однимъ словомъ не обмолвился, когда самъ ссылается на пятнадцать, совершенно ясныхъ, мѣстъ, свидѣтельствующихъ о противоположномъ, изъ которыхъ пять мѣстъ не могутъ быть непонятны даже ему, при полномъ нежеланіи понять ихъ?

Въ отвѣтъ на это онъ прямо возстаетъ, открыто протестуетъ и не соглашается съ ученіемъ Христа. 1) Онъ находитъ, что Христосъ дѣлаетъ плохо, открывая людямъ существованіе будущаго безконечнаго загробнаго существованія, блаженнаго для тѣхъ, которые заслужатъ его земной своей жизнью; 2) онъ находитъ для себя унизительнымъ поступать хорошо изъ-за ожиданія какой-нибудь награды на небѣ, совершенно не понимая ученіе Церкви, которое этого отъ него совершенно не требуетъ; 3) онъ находитъ, что

черезъ обѣщаніе будущей загробной жизни теряется весь смыслъ и главныя основы ученія Христа, не объясняя нигдѣ въ своемъ сочиненіи, какія именно основы теряются; и 4) находитъ, что людей, которые убѣждены въ загробной жизни, нельзя заставить жить на землѣ такъ, какъ того требуетъ его, т. е. гр. Толстаго, система земной жизни. Вотъ его подлинныя слова: „положимъ, говоритъ онъ, что слова Христа о страшномъ Судѣ и совершеніи вѣка и другія слова изъ Евангелія Іоанна имѣютъ значеніе обѣщанія загробной жизни для душъ умершихъ людей... Можетъ быть справедливѣе предположить, что человѣка послѣ этой мірской жизни, пережитой для исполненія Его личной воли, все-таки ожидаетъ вѣчная личная жизнь въ раю со всевозможными радостями; можетъ быть это справедливѣе, но думать, что это такъ, стараться вѣрить въ то, что за добрыя дѣла я буду награжденъ вѣчнымъ блаженствомъ, а за дурными—вѣчными муками,—думать такъ не содѣйствуетъ пониманію ученія Христа, думать такъ, — значитъ, напротивъ, лишать ученіе Христа самой главной его основы". (Стр. 202, 203). „Христосъ даетъ благо тѣмъ, которые во злѣ; но тѣмъ, которые увѣрились, что они имѣютъ гораздо болѣе того, что даетъ Христосъ, ученіе Его ничего не можетъ дать. Я буду усовѣщивать человѣка, чтобы онъ работалъ, увѣряя его, что онъ за то получитъ одежду и пищу и вдругъ этотъ человѣкъ увѣрится, что онъ и такъ милліонеръ; очевидно, что онъ не приметъ моихъ увѣщаній. Это самое происходитъ и съ ученіемъ Христа. Что мнѣ еще зарабатывать, когда я и такъ могу быть богачемъ? Что мнѣ стараться прожить эту жизнь по Божьи, когда я увѣренъ, что и безъ того я буду вѣчно, лично жить". (Стр. 205, 206).

Совершенно не понятно къ чему было гр. Толстому устраивать съ читателемъ весьма краснорѣчивую игру въ прятки и на 70 страницахъ своего сочиненія стремится доказать, что загробной жизни нѣтъ, что Христосъ обѣщалъ, но ничѣмъ не подтвердилъ ее, что обѣщаніе Его ничѣмъ, будто-бы, не можетъ быть доказано, если въ концѣ всѣхъ этихъ отрицаній признать передъ своими же

читателями, что, можетъ быть, справедливѣе предположить такъ, какъ всею Церковью признано, что послѣ мірской жизни все-таки ожидаетъ человѣка жизнь въ раю со всевозможными радостями, но я преднамѣренно уклонялся отъ истины, доказывалъ вамъ умышленно все совершенно противоположное и извращалъ для этого слова Христа, чтобы вы слѣдовали ученію Христа не такъ, какъ Онъ Самъ находилъ нужнымъ, но такъ, какъ удобно для меня (графа Толстаго), для того, чтобы лучше провести мою собственную систему земной жизни. Не слѣдовало, по крайней мѣрѣ, гр. Толстому признаваться въ этомъ, ибо каждый изъ его читателей, узнавъ объ этомъ признаніи, долженъ же вывести заключеніе, что хотя гр. Толстой и очень хорошо доказалъ намъ, что ничего за гробомъ нѣтъ, но въ сущности самъ признаетъ, что можетъ быть и есть, но что признавать этого онъ не находитъ нужнымъ.

Подумалъ ли когда-нибудь гр. Толстой о томъ, какая разница между Богомъ и человѣкомъ, между Божескими знаніями и человѣческими? Надо было рѣшительно парализовать и уничтожить въ себѣ всѣ свои нравственныя и духовныя силы, чтобы не быть въ состояніи хотя сколько-нибудь возвыситься въ своемъ представленіи надъ уровнемъ матеріальнаго міра и абсолютно не быть въ состояніи хотя сколько-нибудь уразумѣть, на сколько Богъ и Его дѣла безпредѣльно выше дѣлъ и понятій человѣка, чтобы дерзнуть исправлять слова Бога. Гр. Толстой не отвергаетъ въ Іисусѣ Христѣ Бога Сына и признаетъ это совершенно опредѣленно въ 4-хъ мѣстахъ своего сочиненія (стр. 22, 28, 66 и 80), а, между прочимъ, признавая, что Самъ Богъ нашелъ нужнымъ открыть людямъ загробное ихъ безконечное существованіе, признавая, что Богъ обѣщалъ его людямъ, объявляетъ прямо, что: „Какъ ни странно это покажется, но нельзя не сказать, что вѣрованіе въ будущую личную жизнь есть очень низменное и грубое представленіе, основанное на смѣшеніи сна со смертью и свойственное всѣмъ дикимъ народамъ, и что еврейское ученіе, не говоря уже о христіанскомъ, стояло неизмѣримо выше его. Мы же такъ увѣрены въ томъ, что это суевѣріе есть что-то очень возвышенное, что пресерьезно доказываемъ преимущество нашего ученія передъ другими именно тѣмъ, что мы держимся этого суевѣрія, а другіе, какъ ки-

тайцы и индусы, не держатся его. Это доказываютъ не только богословы, но и вольнодумные ученые историки религій". (Стр. 195, 196).

Однимъ словомъ, это уже не одно непониманіе словъ Христа, это прямое желаніе критиковать Его, и даже больше,—въ этихъ словахъ проявляется ясно чувство превосходства своего собственнаго разума надъ умомъ Христа, вслѣдствіе котораго гр. Толстой считаетъ для себя возможнымъ выкраивать изъ Его Святаго ученія все то, что онъ находитъ низменнымъ, грубымъ и дикимъ.

Самъ Богъ, Творецъ вселенной, открывалъ людямъ ихъ загробное состояніе; чего, конечно, никакъ не могъ сдѣлать ни одинъ ученый міра, ни одинъ мудрецъ или составитель какого-либо вѣроученія; ибо всѣ они были людьми, существами грѣшными и конечными, и, скажимъ, не только ограниченными, но положительнымъ ничтожествомъ по сравненію съ тѣмъ представленіемъ, которое мы должны себѣ составить о безконечныхъ и безграничныхъ качествахъ, говоря о Богѣ, и всякія сравненія и сопоставленія или провѣрки словъ Христа словами разныхъ Сократовъ, Конфуціевъ, Марковъ Авреліевъ, Буддъ и т. д., какъ это позволяетъ себѣ гр. Толстой, положительно неумѣстны и неприличны.

Надо положительно не умѣть приспособить или развить свой умъ и свои духовно-нравственныя способности къ воспринятію высшихъ идей, чтобы позволить себѣ, какъ гр. Толстой, относиться такъ равнодушно къ тому, что сказано намъ Самимъ Богомъ не для того, чтобы мы еще копались въ этихъ Святыхъ Сущностяхъ, выбирали изъ нихъ что намъ больше по вкусу, глумились надъ остальнымъ и оскверняли всю рѣчь нашими грѣшными и человѣческими замѣчаніями, внося въ нихъ часть своего практическаго земнаго разума.

Въ своей премудрой предусмотрительности и въ своемъ безконечномъ попеченіи о людяхъ Богъ рѣшилъ полезнымъ открыть людямъ черезъ Единороднаго Сына Своего истинный смыслъ ихъ жизни на землѣ, чтобы облегчить имъ ихъ задачу жизни, дѣлая ее болѣе ясной и цѣлесообразной, а слѣдовательно болѣе осмысленной и разумной. Онъ нашелъ нужнымъ открыть людямъ тотъ путь, по которому Онъ ведетъ ихъ, для чего нужна имъ ихъ земная жизнь, для чего они живутъ, мучаются и страдаютъ. Онъ даетъ имъ весь смыслъ ихъ жизни и вселяетъ надежду на скорое избавленіе отъ всего этого всѣмъ, которые сами захотѣли бы того.

Онъ сказалъ имъ, что ихъ истинное назначеніе не здѣшняя земная жизнь, но загробная; что земная жизнь временная, короткая и продолжается нѣсколько десятковъ лѣтъ, а загробная будетъ продолжаться безконечность. Да, цѣлую безконечность! Это не тысяча лѣтъ, не милліонъ, не трилліонъ, а цѣлая безконечность!

Богъ открылъ людямъ, что вся ихъ короткая земная жизнь составляетъ лишь подготовку къ будущей безконечной жизни; какія выработаетъ человѣкъ качества, свойства, привычки и вкусы своей души здѣсь на землѣ, съ такими пойдетъ онъ въ загробное царство. По этому вся дѣятельность человѣка на землѣ должна быть обращена главнымъ образомъ на вполнѣ цѣлесообразное нравственное и духовное воспитаніе и развитіе души для подготовленія себя къ будущей счастливой жизни за гробомъ. Чѣмъ совершеннѣе это воспитаніе. тѣмъ и блаженство за гробомъ будетъ больше, ибо душа эта будетъ больше соотвѣтствовать той обстановкѣ и тому состоянію, въ которое она войдетъ, или, лучше сказать, она будетъ больше и глубже понимать всю премудрость Божью, всѣ красоты міра, всѣ тайны бытія.

„*Богъ есть любовь*“ (1 Іанн. IV. 16), сказалъ Апостолъ Іоаннъ Богословъ; а слѣдовательно царство Бога должно быть царствомъ любви и добра, но любви чистой, безпредѣльной и всеобъемлющей, исключающей всякое личное чувство ко всему живущему, ко всему сотворенному Богомъ, безъ малѣйшаго изъятія, не задаваясь положительно вопросомъ кто это, какими онъ качествами обладаетъ и какое назначеніе его. Слѣдовательно, наилучшая дѣятельность человѣка на землѣ есть та, которая вырабатываетъ и укореняетъ въ немъ эту истинную любовь. Любовь эта должна быть свойствомъ души, должна составлять природу ея и должна поглотить всѣ остальныя качества и способности человѣка, должна возвысить, благородить и уяснить черезъ свое благотворное вліяніе все доброе и затмить, вытѣснить и изгнать все дурное и злое.

Христосъ сказалъ ясно, что „*первая и наибольшая заповѣдь: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ; вторая: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и всѣ пророки*“, (Матѳ. XXII. 37—40), и мы не можемъ не вѣровать, что стремясь къ развитію въ себѣ этого высокаго и самаго существеннаго качества души нашей, мы будемъ всегда и во всѣхъ случаяхъ жизни

находиться на истинномъ пути ко спасенію. Мы не можемъ не вѣровать, что всѣ остальныя заповѣди, весь остальной законъ, всѣ ученія пророковъ и все исповѣдываніе нашей вѣры составляютъ только средства къ возможности черезъ нихъ достигнуть высшаго развитія и болѣе глубокаго укорененія въ насъ любви.

Въ какое бы положеніе ни былъ поставленъ Богомъ человѣкъ на землѣ, онъ одинаково долженъ стремиться къ одной главной цѣли бытія—къ усиленію въ себѣ любви. Вся обстановка его жизни, всѣ матеріальныя средства, которыми онъ пользуется, всѣ его способности, здоровье, все дано ему Богомъ, какъ лучшее для него испытаніе и самое дѣйствительное упражненіе для него. Богъ всевѣдущъ, безконечно предусмотрителенъ и Промыслъ Его ведетъ людей истиннымъ путемъ. Родился ли человѣкъ въ богатствѣ или въ бѣдности, въ рабствѣ, или въ господствѣ, въ власти, — никто не можетъ спрашивать, почему это такъ, не лучше ли было бы иначе, ибо такъ рѣшилъ Самъ Богъ. Съ покорностью и смиреніемъ обязанъ человѣкъ нести свой крестъ и съ одинаковой настойчивостью преслѣдовать свою главную цѣль жизни, достигать своего духовнаго и нравственнаго развитія души, а черезъ него въ особенности своего преуспѣянія въ любви, въ участіи къ ближнему, черезъ примѣненіе къ дѣлу жизни всего, что дано ему Богомъ: разума, нравственности, способностей, матеріальныхъ средствъ и т. д.; однимъ словомъ, всѣхъ особыхъ преимуществъ, которыми онъ надѣленъ передъ людьми.

Обязанность каждаго человѣка не закапывать данныхъ ему отъ Бога талантовъ въ землю, но извлечь наибольшее количество нравственной и матеріальной пользы для себя и другихъ черезъ свои старанія и стремленія, черезъ свой трудъ и работу и, наконецъ, прямо черезъ матеріальную поддержку ближняго неимущаго, больнаго, недужнаго. Чѣмъ выше выполнитъ человѣкъ свою прямую задачу жизни, тѣмъ лучше докажетъ свое высшее развитіе и совершенство души.

Весь матеріальный міръ долженъ представляться ему лишь средствомъ или орудіемъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ упражненій и испытаній его отношенія къ людямъ—средствомъ сперва выработать, а потомъ выказать добрыя качества своей души; всѣ столкновенія съ злыми людьми или съ превратностями и трудностями жизни—поводомъ къ болѣе серьезнымъ и труднымъ упраж-

неніямъ, имѣющимъ цѣлью дальнѣйшее совершенствованіе черезъ продолженіе цѣлесообразныхъ упражненій. Вотъ тотъ смыслъ, который придаетъ нашей земной жизни Церковь на основаніи ученія Христа Спасителя и къ подобному только взгляду на природу вещей и на сущность жизни и призываетъ она вѣрующихъ.

Но гр. Толстой, прочтя Евангеліе, понялъ ученіе Христа иначе,—грубо-матеріально и чисто-практически, или, лучше сказать, совершенно не понялъ его. Сущность земной жизни по ученію Христа представилась ему слѣдующимъ образомъ: Приходятъ люди во дворъ и находятъ въ немъ все, что нужно для ихъ жизни: домъ со всею утварью, амбары полные хлѣбомъ, погреба, подвалы со всѣми запасами; на дворѣ орудія земледѣльческія, снасть, сбруя, лошади, коровы, овцы—полное хозяйство, все, что нужно для довольной жизни. Люди съ разныхъ сторонъ приходятъ въ этотъ дворъ и начинаютъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что они находятъ тутъ, каждый только для себя, не думая ничего оставлять ни тѣмъ, которые съ ними теперь въ домѣ, ни тѣмъ, которые придутъ послѣ. Каждый хочетъ все для себя. Каждый торопится воспользоваться чѣмъ можетъ и начинается истребленіе всего—борьба, драка за предметы обладанія: корову молочную, не стриженыхъ овецъ бьютъ на мясо; станками и телѣгами топятъ печи, дерутся за молоко, за зерно, проливаютъ и просыпаютъ больше, чѣмъ пользуются. Никто спокойно не ѣстъ куска—ѣстъ и огрызается; приходитъ сильнѣйшій и отнимаетъ, а у того отнимаетъ другой. Намучившись, избитые, голодные люди уходятъ изъ двора. Опять хозяинъ приготовляетъ все во дворѣ такъ, чтобы люди могли спокойно жить въ немъ. Опять дворъ—полная чаша; опять приходятъ прохожіе и опять свалка, драка; все идетъ тунью и опять измученные, избитые и озлобленные люди выходятъ вонъ, ругаясь и злобясь и на товарищей и на хозяина, что плохо и мало заготовилъ. Опять добрый хозяинъ учреждаетъ дворъ такъ, чтобы могли жить въ немъ люди и опять тоже, и опять, и опять, и

Разберемъ приведенныя гр. Толстымъ ссылки и постараемся убѣдиться, дѣйствительно ли въ нихъ нигдѣ и ни однимъ словомъ не говорится о воскресеніи Іисуса Христа.

а) Положимъ, что рѣчь Христа Спасителя, въ первыхъ двухъ ссылкахъ, приводимыхъ гр. Толстымъ, могла быть непонятна ему, ибо она возстановляетъ лишь пророческія сказанія о Іонѣ во чревѣ китовѣ, какъ уподобленіе пребыванія Спасителя во чревѣ земли.

б) Положимъ, что третья ссылка, въ которой Христосъ говоритъ, что воздвигнетъ храмъ въ три дня, если его разрушатъ,— можетъ быть также отвергнута гр. Толстымъ и не признана имъ за предсказаніе, даваемое Христомъ о Своемъ воскресеніи, хотя Евангелистъ и ясно указываетъ, о чемъ именно Оно говорилъ (Іоан. II. 21). Для того, чтобы принять эти слова за предсказаніе, надо повѣрить Евангелисту, но гр. Толстой не вѣритъ даже словамъ Христа Спасителя, а слѣдовательно подавно не можетъ вѣрить Евангелисту.

в) Положимъ, что слѣдующія девять ссылокъ тоже непонятны для гр. Толстаго, несмотря на всю ясность и опредѣленность ихъ; но въ нихъ упоминается объ Іисусѣ Христѣ въ третьемъ лицѣ, при чемъ вездѣ употреблено слово „Сынъ человѣческій“, которое гр. Толстой понимаетъ своеобразно, а потому онъ и позволяетъ себѣ сдѣлать небольшую, какъ онъ выражается, перифразу словъ Христа, приведенную въ послѣдней выдержкѣ, что: будто бы сынъ человѣческій не можетъ быть уничтоженъ“, тогда какъ для всѣхъ, понимающихъ слово „Сынъ человѣческій“ за личность Самого Христа, смыслъ словъ Евангелія ничего другаго не можетъ въ себѣ заключать, какъ совершенно ясное предсказаніе о Своей смерти и о Своемъ воскресеніи,—они слѣдующія: *„что Сыну человѣческому должно много пострадать и быть отвержену старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть.* (Лук. IX. 22).

Допустимъ все-таки, что это—одно недоразумѣніе или непониманіе дѣла, или смысла словъ, который можетъ быть залегаетъ глубже, чѣмъ кругозоръ гр. Толстаго; но какое основаніе имѣетъ онъ говорить, что въ послѣднихъ пяти ссылкахъ будто-бы тоже говорится о томъ, что „общее стремленіе всѣхъ людей къ ихъ земному благу не можетъ быть уничтожено“. Приведемъ ихъ дословно:

1) *„Отозвавъ же двѣнадцать учениковъ Своихъ, сказалъ имъ:*

вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ, и совершится все, написанное чрезъ пророковъ о Сынѣ человѣческомъ. Ибо предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и оскорбятъ Его, и оплюютъ Его. И будутъ бить Его, и убьютъ Его; и въ третій день воскреснетъ" (Лука XVIII. 31—33), (тоже у Мрк. X. 33, 34), (тоже у Матѳ. XX. 18, 19).

2) „*Съ того времени началъ Іисусъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему должно идти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть*". (Матѳ. XVI. 21).

3) „*Тогда Онъ сказалъ имъ: О, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки! Не такъ ли надлежало пострадать Христу, и войти въ славу Свою?*" (Лука XXIV. 25, 26).

Въ этихъ послѣднихъ пяти мѣстахъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь сомнѣніи, что слова Христа не означаютъ того именно, что говорилъ Христосъ, т. е. прямыя предсказанія о Своемъ воскресеніи; въ первыхъ трехъ если и употреблено слово „*Сынъ человѣческій*", но послѣ предваренія, что, *вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ и совершится все*" и т. д., въ послѣднихъ же двухъ ссылкахъ совершенно не употреблено слово „Сынъ человѣческій", а въ одномъ сказано прямо „*Іисусъ*", а въ другомъ „*Христосъ*", такъ что казалось бы, при полномъ желаніи не понять—нѣтъ никакой возможности этого сдѣлать. Чѣмъ же можетъ объяснить гр. Толстой, что онъ съ такой увѣренностью и настойчивостью внушалъ своимъ читателямъ, что о Своемъ личномъ воскресеніи Христосъ никогда ни однимъ словомъ не обмолвился, когда самъ ссылается на пятнадцать, совершенно ясныхъ, мѣстъ, свидѣтельствующихъ о противоположномъ, изъ которыхъ пять мѣстъ не могутъ быть непонятны даже ему, при полномъ нежеланіи понять ихъ?

Въ отвѣтъ на это онъ прямо возстаетъ, открыто протестуетъ и не соглашается съ ученіемъ Христа. 1) Онъ находитъ, что Христосъ дѣлаетъ плохо, открывая людямъ существованіе будущаго безконечнаго загробнаго существованія, блаженнаго для тѣхъ, которые заслужатъ его земной своей жизнью; 2) онъ находитъ для себя унизительнымъ поступать хорошо изъ-за ожиданія какой-нибудь награды на небѣ, совершенно не понимая ученіе Церкви, которое этого отъ него совершенно не требуетъ; 3) онъ находитъ, что

тайцы и индусы, не держатся его. Это доказываютъ не только богословы, но и вольнодумные ученые историки религій". (Стр. 195, 196).

Однимъ словомъ, это уже не одно непониманіе словъ Христа, это прямое желаніе критиковать Его, и даже больше,—въ этихъ словахъ проявляется ясно чувство превосходства своего собственнаго разума надъ умомъ Христа, вслѣдствіе котораго гр. Толстой считаетъ для себя возможнымъ выкраивать изъ Его Святаго ученія все то, что онъ находитъ низменнымъ, грубымъ и дикимъ.

Самъ Богъ, Творецъ вселенной, открывалъ людямъ ихъ загробное состояніе; чего, конечно, никакъ не могъ сдѣлать ни одинъ ученый міра, ни одинъ мудрецъ или составитель какого-либо вѣроученія; ибо всѣ они были людьми, существами грѣшными и конечными, и, скажимъ, не только ограниченными, но положительнымъ ничтожествомъ по сравненію съ тѣмъ представленіемъ, которое мы должны себѣ составить о безконечныхъ и безграничныхъ качествахъ, говоря о Богѣ, и всякія сравненія и сопоставленія или провѣрки словъ Христа словами разныхъ Сократовъ, Конфуціевъ, Марковъ Авреліевъ, Буддъ и т. д., какъ это позволяетъ себѣ гр. Толстой, положительно неумѣстны и неприличны.

Надо положительно не умѣть приспособить или развить свой умъ и свои духовно-нравственныя способности къ воспринятію высшихъ идей, чтобы позволить себѣ, какъ гр. Толстой, относиться такъ равнодушно къ тому, что сказано намъ Самимъ Богомъ не для того, чтобы мы еще копались въ этихъ Святыхъ Сущностяхъ, выбирали изъ нихъ что намъ больше по вкусу, глумились надъ остальнымъ и оскверняли всю рѣчь нашими грѣшными и человѣческими замѣчаніями, внося въ нихъ часть своего практическаго земнаго разума.

Въ своей премудрой предусмотрительности и въ своемъ безконечномъ попеченіи о людяхъ Богъ рѣшилъ полезнымъ открыть людямъ черезъ Единороднаго Сына Своего истинный смыслъ ихъ жизни на землѣ, чтобы облегчить имъ ихъ задачу жизни, дѣлая ее болѣе ясной и цѣлесообразной, а слѣдовательно болѣе осмысленной и разумной. Онъ нашелъ нужнымъ открыть людямъ тотъ путь, по которому Онъ ведетъ ихъ, для чего нужна имъ ихъ земная жизнь, для чего они живутъ, мучаются и страдаютъ. Онъ даетъ имъ весь смыслъ ихъ жизни и вселяетъ надежду на скорое избавленіе отъ всего этого всѣмъ, которые сами захотѣли бы того.

Онъ сказалъ имъ, что ихъ истинное назначеніе не здѣшняя земная жизнь, но загробная; что земная жизнь временная, короткая и продолжается нѣсколько десятковъ лѣтъ, а загробная будетъ продолжаться безконечность. Да, цѣлую безконечность! Это не тысяча лѣтъ, не милліонъ, не трилліонъ, а цѣлая безконечность!

Богъ открылъ людямъ, что вся ихъ короткая земная жизнь составляетъ лишь подготовку къ будущей безконечной жизни; какія выработаетъ человѣкъ качества, свойства, привычки и вкусы своей души здѣсь на землѣ, съ такими пойдетъ онъ въ загробное царство. По этому вся дѣятельность человѣка на землѣ должна быть обращена главнымъ образомъ на вполнѣ цѣлесообразное нравственное и духовное воспитаніе и развитіе души для подготовленія себя къ будущей счастливой жизни за гробомъ. Чѣмъ совершеннѣе это воспитаніе. тѣмъ и блаженство за гробомъ будетъ больше, ибо душа эта будетъ больше соотвѣтствовать той обстановкѣ и тому состоянію, въ которое она войдетъ, или, лучше сказать, она будетъ больше и глубже понимать всю премудрость Божью, всѣ красоты міра, всѣ тайны бытія.

„*Богъ есть любовь*“ (1 Іанн. IV. 16), сказалъ Апостолъ Іоаннъ Богословъ; а слѣдовательно царство Бога должно быть царствомъ любви и добра, но любви чистой, безпредѣльной и всеобъемлющей, исключающей всякое личное чувство ко всему живущему, ко всему сотворенному Богомъ, безъ малѣйшаго изъятія, не задаваясь положительно вопросомъ кто это, какими онъ качествами обладаетъ и какое назначеніе его. Слѣдовательно, наилучшая дѣятельность человѣка на землѣ есть та, которая вырабатываетъ и укореняетъ въ немъ эту истинную любовь. Любовь эта должна быть свойствомъ души, должна составлять природу ея и должна поглотить всѣ остальныя качества и способности человѣка, должна возвысить, благородить и уяснить черезъ свое благотворное вліяніе все доброе и затмить, вытѣснить и изгнать все дурное и злое.

Христосъ сказалъ ясно, что „*первая и наибольшая заповѣдь: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ; вторая: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и всѣ пророки*“, (Матѳ. XXII. 37—40), и мы не можемъ не вѣровать, что стремясь къ развитію въ себѣ этого высокаго и самаго существеннаго качества души нашей, мы будемъ всегда и во всѣхъ случаяхъ жизни

находиться на истинномъ пути ко спасенію. Мы не можемъ не вѣровать, что всѣ остальныя заповѣди, весь остальной законъ, всѣ ученія пророковъ и все исповѣдываніе нашей вѣры составляютъ только средства къ возможности черезъ нихъ достигнуть высшаго развитія и болѣе глубокаго укорененія въ насъ любви.

Въ какое бы положеніе ни былъ поставленъ Богомъ человѣкъ на землѣ, онъ одинаково долженъ стремиться къ одной главной цѣли бытія—къ усиленію въ себѣ любви. Вся обстановка его жизни, всѣ матеріальныя средства, которыми онъ пользуется, всѣ его способности, здоровье, все дано ему Богомъ, какъ лучшее для него испытаніе и самое дѣйствительное упражненіе для него. Богъ всевѣдущъ, безконечно предусмотрителенъ и Промыслъ Его ведетъ людей истиннымъ путемъ. Родился ли человѣкъ въ богатствѣ или въ бѣдности, въ рабствѣ, или въ господствѣ, въ власти, — никто не можетъ спрашивать, почему это такъ, не лучше ли было бы иначе, ибо такъ рѣшилъ Самъ Богъ. Съ покорностью и смиреніемъ обязанъ человѣкъ нести свой крестъ и съ одинаковой настойчивостью преслѣдовать свою главную цѣль жизни, достигать своего духовнаго и нравственнаго развитія души, а черезъ него въ особенности своего преуспѣянія въ любви, въ участіи къ ближнему, черезъ примѣненіе къ дѣлу жизни всего, что дано ему Богомъ: разума, нравственности, способностей, матеріальныхъ средствъ и т. д.; однимъ словомъ, всѣхъ особыхъ преимуществъ, которыми онъ надѣленъ передъ людьми.

Обязанность каждаго человѣка не закапывать данныхъ ему отъ Бога талантовъ въ землю, но извлечь наибольшее количество нравственной и матеріальной пользы для себя и другихъ черезъ свои старанія и стремленія, черезъ свой трудъ и работу и, наконецъ, прямо черезъ матеріальную поддержку ближняго неимущаго, больнаго, недужнаго. Чѣмъ выше выполнитъ человѣкъ свою прямую задачу жизни, тѣмъ лучше докажетъ свое высшее развитіе и совершенство души.

Весь матеріальный міръ долженъ представляться ему лишь средствомъ или орудіемъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ упражненій и испытаній его отношенія къ людямъ—средствомъ сперва выработать, а потомъ выказать добрыя качества своей души; всѣ столкновенія съ злыми людьми или съ превратностями и трудностями жизни—поводомъ къ болѣе серьезнымъ и труднымъ упраж-

[illegible] иначе. Что-
[illegible] ли. Ну, что-
[illegible] дворѣ, что-
[illegible] жать жизнь
[illegible] драться, гу-
[illegible] сказалъ имъ:
[illegible] ивите лучше
[illegible] ли вообразили,
[illegible] этомъ дворѣ и
[illegible] нь, не на этомъ
[illegible] они рѣшили, что
[illegible] стоитъ стараться
[illegible] только заботиться
[illegible] обѣщанную хоро-
[illegible] Только этимъ мож-
[illegible] деніе во дворѣ тѣхъ
[illegible] учитель былъ Богъ, и
[illegible] умнымъ человѣкомъ, и
[illegible] продолжаютъ жить по
[illegible] мъ учителя. Люди все слы-
[illegible] пропустили мимо ушей
[illegible] только о томъ, что людямъ
[illegible] самимъ здѣсь, на томъ дво-
[illegible] ошлись, а вообразили себѣ, что
[illegible] а тамъ гдѣ-то будетъ настоя-
[illegible] го вышло то удивительное раз-
[illegible] учителя очень прекрасны и да-
[illegible] исполнять ихъ теперь трудно.
[illegible] перестали себя губить и ожидать,
[illegible] можетъ имъ: Христосъ на
[illegible] ласомъ, или историческій
[illegible] ференціаціи и интеграціи
[illegible] ъ, коли сами не помогутъ. А
[illegible] го. Только не ждать ничего
[illegible] и, а самимъ перестать губить

[illegible] жное міровоззрѣніе, не отдѣляющееся
[illegible] плотскихъ заботъ о своемъ земномъ су-

опять. И вотъ въ одинъ изъ новыхъ приходовъ людей находится учитель, который говоритъ другимъ: братцы, мы не то дѣлаемъ! Смотрите сколько добра во дворѣ, какъ все хозяйственно устроено! На всѣхъ насъ хватитъ и останется тѣмъ, которые послѣ насъ придутъ, только давайте съ умомъ жить. Не будемъ другъ у дружки отнимать, а будемъ помогать другъ другу. Станемъ сѣять, пахать, скотину водить и всѣмъ хорошо будетъ жить. И вотъ случилось, что кое-кто понялъ, что говоритъ учитель, и стали эти понявшіе такъ дѣлать: перестали драться, отнимать другъ у дружки и стали работать. Но остальные, которые и не слыхали рѣчей учителя, а которые и слышали да не вѣрили имъ, не дѣлали по словамъ человѣка, а по прежнему дрались и губили хозяйское добро и уходили. Приходили другіе и было тоже самое. Тѣ, которые послушали учителя, говорили все свое: не деритесь, не губите хозяйское добро, вамъ будетъ лучше,—дѣлайте какъ сказалъ учитель. Но все еще было много такихъ, которые не слыхали и не вѣрили и дѣло шло долго все по старому. Все это понятно и такъ точно могло быть, пока люди не вѣрили тому, что говорилъ учитель. Но вотъ разсказываютъ, что пришло время—всѣ услыхали во дворѣ слова учителя, всѣ поняли ихъ, всѣ мало что поняли,—всѣ признали, что это самъ Богъ говоритъ черезъ учителя, что и учитель-то самъ Богъ и всѣ повѣрили, какъ въ святыню, въ каждое слово учителя. Но разсказываютъ, что будто послѣ этого, вмѣсто того, чтобы всѣмъ жить по словамъ учителя, вышло то, что послѣ этого ужь никто не сталъ удерживаться отъ свалки и пошли всѣ колотить другъ друга, и стали всѣ говорить, что теперь то мы вѣрно знаемъ, — а такъ надо жить и что иначе нельзя. Что же это
читъ? Вѣдь и скотина и та сладится, какъ
ѣмъ ѣсть, чтобы не сбивать его даромъ,
ли, какъ надо лучше жить, повѣрили,
ъ имъ велѣлъ такъ жить, и живутъ еще

хуже, потому что говорятъ нельзя жить иначе. Что-нибудь другое вообразили себѣ эти люди. Ну, что-же могли вообразить себѣ эти люди во дворѣ, чтобы, повѣривъ словамъ учителя, продолжать жизнь по прежнему, отнимать другъ у друга, драться, губить добро и себя? А вотъ что: учитель сказалъ имъ: ваша жизнь въ этомъ дворѣ дурная,—живите лучше и ваша жизнь будетъ хорошая, а они вообразили, что учитель осудилъ всю жизнь въ этомъ дворѣ и обѣщалъ имъ другую хорошую жизнь, не на этомъ дворѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. И они рѣшили, что этотъ дворъ постоялый, и что не стоитъ стараться жить въ немъ хорошо, а что надо только заботиться о томъ, какъ бы не прозѣвать ту обѣщанную хорошую жизнь въ другомъ мѣстѣ. Только этимъ можно объяснить странное поведеніе во дворѣ тѣхъ людей, которые вѣрятъ, что учитель былъ Богъ, и тѣхъ, которые считаютъ Его умнымъ человѣкомъ, и слова Его справедливыми, но продолжаютъ жить по старому, противно совѣтамъ учителя. Люди все слышали, все поняли, но только пропустили мимо ушей то, что учитель говорилъ только о томъ, что людямъ надо дѣлать свое счастье самимъ здѣсь, на томъ дворѣ, на которомъ они сошлись, а вообразили себѣ, что это дворъ постоялый, а тамъ гдѣ-то будетъ настоящій. И вотъ отъ этого вышло то удивительное разсужденіе, что слова учителя очень прекрасны и даже—слова Бога, но исполнять ихъ теперь трудно. Только бы люди перестали себя губить и ожидать, что кто-то придетъ и поможетъ имъ: Христосъ на облакахъ съ трубнымъ гласомъ, или историческій законъ, или законъ дифференціаціи и интеграціи силъ. Никто не поможетъ, коли сами не помогутъ. А самимъ и помогать нечего. Только не ждать ничего ни съ неба, ни съ земли, а самимъ перестать губить себя" (стр. 170—174).

Какое жалкое и ничтожное міровоззрѣніе, не отдѣляющееся нисколько отъ мірскихъ и плотскихъ заботъ о своемъ земномъ су-

ществованіи и о матеріальномъ благѣ. Они то и выставляются гр. Толстымъ за единственную цѣль жизнь, для которой человѣкъ долженъ трудиться, работать, страдать, расходовать свои силы, свой покой и здоровье, не ожидая никогда ни откуда ни поддержки, ни помощи, ни даже утѣшенія, не имѣть никакой надежды на что-либо лучшее даже въ будущемъ, для того, чтобы „слиться послѣ своей смерти съ Богомъ", какъ выражается гр. Толстой, а говоря простымъ и понятнымъ языкомъ, чтобы быть уничтоженнымъ и пропасть безслѣдно.

Неужели въ самомъ дѣлѣ необходимо было бы сойти Самому Богу съ неба, чтобы дать людямъ простой житейскій совѣтъ о томъ, какъ лучше имъ жить на землѣ, какъ чинить свои бороны и телѣги, не разсаривать зерно по землѣ и напомнить имъ: „не ждите ничего ни съ неба, ни съ земли, а сами перестаньте губить себя?" Какъ ограниченно понятіе гр. Толстаго о безконечной и безпредѣльной добротѣ и любви Бога ко всему сотворенному Имъ? До какой нравственной слѣпоты можетъ доходить человѣкъ!

Главная христіанская цѣль жизни изъята совсѣмъ, уничтожена и выкинута; Царства Небеснаго нѣтъ, безконечнаго загробнаго существованія тоже; вся жизнь человѣка ограничена одной его земной жизнью, изъ которой онъ долженъ извлечь все свое удовлетвореніе, изъ которой онъ долженъ самъ себѣ создать свое благо и довольствоваться имъ. Ужасное безвыходное и безотрадное положеніе обѣщаетъ гр. Толстой всѣмъ желающимъ слѣдовать за нимъ.

И гр. Толстой имѣетъ еще смѣлость утверждать, что это именно такъ, и что сущность земной жизни никто не имѣетъ права представлять себѣ иначе и желаетъ убѣдить въ томъ своихъ послѣдователей, а потому съ величайшею увѣренностью утверждаетъ, что „всякое осмысливаніе личной жизни, если она не основывается на отреченіи отъ себя для служенія людямъ, человѣчеству—сыну человѣческому, есть призракъ, разлетающійся при первомъ прикосновеніи разума. Въ томъ, что моя личная жизнь погибаетъ, а жизнь всего міра по волѣ Отца не погибаетъ и что одно только слияніе съ ней даетъ мнѣ возможность спасенія, въ этомъ ужь я не могу усомниться.

Но это такъ мало въ сравненіи съ тѣми возвышенными религіозными вѣрованіями въ будущую жизнь!— Хоть мало, но вѣрно (??). Я заблудился въ снѣжную метель. Одинъ увѣряетъ меня и ему такъ кажется, что вотъ они—огоньки, вотъ и деревня, но это только кажется и ему и мнѣ, потому что намъ этого хочется, а ужь мы ходили на эти огоньки и ихъ не оказалось. А другой пошелъ по снѣгу, походилъ, вышелъ на дорогу и кричитъ намъ: „никуда не ѣздите, огоньки у васъ въ глазахъ, вездѣ заблудитесь и пропадете, а вотъ крѣпкая дорога, и я стою на ней,—она выведетъ насъ". Это очень мало. Когда мы вѣрили огонькамъ, мелькавшимъ въ нашихъ ошалѣлыхъ глазахъ, была уже вотъ-вотъ и деревня, и теплая изба, и спанье и отдыхъ, а тутъ только крѣпкая дорога. Но если послушаемся перваго,—навѣрно замерзнемъ, а если послушаемся втораго,—навѣрно выѣдемъ" (стр. 207, 208).

Надо имѣть адскую увѣренность въ свою непогрѣшимость, въ свой умъ и въ свои познанія природы и сущности живыхъ существъ, чтобы позволить себѣ выразиться съ такимъ апломбомъ, что, слѣдуя ученію Церкви, человѣкъ замерзнетъ въ сугробѣ и только выѣдетъ, если будетъ слѣдовать ученію гр. Толстаго.

Человѣкъ, дѣйствительно всей душой преданный отысканію истины, всегда относится болѣе осторожно къ своимъ выводамъ; онъ ищетъ, изслѣдуетъ, но всегда боится и остерегается ошибиться, или ввести другихъ и самого себя въ невольные обманы, ибо знаетъ все значеніе истины и того, какъ трудно она дается людямъ, онъ дорожитъ ею и, ради отысканія ее, жертвуетъ всѣми своими личными эгоистическими и страстными наклонностями, готовъ пожертвовать собой, лишь бы сколько-нибудь приблизиться къ ней. Гр. Толстой же, признавая самъ, что его трудъ не былъ методическимъ изслѣдованіемъ богословія и текстовъ Евангелія и что онъ былъ лишь мгновеннымъ продуктомъ фантазіи и его воображенія (стр. 5, 6), явившихся послѣ прочтенія предмета, ему совершенно незнакомаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ сознавая всю серьезность и существенное значеніе его и то, что онъ непосредственно касает-

ся вопросовъ сущности самой жизни людей, вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудились десятки тысячъ людей, вполнѣ преданныхъ человѣчеству и посвятившихъ всю свою жизнь высшей идеѣ добра и благочестія, глубоко изучившихъ всѣ мельчайшія детали ученія Христа, зная, что собирались вселенскіе соборы всѣхъ христіанскихъ Церквей, и изучали каждую малѣйшую іоту закона даннаго съ небеси сошедшимъ Самимъ Богомъ,—вдругъ пришелъ къ рѣшенію отмѣнить все это, попрать ногами, отвергнуть изъ-за одной праздной, переходящей фантазіи. Гдѣ-же въ этомъ поступкѣ можетъ быть усмотрѣнъ хотя задатокъ того пресловутаго разума, который признаетъ гр. Толстой не только находящимся въ человѣкѣ, но и живущимъ въ немъ? Нѣтъ! Чтобы бороться съ истиной, чтобы возставать на нее или оспаривать ее, надо быть вооруженнымъ не однимъ краснорѣчіемъ и художественными или копировальными способностями.

Четвертое заблужденіе.

Гр. Толстой говоритъ: „Іисусъ Христосъ, встрѣчаясь съ вѣрованіемъ временнаго, мѣстнаго и плотскаго воскресенія, отрицаетъ его и на мѣсто его ставитъ Свое ученіе о возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ (стр. 189).

Первая часть этихъ словъ была уже разобрана въ предыдущемъ пунктѣ, въ настоящемъ же разберемъ вторую, т.-е. постараемся себѣ выяснить, въ чемъ именно заключается „возстановленіе вѣчной жизни въ Богѣ“, слѣдуя тѣмъ взглядамъ на Евангельское ученіе, которыми руководствовался гр. Толстой, приступая къ своимъ открытіямъ въ области Евангелія.

Очень не трудно убѣдиться, что и это его „возстановленіе вѣчной жизни“ есть продуктъ чистѣйшаго непониманія Евангельскаго ученія.

Причину этого заблужденія надо искать въ томъ обстоятельствѣ, что гр. Толстой захотѣлъ самостоятельно провѣрить отношеніе, существующее между закономъ Моисея и ученіемъ Христа. Для этого онъ разбиралъ всѣ данности, имѣющіяся на этотъ счетъ какъ въ ученіи Церкви, такъ и у атеистическихъ писателей; но не будучи подготовленъ къ столь обширному труду, онъ рѣшительно не могъ

разобраться въ массѣ столь разнообразныхъ свѣдѣній самаго разнорѣчиваго содержанія, а слѣдовательно и не могъ придти къ какому-либо заключенію, ибо то, что показывали одни,—опровергали другіе и наоборотъ.

Двадцать пять страницъ (съ 68 до 93) своего сочиненія онъ посвящаетъ этому предмету, совершенно не поддающемуся его логикѣ и взглядамъ. Христосъ сказалъ: „*не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ, не нарушить пришелъ Я, но исполнить, ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все*“ (Матѳ. V. 17, 18) и гр. Толстой сперва старался помирить оба эти закона, но чувство тщеславной гордости не позволяло допустить, чтобы Самъ Богъ, сошедшій на землю для дарованія Своего закона людямъ, далъ бы такой законъ, который служилъ бы продолженіемъ закона человѣческаго, ибо онъ не могъ допустить, чтобы законъ Моисея и книги пророковъ были бы тоже даны Богомъ черезъ избранниковъ Божьихъ: „въ такомъ случаѣ, говоритъ гр. Толстой, Христосъ не представляется мнѣ пророкомъ, который открылъ мнѣ Божескій законъ, но представлялся мнѣ дополнителемъ и разъяснителемъ уже извѣстнаго несомнѣннаго закона“ (стр. 69).

Это было началомъ его сомнѣній, которыя возрастали по мѣрѣ того, какъ онъ сравнивалъ ихъ и видѣлъ ясныя для него противорѣчія между ними, которымъ не могъ найти причины, ибо совершенно не обращалъ вниманія на смыслъ или духъ обоихъ законовъ. Онъ совершенно не обращалъ вниманія на то, что Моисей давалъ свой законъ къ обязательному исполненію своимъ послѣдователямъ и предписывалъ строго и педантично придерживаться одной буквѣ закона и требовалъ внѣшнее исполненіе его. Христосъ же обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на развитіе чувствъ души и требовалъ внутренняго совершенства и яснаго и осмысленнаго пониманія своихъ дѣйствій на почвѣ Евангельскаго ученія. Такимъ образомъ гр. Толстой, обращая вниманіе единственно на букву обоихъ законовъ, требуя себѣ отъ ученія Христа точныхъ и ясныхъ указаній какъ ему жить и что дѣлать, чтобы быть христіаниномъ, не могъ и уловить истиннаго смысла ученія Христа, а слѣдовательно и той нравственной связи, которая дѣлаетъ законъ Моисея введеніемъ къ ученію Христа.

Разбирая и анализируя ученіе Христа, обращая вниманіе только на букву и на возможность сдѣлаться христіаниномъ черезъ одно внѣшнее исполненіе его, гр. Толстой старался все-таки выяснить себѣ, что же общаго между ними и почему Христосъ сказалъ, что „*Онъ не пришелъ нарушить законъ, но исполнить*".

Это удалось гр. Толстому только послѣ того, какъ онъ прибѣгъ къ своимъ собственнымъ умозаключеніямъ и выводамъ, рѣшительно не основаннымъ на ученіи Церкви или на какихъ-либо знаніяхъ Св. Писанія, но чисто на общежитейскихъ соображеніяхъ, искажающихъ положительно все ученіе Церкви. Онъ сравниваетъ Спасителя съ гражданскимъ законодателемъ, который, придя въ страну, чтобы дать новые законы, не отмѣнилъ всего стараго закона, но сохранилъ изъ него все то, что составляло въ немъ какія-то, гр. Толстымъ измышленныя, вѣчныя истины, которыя онъ и назвалъ вѣчнымъ закономъ Бога. Къ этимъ вѣчнымъ истинамъ гр. Толстой причисляетъ только два закона: законъ любви и законъ возстановленія вѣчной жизни въ Богѣ,—и ничего больше; по крайней мѣрѣ ни о какихъ другихъ вѣчныхъ истинахъ онъ не упоминаетъ.

Г. Толстой остается совершенно удовлетвореннымъ своей подобной изворотливостью ума, позволившей ему найти истину въ томъ мѣстѣ, гдѣ внесены будто-бы Церковью умышленно противорѣчія туда, гдѣ ихъ не было (стр. 87), и не подумалъ о томъ, что если Христосъ сказалъ, что Онъ *пришелъ не нарушить весь законъ, что всякая іота закона и всякая мельчайшая черта его будетъ исполнена доколѣ свѣтъ не прейдетъ*, то слѣдовательно исполнятся не только эти двѣ истины, а все рѣшительно, и что старый законъ долженъ быть принятъ въ полномъ его объемѣ, но смотрѣть и понимать его надо съ той духовной высоты нравственнаго совершенства, на которую Самъ Христосъ поставилъ вѣрующихъ въ Него.

Гр. Толстой сдѣлалъ выборъ своихъ вѣчныхъ истинъ изъ древняго закона въ высшей степени неудачно, ибо:

1) Законъ любви въ Ветхомъ Завѣтѣ весьма туманенъ и далеко не стоитъ на всей высотѣ христіанскаго о немъ ученія. Моисей давалъ положительныя правила, которыя безусловно должны были исполняемы вѣрными; обязательнымъ исполненіемъ правилъ Моисей старался отучить евреевъ отъ пороковъ, грѣховныхъ наклон-

ностей, смягчить ихъ нравы и пріучить къ болѣе мягкому обращенію другъ съ другомъ; но подобное обученіе было только первымъ шагомъ на пути нравственнаго совершенствованія и подготовляло только людей къ воспріятію болѣе глубокаго. Онъ говорилъ: не убивай, не воруй, не завидуй, и не спрашивалъ ихъ, съ какимъ внутреннимъ чувствомъ они будутъ это исполнять. Возвышенное и истинное пониманіе христіанской любви не могло быть еще доступно грубому народу. Поэтому древній законъ и ставилъ впередъ внѣшнія и обрядовыя формы; онъ говорилъ: хорошо, если ты любишь ближняго, но если ты даже не любишь его, то все таки не обижай его, не воруй, не завидуй и не убивай.

Ученіе же Спасителя имѣетъ совершенно другой смыслъ, Христосъ внушалъ любовь уже подготовленному закономъ Моисея народу. Ученіе о любви есть основа Его ученія и краеугольный камень всего нравственнаго развитія души, ставшей на почву христіанскаго ученія. Христосъ исходилъ изъ того, что тотъ, кто любитъ ближняго, не можетъ уже украсть у него что-нибудь, не можетъ завидовать или убивать; это было бы не логично, а слѣдовательно нечего и повторять и запрещать то, что само собой быть не можетъ, что само собой сдѣлалось ясно. Рѣшительно то же можно сказать о всемъ древнемъ законѣ: онъ не уничтоженъ Христомъ, но получилъ другое значеніе, другой оттѣнокъ и колоритъ для того, кто взглянетъ на него съ точки зрѣнія Христа.

2) Относительно же закона „о возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ" заблужденіе гр. Толстаго еще гораздо сильнѣе. Въ Ветхомъ Завѣтѣ совершенно не было такого закона; въ новомъ же рѣшительно нигдѣ даже и не упоминается о немъ. Нѣчто подобное или нѣсколько схожее съ возстановленіемъ вѣчной жизни въ Богѣ было обѣщано евреямъ, но оно имѣетъ въ сущности совершенно другое значеніе. Постараемся это выяснить болѣе подробно:

Гр. Толстой говоритъ: Христосъ противополагаетъ личный жизни не загробную жизнь, а жизнь общую, связанную съ жизнью настоящей, прошедшей и будущей всего человѣчества, жизнь сына человѣческаго (т. е. общаго стремленія всѣхъ людей къ ихъ земному благу, или общій всѣхъ людей разумъ). Спасеніе жизни личной отъ смерти по ученію евреевъ было исполненіемъ

воли Бога, выраженной въ законѣ Моусея по его заповѣдямъ. Только при этомъ условіи жизнь евреевъ не погибала, а переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію въ собранномъ Богомъ народѣ. Спасеніе жизни личной отъ смерти, по ученію Христа, есть то же самое исполненіе воли Бога, выраженное въ заповѣдяхъ Христа. Только при этомъ условіи по ученію Христа жизнь личная не погибаетъ, а становится вѣчною непоколебимо въ сынѣ человѣческомъ. Разница только въ томъ, что служеніе Богу Моусея было служеніе Богу одного народа, а служеніе Отцу Христа есть служеніе Богу всѣхъ людей. Продолженіе жизни въ поколѣніяхъ одного народа было сомнительно потому, что могъ исчезнуть самъ народъ, и потому еще, что продолженіе это зависѣло отъ плотскаго потомства. Продолженіе жизни по ученію Христа несомнѣнно потому, что жизнь, по Его ученію, переносится въ сына человѣческаго, живущаго по волѣ Отца“ (стр. 201, 202).

Если, разбирая эти слова гр. Толстаго, позволить себѣ коснуться частныхъ погрѣшностей, его искуснаго подмѣна слова и разныхъ второстепенныхъ ошибокъ и извращеній смысла Священнаго Писанія, то для того, чтобы выбраться изъ этого дремучаго лѣса заблужденій и хотя когда-нибудь добраться до главной коренной ошибки, пришлось бы написать цѣлые томы опроверженій, которые не принесли бы никому никакой пользы, ибо доказали бы только, что гр. Толстой самъ себѣ хорошенько не выясняетъ, что онъ именно хочетъ сказать и что именно онъ доказываетъ, и такая мысль весьма естественно не можетъ быть ясна читателю.

Дѣло въ томъ, что евреямъ было предписано Ветхимъ Завѣтомъ жить, строго исполняя законъ и заповѣди, данныя Моусеемъ, мотивируя это предписаніе почти такъ же, какъ мотивировалъ тотъ учитель, который пришелъ на тотъ, гр. Толстымъ приведенный для примѣра, дворъ, разоряемый неразумными посторонними пришельцами; онъ сказалъ имъ: живите хорошо и вамъ будетъ хорошо житься, ибо жизнь предшествующихъ поколѣній вліяетъ на условія земной жизни, а слѣдовательно и на удобства жизни будущихъ поколѣній. Но и это было сказано евреямъ не въ такомъ грубомъ, ма-

теріальномъ и атеистическомъ смыслѣ, какъ передаетъ гр. Толстой, совѣтуя не ждать помощи ни съ неба, ни съ земли, а было сказано евреямъ отъ имени Самого Бога, какъ обѣщаніе награды за ихъ послушаніе и за ихъ добрую жизнь, что должно было пріучать ихъ надѣяться на Него и искать въ Немъ помощи. Евреямъ было сказано: *исполняйте законъ и Богъ пошлетъ вашему народу удачу въ войнахъ, господство надъ другими народами, благоденствіе жизни и вообще Богъ отличитъ и возвыситъ Свой народъ.* Это было простое обѣщаніе Моисея, данное полудикому народу лишь для того, чтобы дать исходную точку мышленія и нѣкоторую цѣль ихъ жизни; и эта цѣль была грубая, матеріальная и не удалялась отъ земныхъ ихъ потребностей, совершенно такъ же, какъ и самое развитіе народа, которому была поставлена эта цѣль, было тоже грубо, матеріально, и ограничивалось однимъ познаніемъ вещественнаго міра. Но это обѣщаніе совсѣмъ не перешло въ новозавѣтное ученіе, ибо Христосъ пришелъ на землю открыть людямъ ихъ истинный смыслъ земной жизни, какъ переходной въ вѣчный загробный міръ; Онъ обѣщалъ людямъ Царство Небесное, несказанно лучше земнаго, и убѣждалъ людей всецѣло обратить вниманіе на ихъ духовное развитіе, на свой внутренній міръ, и все матеріальное, земное, грубое отодвинуто Имъ не только на второй планъ, но совершенно исключено какъ цѣль человѣческой жизни, и должно быть признано лишь какъ средство къ достиженію другой главной цѣли. И это очень понятно, естественно и намъ очень часто приходится наблюдать въ нашей жизни и исторіи; цѣль дѣятельности, какъ человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ постоянно отодвигается по мѣрѣ пріобрѣтаемаго ими развитія. Пока человѣкъ учится,—ученіе для него цѣль; какъ только онъ кончаетъ учиться,—онъ приходитъ къ убѣжденію, что не ученіе было его настоящею цѣлью; тогда ученіе отодвигается на второй планъ и для него становится ясна другая, болѣе серьезная, цѣль: примѣненіе знаній къ дѣлу и т. д. Неразвитому народу сперва говорили: учись жить хорошо, отвыкай отъ своихъ пороковъ, отъ дикихъ наклонностей и отъ преступленій; когда онъ отвыкъ отъ нихъ, получилъ навыкъ къ болѣе мягкой жизни, сошелъ Самъ Богъ съ неба, чтобы сказать имъ, что кромѣ тѣла у васъ есть душа, о которой вы должны заботиться, кромѣ земной жизни у васъ есть небесная, къ которой вы должны стремиться.

Но гр. Толстой не дошелъ до пониманія цѣли жизни, даваемой не только Спасителемъ, но и до той, которую давалъ Моисей своему дикому народу. Онъ принялъ, собственно говоря, ту цѣль жизни, которую даетъ Моисей, но понялъ ее въ иномъ, еще болѣе грубѣйшемъ, смыслѣ, а именно такъ, какъ понимали своихъ боговъ идолопоклонники; онъ воплотилъ эту цѣль и олицетворилъ ее въ своемъ воображеніи, сдѣлалъ изъ нея нѣчто дѣйствительно существующее, какое-то полусущество или полубожка, предъ которымъ онъ благоговѣетъ и придаетъ ему значеніе міровое, всеобъемлющее, и который будто бы связываетъ и объединяетъ жизнь прошедшую, настоящую и будущую, назвалъ его общей жизнью всѣхъ людей или общимъ всѣхъ людей стремленіемъ къ ихъ матеріальному благу, или общимъ всѣхъ людей разумомъ, освѣщающемъ это стремленіе. Гр. Толстой утверждаетъ, что этотъ его божокъ рожденъ отъ Бога, что никогда не можетъ быть уничтоженъ, живетъ въ людяхъ по волѣ отца, что личная жизнь людей не можетъ погибнуть и становится вѣчной и непоколебимой жизнью только тогда, когда она переселяется въ этого божка. Но что непонятнѣе всего и навсегда останется неразъясненнымъ, это—фантазія гр. Толстаго дать ему то же имя, какимъ назвалъ себя Самъ Христосъ, т. е., „сыномъ человѣческимъ“.

Подобныя олицетворенія понятій, въ сущности не имѣющія никакой логической причины быть олицетворенными, нерѣдко встрѣчаются у гр. Толстаго; такъ въ другомъ мѣстѣ онъ олицетворяетъ себѣ зло въ мірѣ, описываетъ его, а слѣдовательно представляетъ его себѣ гуляющимъ по бѣлому свѣту совершенно самостоятельно отъ людей, дѣлающихъ его; совершенно такъ же, какъ и въ этомъ случаѣ, онъ видитъ жизнь остающейся и не погибающей послѣ того, какъ самъ человѣкъ умеръ тѣломъ и личность его уничтожена. Подобныя олицетворенія можно встрѣтить только у вполнѣ неразвитыхъ народовъ, у идолопоклонниковъ, у людей дикихъ и грубыхъ, которые не могли безъ образнаго себѣ представленія удержать въ своей головѣ что-либо дѣйствительно не существующее, не имѣющее матеріальной оболочки или какой-либо реальной формы, даже такія представленія, какъ качество, мысль, стремленія. Въ данномъ случаѣ можно примѣнить чрезвычайно типичный и вполнѣ подходящій комическій анекдотъ И. Ф. Горбунова о двухъ

мужикахъ, попавшихъ въ Москву и пораженныхъ видомъ Царь-пушки. Ничто не заинтересовало одного изъ нихъ такъ сильно, какъ вопросъ о томъ, какъ дѣлаютъ такую пушку; другой однако надъ этимъ вопросомъ совершенно не задумался и отвѣтилъ своему товарищу: „совсѣмъ ты дура-голова, братецъ ты мой,—это очень просто: возмутъ дырку да чугуномъ и обольютъ".

То, надъ чѣмъ приходится задумываться человѣку развитому, иногда кажется совершенно простымъ и естественнымъ. неразвитому, но привыкшему прибѣгать къ разнымъ олицетвореніямъ и уподобленіямъ. Мужикъ нашелъ возможнымъ для себя представить дырку въ пространствѣ безъ всего, что ее окружало и ему все стало ясно; не такъ ли представилъ себѣ гр. Толстой жизнь отдѣльно отъ людей живущихъ, или зло отдѣльно отъ порочности человѣческой?

Замѣчаніе это однако касается не сущности самаго недоразумѣнія гр. Толстаго, а одной лишь его внѣшней стороны или пріема, принятаго гр. Толстымъ для изложенія своей мысли, поэтому постараемся вникнуть въ этотъ вопросъ жизни поглубже и коснуться существа его, и прежде всего спросимъ, что называетъ гр. Толстой жизнью? О какой, собственно говоря, жизни говоритъ онъ?

Церковь различаетъ въ человѣкѣ два рода жизни: жизнь тѣла и жизнь души. Жизнь тѣла есть органическій или физіологическій процессъ, который начинается при рожденіи человѣка и кончается при тѣлесной смерти его; этотъ процессъ наука сравниваетъ чрезвычайно вѣрно съ горящей свѣчей, которая съ началомъ жизни зажигается, а подъ конецъ гаснетъ безвозвратно, и то, что называлось пламенемъ у свѣчи, или жизнью у человѣка, уничтожается вполнѣ, не оставляя послѣ себя ровно ничего. Жизнь души безконечна и не можетъ прекратиться никогда, ни при какихъ условіяхъ. Душа человѣка обладаетъ всѣми тѣми способностями, которыя видимо проявляются у живаго тѣла; всю дѣятельную роль въ существѣ человѣка играетъ душа, тѣло же есть не болѣе какъ автоматъ, приводимый въ дѣйствіе душой. Тѣло само по себѣ не въ состояніи выказывать ничего разумнаго, ничего цѣлесообразнаго, ибо когда душа покидаетъ его, оно превращается въ трупъ.

Желая быть на почвѣ христіанскаго ученія, гр. Толстой повидимому могъ бы говорить только объ одной изъ этихъ двухъ жизней, ибо никакой третьей Церковь въ человѣкѣ не признаетъ;

слѣдовательно, мы считаемъ себя вправѣ спросить: о какой же изъ этихъ двухъ жизней говоритъ онъ? Ясно, что ни объ одной изъ нихъ. Онъ совершенно не знаетъ ученія Церкви на этотъ предметъ, но имѣетъ смѣлость съ апломбомъ и съ увѣренностью постоянно ссылаться на ученіе Христа, какъ будто находитъ въ немъ доказательство своихъ словъ.

Очевидно, что гр. Толстой не можетъ говорить о безсмертной жизни души, ибо уже было выяснено, что: 1) загробной жизни онъ допустить не хочетъ и говоритъ, что послѣ смерти души сливаются съ Богомъ и перестаютъ быть личностями; 2) онъ считаетъ душу, какъ всѣ матеріалисты, не болѣе какъ совокупностью всѣхъ отправленій мозга. О жизни тѣла онъ тоже не говоритъ, это тоже ясно, ибо въ этомъ случаѣ онъ не могъ бы сказать, что: „спасеніе жизни личной отъ смерти по ученію евреевъ и т. д.“, ибо ни отъ какой смерти онъ тѣло спасти или избавить не можетъ, и какъ бы ни жилъ человѣкъ на землѣ — дурно ли, хорошо ли, но тѣлесно онъ умереть все-таки долженъ; сдѣдовательно онъ говоритъ о какой-то третьей жизни, которая переходила бы изъ поколѣнія въ поколѣніе, т. е. о такой личной жизни, которая послѣ смерти человѣка не прекращалась бы, а, отдѣляясь отъ него, продолжала бы жить безъ тѣла въ поколѣніи; но что же это за жизнь? Такого огня, который продолжалъ бы горѣть безъ свѣчи, въ природѣ нѣтъ; такой жизни, которая продолжала бы существовать послѣ того, какъ человѣкъ умеръ,—тоже; слѣдовательно ясно, что гр. Толстой употребляетъ слова не въ прямомъ ихъ смыслѣ, а въ переносномъ, или въ какой-нибудь другой фигурной формѣ. Ясно, что говоря слово „жизнь“, онъ не понимаетъ ее въ такомъ смыслѣ, въ какомъ все образованное человѣчество привыкло называть и какъ называетъ ее и Церковь; это не тотъ жизненный процессъ, который оживляетъ безжизненную матерію и дѣлаетъ то отличіе, вслѣдствіе котораго такъ рѣзко выдѣляется органическое царство отъ неорганическаго и отъ особей мертвыхъ.

И дѣйствительно, гр. Толстой говоритъ совершенно о другомъ: евреямъ было дано обѣщаніе, что за строгое исполненіе закона Божія Богъ даруетъ потомству всякія блага жизни, преимущественно ихъ народу и т. д. Гр. Толстой возводитъ это обѣщаніе во всеобщій естественный и физическій законъ, увлекается имъ и, начиная говорить метафорами, употребляетъ для большей картин-

ности слово жизнь, когда онъ совершенно не говоритъ о жизни, принимаетъ эту метафору за нѣчто дѣйствительно существующее, за какое-то живое существо, когда это только продуктъ увлеченія, называетъ ее жизнью личной, жизнью общей и, наконецъ, сыномъ человѣческимъ.

Въ сущности же это должно быть понято слѣдующимъ образомъ: послѣ тѣлесной смерти человѣка никакой жизни остаться не можетъ; съ прекращеніемъ жизненнаго процесса, душа человѣка покидаетъ тѣло окончательно и переселяется въ міръ загробный для дальнѣйшаго своего существованія отдѣльно отъ покинутаго тѣла и вообще совершенно независимо отъ всего земнаго. Жизнь тѣла прекращается такъ же, не оставляя за собой ничего такого, что могло бы быть названо жизнью; но единственно, что остается, это *результатъ жизни человѣка*, или, точнѣе сказать, не жизни, но *результатъ дѣятельности человѣка и его поступковъ*. Человѣкъ ученый двигалъ свою науку и обогащалъ міръ новыми познаніями; правитель страны, управляя ею, мудро способствовалъ развитію наукъ, искусствъ, нравственности, смирялъ строптивыхъ и поощрялъ добрыхъ; учитель обучалъ и приготовлялъ будущихъ гражданъ, долженствующихъ приносить пользу людямъ; мать черезъ правильный уходъ и первоначальное воспитаніе своихъ дѣтей подготовляла здоровыхъ, крѣпкихъ и нравственныхъ дѣятелей и т. д. Чѣмъ лучше каждый изъ нихъ работалъ надъ выполненіемъ задачи жизни, тѣмъ лучше и процвѣтала страна, тѣмъ лучше было жить слѣдующему поколѣнію. Вотъ настоящій смыслъ той жизни, о которой говоритъ гр. Толстой. Чтобы выразить такую простую, давно извѣстную и всѣмъ понятную вещь, совершенно не нужны были такія запутанности и выдумываніе новаго значенія слову „сынъ человѣческій“, когда все это имѣетъ уже давно свое названіе: его личная жизнь есть результатъ дѣятельности человѣка, а его жизнь общая или его сынъ человѣческій издавна назывался *міровымъ прогрессомъ*, и при этихъ названіяхъ все становится ясно и понятно.

Гр. Толстой, не понявъ смысла Евангельскаго ученія, сталъ играть словами, употребляемыми въ немъ, ввелъ фигурные обороты рѣчи, перифразы, метафоры, занялся подмѣномъ словъ и самъ спутался окончательно. Когда темы, о которыхъ говорятъ, серьезны, нельзя фигурными и хитросплетенными оборотами рѣчи

затемнять самого смысла; они пригодны только въ легкихъ формахъ литературныхъ произведеній, гдѣ смыслъ такъ пустъ и простъ, что небольшая запутанность, при общей очевидности, придаетъ интересъ и игривость; къ этимъ именно формамъ и привыкъ гр. Толстой и думалъ здѣсь имѣть тотъ же успѣхъ, но, очевидно, ошибся.

Если читающій его сочиненіе перемѣнитъ вездѣ слово, „личная жизнь“ на *„результатъ дѣятельности человѣка“*, а слово „сынъ человѣческій“ на *„міровой прогрессъ“*, то уже одно это откроетъ глаза, и ему представятся рѣзкіе абсурды, до которыхъ дошелъ въ этомъ случаѣ гр Толстой.

Послѣ всего вышесказаннаго должно совершенно опредѣленно заключить, что Христосъ никогда о „возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ“ не говорилъ и что все это должно совершенно опредѣленно быть отнесено къ числу очень смѣлыхъ выдумокъ гр. Толстаго.

Пятое заблужденіе.

На этомъ пятомъ заблужденіи гр. Толстаго не будемъ долго останавливаться, несмотря на то, что оно очень серьезно и капитально, но оно является логическимъ слѣдствіемъ его предыдущихъ и уже разобранныхъ нами заблужденій.

Гр. Толстой находитъ, что, по смыслу Евангельскаго ученія, Христосъ пришелъ на землю, чтобы устроить на землѣ Царство Небесное. Эта странная идея должна была естественно вытекать изъ того, что онъ отрицаетъ загробное существованіе душъ. Если нѣтъ загробнаго существованія, то гдѣ же, какъ не на землѣ, могъ Христосъ устраивать Царство Небесное? Подобный выводъ кажется гр. Толстому вполнѣ логичнымъ; и ему даже не приходило въ голову спросить: почему же оно называется небеснымъ, если оно на землѣ?

Гр. Толстой говоритъ: „Теперь же ученіе Христа, какъ оно представилось мнѣ, имѣло еще и другое значеніе, и установленіе Царства Бога на землѣ зависѣло отъ насъ. Исполненіе ученія Христа установляло это Царство Божіе. Царство Бога на землѣ есть миръ всѣхъ людей между собою. Миръ между людьми есть высшее, доступное на землѣ, благо лю-

дей. Такъ представлялось Царство Бога всѣмъ пророкамъ еврейскимъ. И такъ оно представлялось и представляется всякому сердцу человѣческому. Всѣ пророчества обѣщаютъ миръ людямъ. Все ученіе Христа состоитъ въ томъ, чтобы дать Царство Бога—миръ людямъ" (стр. 144), и ссылается на слова Христа, высказанныя у Евангелиста Іоанна—глава XIV, стихъ 27.

Въ этихъ словахъ заблужденія гр. Толстаго очевидны и потому остановимся на болѣе крупныхъ:

1) Гр. Толстой не имѣетъ никакого права говорить, что установленіе Царства Бога на землѣ зависитъ отъ насъ, когда въ Евангеліи совершенно опредѣленно сказано: *„Царство Божіе внутри васъ"* (Лук. XVII. 21), а не отъ васъ,—это далеко не все равно; говоря *„внутри васъ"*, Христосъ говоритъ, что Царство Божіе есть духовное Царство, внутреннее, въ каждомъ вѣрующемъ заключающееся, а не внѣшнее, не земное, не чувственное и рѣшительно не подобное царствамъ мірскимъ, о которыхъ именно и говоритъ гр. Толстой.

Эта замѣна словъ *„внутри"* на „отъ" сдѣлана совершенно умышленно для приданія жизни человѣческой того пассивнаго характера, который онъ проводитъ во всѣхъ взглядахъ на жизнь людей и на отношенія ихъ къ окружающимъ условіямъ жизни. Онъ хочетъ сказать, что жизнь людей зависитъ единственно отъ ихъ поведенія, отъ ихъ дѣятельности, чѣмъ ясно устраняетъ предвѣчный Промыслъ Божій.

2) Далѣе, гр. Толстой говоритъ, что „Царство Бога на землѣ—есть миръ людей", и ссылается, что будто-бы то же самое говорили всѣ пророки еврейскіе и такъ представляется оно всякому сердцу человѣческому; послѣ чего приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ совершенно непонятыя имъ слова Спасителя. На это надо замѣтить: 1) что сердце человѣческое подвержено многимъ заблужденіямъ, а потому странно и ссылаться на него, имѣя передъ собой слова Самого Христа; 2) не еврейскихъ, какъ выражается гр. Толстой, но ветхозавѣтныхъ пророковъ, надо думать, что гр. Толстой понялъ нисколько не лучше, чѣмъ ученіе Евангельское; во всякомъ случаѣ онъ не даетъ ни малѣйшихъ указаній, гдѣ именно нашелъ онъ это, и кто именно изъ пророковъ проповѣдывалъ согласіе между людьми, какъ

Царство Бога на землѣ; въ этомъ случаѣ гр. Толстой совершенно голословенъ и бездоказателенъ.

3) Ссылка его на слова Христа тоже не вѣрна, она не подтверждаетъ его мысли, и самый смыслъ этихъ словъ совершенно не понятенъ. Онъ приводитъ слова Христа, обращенныя совершенно не ко всему міру, не ко всѣмъ людямъ, но единственно къ ученикамъ Своимъ, а черезъ нихъ только ко всѣмъ вѣрующимъ. Прощаясь съ ними послѣ вечери и намѣреваясь оставить пасхальную горницу, Онъ сказалъ: „*Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ міръ даетъ, Я даю вамъ: да не смущается сердце ваше и да не устрашается*“ (Іоан. XIV. 27).

Нѣтъ никакой возможности понять эти слова Христа, какъ будто ими учреждаетъ Христосъ согласіе между людьми. Слово миръ должно понимать въ смыслѣ внутренняго умиротворенія возмущеннаго, смущеннаго и неспокойнаго духа, потому и говоритъ Онъ дальше: „*да не смущается сердце ваше*“.

Господь желалъ-бы при отшествіи Своемъ оставить учениковъ Своихъ совершенно успокоенными, умиротворенными; Онъ какъ-бы говоритъ: Вѣра ваша еще не на столько тверда, чтобы сама собой умиротворила васъ. *Я даю тотъ миръ душѣ вашей, который наполняетъ Мою душу; въ виду близкой смерти Моей, по вашей вѣрѣ въ Меня, Мой миръ перейдетъ въ васъ.*

Еще яснѣе говоритъ Христосъ почти то же самое въ другомъ мѣстѣ Евангелія, а именно: „*Сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли во Мнѣ миръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ*“ (Іоан. XVI. 33). Миръ—миръ души своей и внутреннее спокойствіе духа всякій вѣрующій почерпнетъ только въ Христѣ, въ единеніи или въ общеніи съ Нимъ. Въ мірѣ же, сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ, когда будете продолжать начатое Мною дѣло,—*будете имѣть одну скорбь, но мужайтесь, не падайте духомъ, будьте крѣпки и увѣрены, что Я побѣдилъ міръ, что все подвластно Мнѣ, а Я не брошу васъ.*

Эти слова Христа никакъ не могутъ быть поняты въ смыслѣ согласія между всѣми людьми, какъ слѣдствіе ученія Христа. Напротивъ, Спаситель, зная всю злую, страстную и грѣшную природу человѣка, предвидѣлъ совершенно обратное явленіе, чѣмъ то, о которомъ говоритъ гр. Толстой, желая опираться на слова Христа. Его Святая предусмотрительность предвидѣла борьбу, смуты, войны

и вообще несогласіе между людьми, имѣющее свою причину въ рѣзкомъ различіи идей и религіозныхъ воззрѣній между малоразвитымъ еще народомъ. Принятіе христіанства одними должно было возбудить негодованіе и ненависть къ нимъ непринявшихъ и усиленныя несогласія между ними, т.-е. дѣйствія совершенно противоположныя тѣмъ, о которыхъ говоритъ гр. Толстой. Христосъ сказалъ: „*Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ. Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку домашніе его*“ (Матѳ. X. 34—36). *Огонь пришелъ Я низвесть на землю: и какъ желалъ бы, чтобы онъ возгорѣлся! Крещеніемъ долженъ Я креститься; и какъ Я томлюсь, пока сіе совершится! Думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына, и сынъ противъ отца; мать противъ дочери, и дочь противъ матери; свекровь противъ невѣстки своей, и невѣстка противъ свекрови своей*“ (Лука XII. 49—53).

Несомнѣнно, что этими словами Христосъ не хочетъ сказать, что всѣ эти ужасы, предвѣщаемые Имъ, суть цѣль Его пришествія на землю, ибо *Самъ Онъ есть миръ нашъ* (Ефес. II. 14—16); но Онъ предвидитъ, что именно такое дѣйствіе произведетъ Его ученіе среди злаго и несовершеннаго человѣчества; что Его Святое ученіе вмѣсто того, чтобы умиротворить человѣчество,—заставитъ сначала разыграться въ нихъ страстямъ и злобѣ между собой, какъ необходимое слѣдствіе раздѣленія своихъ мнѣній и вѣрованій. Христосъ желаетъ, чтобы всѣ люди были единомысленны, согласны, и исполнены любви другъ къ другу и благочестія, но вмѣстѣ съ тѣмъ предвидитъ всю невозможность этого.

Такимъ образомъ ученіе Христа даетъ миръ не всей землѣ, говоря въ томъ обширномъ смыслѣ, какъ того желаетъ гр. Толстой, не общій видимый миръ между всѣми людьми; но оно вноситъ миръ въ сердце каждаго вѣрующаго и даетъ ему внутреннее душевное умиротвореніе, неспокойнаго отъ недостатка вѣры, ихъ духа; ученіе Христа даетъ въ жизненной борьбѣ силу и увѣренность слѣдовать истиннымъ путемъ спасенія, которое не можетъ не довести человѣка до Царства Небеснаго,находящагося не на землѣ, но на небѣ у Бога.

Шестое заблужденіе.

Гр. Толстой утверждаетъ, что Іисусъ Христосъ приказываетъ Своимъ ученикамъ быть нищими и бродягами, и будто бы безъ этого невозможно достигнуть Царства Небеснаго. Онъ говоритъ: „Быть бѣднымъ, быть нищимъ, быть бродягой, это то самое, безъ чего нельзя войти въ Царство Бога, безъ чего нельзя быть счастливымъ здѣсь на землѣ“ (стр. 266). Въ подтвержденіе этого, совершенно фальшиваго, мнѣнія, основываемаго имъ будто бы на точномъ смыслѣ Евангельскаго ученія, онъ приводитъ два доказательства, а именно: первое изъ нихъ не касается существа самой мысли, но выясняетъ лишь значеніе слова нищій, переведеннаго будто бы неправильно съ греческаго текста; онъ находитъ, что слово нищій не очерчиваетъ достаточно ясно и опредѣленно мысль Христа, и что слово „бродяга“ болѣе подходитъ. Надо быть особенно осторожнымъ и и необыкновенно компетентнымъ, чтобы позволять себѣ дѣлать поправки перевода Св. Евангелія; это непосильный одному человѣку трудъ, ибо, кромѣ самаго глубокаго знанія смысла Евангельскаго ученія, нужно быть хорошимъ и тонкимъ лингвистомъ,—качества, рѣдко совмѣщающіяся въ одномъ человѣкѣ въ требуемой степени. Но въ данномъ случаѣ мы спросимъ гр. Толстаго: изъ какого именно мѣста Евангелія почерпнулъ онъ слово „нищій“, переводъ котораго онъ исправляетъ на слово „бродяга“? Онъ этого не указываетъ и не дѣлаетъ ни малѣйшей ссылки, по которой можно бы было провѣрить его. Изъ подобія словъ надо думать, что это слово онъ заимствовалъ изъ начала нагорной проповѣди и тѣхъ словъ Спасителя, которыми Онъ обѣщаетъ Царство Небесное нищимъ духомъ, называя ихъ блаженными; „*Блаженны нищіе духомъ*“, сказалъ Онъ, „*ибо ихъ есть Царство Небесное*“ (Мато. V. 3). Другаго мѣста отыскать нельзя, его нѣтъ, ссылаться же гр. Толстому на эти слова Христа должно быть прямо совѣстно, такъ какъ всякій ребенокъ знаетъ, что можно быть нищимъ духомъ и въ то же время очень богатымъ человѣкомъ; поэтому понятно, отчего онъ не помѣстилъ ссылку на Евангеліе, ибо тогда могли бы догадаться люди совершенно уже незнакомые съ Евангеліемъ и спросить: какое же отношеніе между матеріальнымъ благосостояніемъ и духовной нищетой?

Второе, приводимое гр. Толстымъ, доказательство касается существа его мысли, онъ говоритъ: „но никто не будетъ кормить тебя и ты умрешь съ голоду“—говорятъ на это. На возраженіе о томъ, что человѣкъ, живя по ученію Христа, умретъ съ голоду, Христосъ отвѣтилъ однимъ короткимъ изрѣченіемъ. Онъ сказалъ: „Не берите ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха, ибо трудящійся достоинъ пропитанія“ (Матѳ. XVI. 10). Или: „Въ домѣ же томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, ибо трудящійся достоинъ награды за труды свои“ (Матѳ. X. 7) (стр. 266, 267).

Эти два мѣста Евангелія не могутъ быть приняты за доказательства того, что будто бы Христосъ требуетъ отъ Своихъ учениковъ бродяжничества,—это заключеніе совершенно неправильно. Эти слова относились только къ тѣмъ ученикамъ, которыхъ Онъ посылалъ проповѣдывать слово Божіе во время Своей земной жизни. Онъ даже не распространилъ этого приказанія на образъ дѣйствій учениковъ, послѣ Своего воскресенія, ибо сказалъ имъ: „*Когда Я посылалъ васъ безъ мѣшка, и безъ сумы, и безъ обуви, имѣли ли вы въ чемъ недостатокъ? Они отвѣчали: ни въ чемъ. Тогда Онъ сказалъ имъ: но теперь кто имѣетъ мѣшокъ, тотъ возьми его, также и суму; а у кого нѣтъ, продай одежду свою и купи мечъ. Ибо сказываю вамъ, что должно исполниться на Мнѣ и сему написанному: и къ злодѣямъ причтенъ. Ибо то, что о Мнѣ, приходитъ къ концу*“ (*Исаіи LIII. 12*), (Лука XXII. 35—37).

Такимъ образомъ мнѣніе гр. Толстаго, что Христосъ требуетъ бродяжничества отъ Своихъ учениковъ для возможности наслѣдовать Царство Небесное, должно считаться ничѣмъ имъ не доказаннымъ, и совершенно несогласнымъ съ ученіемъ Христа.

Но, кромѣ того, какую связь находитъ гр. Толстой между бродяжничествомъ и работой? Желая доказать, что Христосъ требуетъ отъ Своихъ учениковъ быть бродягами, онъ доказываетъ, что трудящійся достоинъ пропитанія? Слова—неимущій, нищій, и бродяга совершенно не оставляютъ впечатлѣнія трудоваго народа, а напротивъ того, они совершенно исключаютъ изъ себя всякое понятіе о трудѣ; рабочій людъ называется: рабочими, поденщиками, батраками, мастеровыми и т. д.; при словахъ же неимущій, нищій или бродяга, всякій рисуетъ себѣ человѣка не трудоваго—по лѣности

ли его, по его порочности ли, по привычкѣ-ли къ бездѣйствію, по малосилію-ли, или по наклонности шататься съ мѣста на мѣсто,— это рѣшительно все равно, но во всякомъ случаѣ не трудящагося или не могущаго трудиться.

Рабочій можетъ проживать свои заработки, можетъ отказываться отъ нихъ, или отдавать ихъ какому-нибудь богатому, какъ того требуетъ гр. Толстой (стр. 268, 269), но отъ этого онъ все же не станетъ бродягою или нищимъ, — онъ останется рабочимъ по названію. Гр. Толстой имѣетъ меньше всего право называть своихъ послѣдователей нищими и бродягами, ибо, идеализируя трудовыхъ людей, онъ предписываетъ имъ сносить и отдавать всѣ свои заработки богатымъ. Что же это за нищіе или бродяги, которые сами содержатъ богатыхъ? и совершенно странная съ его стороны фантазія называть такихъ людей нищими и бродягами.

Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ заблужденіе гр. Толстаго сугубо, ибо кромѣ того, что онъ совершенно не понялъ ученіе Христа,— онъ небрежно отнесся къ значенію тѣхъ словъ, на которыхъ возводитъ свою систему: желая доказать, что Христосъ требуетъ отъ вѣрующихъ въ Него бродяжничества, онъ говоритъ, что Христосъ требовалъ трудовой жизни; не доказавъ ни того, ни другаго, онъ считаетъ вопросъ оконченнымъ.

Ни единымъ словомъ Своего ученія Христосъ не отрицаетъ личную самозаботливость человѣка; Онъ никогда не выражалъ того мнѣнія, что человѣкъ не долженъ любить себя, не долженъ искать своего собственнаго счастья и блага. Онъ сказалъ: „*Кто хочетъ идти за Мной*“, *т. е. быть Моимъ истиннымъ ученикомъ и послѣдователемъ*,—„*отвернись себя*“ (Матѳ. XVI. 24). Но и эти слова не должны возбуждать въ вѣрующихъ никакихъ недоумѣній. Христосъ сказалъ тоже: „*Люби Бога больше всего и ближняго твоего, какъ самого себя*“; слѣдовательно Онъ находитъ сколько естественнымъ, столько же и нравственно законнымъ чувствомъ въ человѣкѣ любовь его къ самому себѣ, но только мѣра этой любви къ себѣ поставляется въ извѣстныя границы. Исключительная любовь къ себѣ, обособляющая человѣка отъ другихъ людей и отъ Самаго Бога—вотъ что осуждается и отвергается Евангельскимъ закономъ нашей жизни, а не любовь къ себѣ вообще, безъ которой личное существованіе даже не мыслимо. Намъ безъ дальнѣйшихъ разъясненій понятно, что самолюбіе или эгоизмъ — чувство

вовсе не тождественное съ естественною любовью къ себѣ, а крайне съуживающее и извращающее это чувство. Между тѣмъ эгоизмъ получилъ такую силу въ поврежденной природѣ нашей, что сдѣлался господствующимъ началомъ жизни и дѣятельности не возрожденнаго духовнаго человѣка. Противъ этого-то начала и дается намъ заповѣдь о самоотверженіи. Отвергнись себя—это значитъ: отвергни свое самолюбіе, не угождай своимъ страстямъ, не ищи только того, что тебѣ выгодно и пріятно, а слѣдуй волѣ Божіей и не отдѣляй своего блага отъ блага другихъ, съ которыми имѣешь одного Отца Небеснаго и одного Христа Спасителя, объединяющаго всѣхъ Своею любовью и благодатію. Самоугожденіемъ ты только губишь себя самого, а самоотверженіемъ спасаешь себя. Въ этомъ смыслѣ Господь и говорилъ: „*Любящій душу свою потеряетъ ее; а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную*“ (Іоан. XII. 25). (Очерки нрав. учен. Ѳаворова). Апостолъ Павелъ говоритъ: „*Никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь Церковь; потому что мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его*“ (Еф. V. 29, 30).

Седьмое заблужденіе.

Графъ Толстой увѣряетъ, что по ученію Христа высшее благо и высшее счастье, данное Богомъ человѣку—это трудъ. Поэтому будто бы за свой трудъ человѣкъ никогда не имѣетъ права требовать вознагражденія, а, напротивъ, онъ долженъ своимъ рвеніемъ къ труду и всякими другими средствами стараться возвратить то, что ему дано; такимъ образомъ, по его мнѣнію, человѣкъ долженъ самъ платить за то, что получилъ отъ кого-нибудь возможность трудиться.

Онъ говоритъ: „если человѣкъ заявляетъ права на свою жизнь, считается съ началомъ всего, съ тѣмъ, что дало ему жизнь, то этимъ онъ только показываетъ, что онъ не понимаетъ смысла жизни. Люди, получивъ счастье, требуютъ еще чего-то? Люди эти стояли на базарѣ праздные и несчастные—не жили. Хозяинъ взялъ ихъ и далъ имъ высшее счастье въ жизни—трудъ. Они приняли милость хозяина и потомъ стали недовольны. Они недовольны потому, что у нихъ

нѣтъ яснаго сознанія своего положенія. Они пришли на работу съ своимъ ложнымъ ученіемъ о томъ, что они имѣютъ право на свою жизнь и на свой трудъ и что поэтому трудъ ихъ долженъ быть вознагражденъ. Они не понимаютъ того, что этотъ трудъ есть самое высшее благо, которое дано имъ и за которое имъ надо только стараться возвратить такое же благо, а нельзя требовать вознагражденія" (стр. 222, 223).

Видѣть въ трудѣ истинное счастье и единственное благо, дарованное Богомъ человѣку, можетъ только человѣкъ, пресыщенный всѣми радостями жизни и абсолютно не знающій всей тяжести труда,—труда обязательнаго, нелюбимаго, давно опротивѣвшаго, но составляющаго единственный способъ добычи насущнаго хлѣба себѣ и голодающему семейству. Потрудиться для моціона часа два послѣ сытаго завтрака, для возбужденія обѣденнаго аппетита—дѣйствительно пріятно и полезно для здоровья, но не это называется трудомъ, и всякій, кто дѣйствительно знаетъ, что такое трудъ, тотъ вѣроятно съ гр. Толстымъ не согласится, ибо знаетъ, что не одинъ трудъ труденъ, но и всѣ условія, сопряженныя съ нимъ, трудны всѣ аттрибуты труда и цѣль труда.

То, что для одного можетъ быть забавой или развлеченіемъ, то для другаго можетъ быть трудомъ и наоборотъ. Не количество усилія или движенія должно быть названо трудомъ и считаться тягостнымъ, но конечная цѣль труда и причины, вызвавшія необходимость труда. Напримѣръ: обратите вниманіе, сколько усилій и движенія расходуется танцующими на балахъ и никто это трудомъ не назоветъ,—это удовольствіе, а для лакея, который тутъ же между танцующими разноситъ угощеніе и для этого дѣлаетъ гораздо менѣе усилій и движенія, чѣмъ сами танцующіе — это трудъ; или: баринъ, выѣхавшій покататься въ шарабанѣ и самъ правящій лошадью, только отдыхаетъ отъ своихъ трудовъ, а кучеръ, который сидитъ рядомъ съ нимъ, сложа руки,—трудится; или: богатый баринъ, зараженный гуманностью, отправляется послѣ сытнаго обѣда на деревню и кладетъ печку въ хатѣ мужика,—для него это послѣобѣденный моціонъ и удовольствіе, а тотъ мужикъ въ хатѣ, которому онъ кладетъ эту печь, черезъ то оторванный отъ своей обычной работы, не можетъ ничѣмъ дѣльнымъ

заняться, а вслѣдствіе этого теряетъ безполезно свое время, — прислуживаетъ этому барину, или просто смотритъ на его неумѣлую работу,—тотъ трудится.

Не всегда трудъ производителенъ, однако же все это не мѣшаетъ ему называться трудомъ, а не забавой, если только этотъ трудъ нуженъ человѣку для удовлетворенія его потребностей; гдѣ нѣтъ потребностей, тамъ и цѣль труда исчезаетъ, будь онъ физическій или умственный. Поэтому трудъ надо разбирать всегда со стороны потребности, ибо онъ есть только средство къ достиженію чего-нибудь. Вотъ именно этого гр. Толстой и знать не хочетъ и никогда не вникаетъ въ то, для чего человѣкъ трудится; онъ требуетъ труда для самаго труда, признаетъ этотъ трудъ за самую цѣль человѣческой жизни и говоритъ, что требуетъ это на основаніи словъ Христа. Постараемся провѣрить его доказательства, на основаніи которыхъ онъ позволяетъ себѣ съ такой убѣдительностью говорить, что почерпнулъ это мнѣніе въ словахъ Христа.

Въ доказательство своего мнѣнія онъ приводитъ только одно мѣсто Евангелія, которое было уже выше приведено, а именно тѣ слова Христа, съ которыми Онъ обращается къ тѣмъ ученикамъ, которые должны были пуститься въ путь для проповѣдыванія слова Божія; Онъ сказалъ имъ: „*трудящійся достоинъ пропитанія*“ (Матѳ. X. 10).

Есть ли хотя какая-нибудь возможность изъ этихъ словъ Христа вывести, что Христосъ полагалъ трудъ за высшее благо и высшее счастье, данное Богомъ человѣку?

Потрудился бы гр. Толстой вникнуть въ то, что Христосъ говоритъ дальше: „*А если кто не приметъ васъ, и не послушаетъ словъ вашихъ, то, выходя изъ дому того, или изъ города того, отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ; вотъ Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ: и такъ будьте мудры какъ зміи и просты какъ голуби*“ (Матѳ. X. 14, 16). Положеніе ли овецъ среди волковъ считаетъ гр. Толстой высшимъ счастьемъ, ибо въ сущности почти всѣ трудящіеся изъ-за куска насущнаго хлѣба, среди всѣхъ притѣсняющихъ, или могущихъ ихъ притѣснять, не лучше овецъ, окруженныхъ волками.

И такъ это мнѣніе гр. Толстаго должно быть также признано фантазіей, не имѣющей ни малѣйшей опоры въ ученіи Евангелія.

Сводъ всѣхъ этихъ заблужденій.

На этомъ можно окончить перечисленіе заблужденій гр. Толстаго въ пониманіи имъ смысла слова Евангелія, но далеко не потому, чтобы ихъ больше не было; ихъ еще осталось очень много, не разобранными, но менѣе важныхъ. Можно положительно сказать, безъ всякой утрировки, что все это сочиненіе и всякое слово его есть одно сплошное совершенно непозволительное извращеніе ученія Евангельскаго. Мы считаемъ, что можно закончить перечисленіе заблужденій графа Толстаго, потому что и этихъ однихъ больше чѣмъ достаточно для того, чтобы придти къ здравому и безошибочному убѣжденію, что Евангеліе имъ искажено до высшей степени, что допуская тѣ извращенія, которыя допускаетъ гр. Толстой, нѣтъ положительно возможности возстановить истину, или провести хотя одну какую-нибудь мысль, одно какое-нибудь предположеніе въ истинномъ духѣ Евангельскаго ученія.

И въ самомъ дѣлѣ, пусть всякій желающій убѣдиться въ этомъ, возьметъ Евангеліе и, читая его, подставляетъ тѣ понятія, которыя проводитъ гр. Толстой, и онъ увидитъ, на сколько существенны извращенія графа Толстаго, на сколько каждый пунктъ его заблужденій рѣзко вліяетъ ва коренной смыслъ и исключаетъ возможность всякаго правильнаго пониманія его; и если онъ человѣкъ мало-мальски вѣрующій, знающій Евангеліе, или, по крайней мѣрѣ, читавшій его со вниманіемъ нѣсколько разъ, онъ положительно придетъ въ негодованіе, въ ужасъ отъ этихъ подмѣнъ; онъ будетъ обиженъ и оскорбленъ до глубины сердца за подобное варварское извращеніе Священнаго ученія, даннаго людямъ Самимъ Богомъ. Повторимъ всѣ его заблужденія вкратцѣ:

1) Слова—„Сынъ человѣческій“ или „Сынъ Божій“ значатъ міровой прегрессъ. Вездѣ, гдѣ употребляются въ Евангеліи эти слова, можно, по мнѣнію гр. Толстаго, ихъ зачеркнуть и сверху написать „міровой прогрессъ“.

2) Слово „жизнь“, употребляемое въ Евангеліи, не должно, по мнѣнію гр. Толстаго, обозначать жизнь, но результатъ дѣятельности человѣка на землѣ, т.-е. вклады полезности, которые далъ человѣкъ въ общій міровой прогрессъ.

3) Слово „жизнь вѣчная“, или, какъ гр. Толстой ее называетъ,

жизнь общая всѣхъ людей, есть то же самое, что Сынъ человѣческій, или тоже міровой прогрессъ.

4) Слово „жизнь истинная“ есть жизнь, согласная съ указаніями разума человѣческаго, та, которая дѣлаетъ большее число вкладовъ въ сына человѣческаго или въ міровой прогрессъ.

5) Слово „свѣтъ истины“ есть свѣтъ нашего разума, живущаго въ насъ.

6) Слово „истина“—синонимъ разума человѣка.

7) Выраженіе „вознесеніе Сына человѣческаго“ должно обозначать приказаніе Христа „возвышать выше всего міровой прогрессъ“.

8) Выраженіе „Сынъ человѣческій, послѣ того какъ Его убьютъ, воскреснетъ въ третій день“—значитъ что міровой прогрессъ нельзя уничтожить.

9) Что Христосъ сошелъ съ неба возстановить Царство Небесное, или Царство Божіе, на землѣ, а не на небѣ.

10) Что воскресенья за гробомъ никакого нѣтъ, а люди послѣ смерти сливаются съ Богомъ и уничтожаются, а живымъ остается одна память о нихъ.

11) Что Іисусъ Христосъ пришелъ на землю только для того, чтобы сказать людямъ, чтобъ они не ждали ничего ни съ неба, ни съ земли, но перестали губить себя.

12) Что трудъ есть высшее благо, единственное и высшее счастье, данное Богомъ человѣку.

13) Что Христосъ не училъ любить другъ другъ, но что это заповѣдь древнихъ.

14) Что „вѣра“ не имѣетъ своимъ началомъ довѣріе, но что она есть разумное сознаніе того, что лучше дѣлать, находясь въ извѣстномъ положеніи.

15) Въ человѣкѣ нѣтъ ни свободной воли, ни совѣсти, ни духовныхъ и нравственныхъ чувствъ, ни души,—одинъ въ немъ дѣятель—это разумъ.

16) Что тотъ, кто вѣритъ въ воскресенье и въ вѣчную загробную жизнь, сдѣлаетъ лучше, если откажется отъ этого и послѣдуетъ мнѣнію гр. Толстаго, ибо онъ одинъ понялъ ученіе Христа. Церковь обѣщаетъ ему много, но это все не вѣрно, гр. Толстой же обѣщаетъ хотя мало, за то вѣрно.

Продолженіе открытій.

И такъ, вотъ съ какими отступленіями понималъ гр. Толстой Евангельское ученіе, приступая къ тѣмъ открытіямъ, которыя ему удалось сдѣлать въ области его. Теперь дѣлается понятнымъ, отчего онъ говоритъ, что сидя передъ этой таинственной книгой, онъ ничего не понималъ въ ней, а то, что казалось ему понятнымъ, то онъ понималъ не такъ, какъ учила Церковь, ибо съ этимъ взглядомъ на Евангельское ученіе и не могъ онъ почерпнуть ровно ничего въ ученіи Церкви, такъ какъ взглядъ его слишкомъ уже уклонился отъ истиннаго. Вполнѣ увѣренный, что самъ онъ не можетъ ошибаться, онъ сваливаетъ всю вину на Церковь, упрекая ее въ непониманіи ученія Христа, во внесеніи противорѣчій и неясностей туда, гдѣ ихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, и въ пяти мѣстахъ своего сочиненія увѣряетъ читателей самымъ убѣдительнымъ, чисто умоляющимъ образомъ, что только онъ одинъ понялъ Христа, и говоритъ: И такъ, что же долженъ я дѣлать, если я одинъ понялъ ученіе Христа и повѣрилъ въ него одинъ среди непонимающихъ и неисполняющихъ его? Что мнѣ дѣлать?—Жить, какъ всѣ, или жить по ученію Христа? Я понялъ ученіе Христа въ Его заповѣдяхъ и вижу, что исполненіе ихъ даетъ блаженство и мнѣ, и всѣмъ людямъ міра. Я понялъ, что исполненіе этихъ заповѣдей есть воля того начала всего, отъ котораго произошла и моя жизнь. Я понялъ кромѣ того, что, чтобы я ни дѣлалъ, я неизбѣжно погибну безсмысленною жизнью и смертью со всѣмъ окружающимъ меня, если я не буду исполнять этой воли Отца, и что только въ исполненіи ея—единственная возможность спасенія“ (стр. 208).

Имъ, можетъ быть, было потрачено дѣйствительно много трудовъ и добраго желанія, чтобы узнать истину, но тѣмъ не менѣе результаты вышли самые жалкіе, самые ограниченные и положительно вредные для каждаго изъ читающихъ, ибо многія слова его энергичной и краснорѣчивой рѣчи должны невольно западать въ сердце: 1) тѣхъ людей, которые не твердо знаютъ точный смыслъ ученія Христа, или понимаютъ его такъ же мало, какъ и самъ

гр. Толстой, 2) тѣхъ, которые, безусловно довѣряя ему, не потрудятся даже и провѣрить правильность приводимыхъ имъ мѣстъ изъ Евангельскаго ученія, въ сущности совершенно искаженныхъ, на которыхъ онъ и основалъ все свое ученіе, развивъ и расширивъ эти искаженія совершенно произвольно, слѣдуя своей собственной мысли, но не смыслу ученія Христа, и, наконецъ, 3) тѣхъ, которые не считаютъ слова Евангелія священными и относятся къ нимъ съ недостаточнымъ уваженіемъ и безъ соотвѣтствующей осторожности, а потому всегда готовы позволять себѣ вмѣстѣ съ гр. Толстымъ дѣлать разныя дополненія Евангелія, измѣненія его и допускать разныя варіаціи и вольности, окончательно извращающія весь коренной смыслъ его.

Но, чтобы имѣть возможность сдѣлать всѣ свои открытія, этихъ всѣхъ извращеній Святаго ученія Христа было мало для гр. Толстого, онъ не останавливается только на нихъ, а идетъ дальше и находитъ, что Евангеліе всего христіанскаго міра не вѣрно, что переводы Евангелія съ греческаго и еврейскаго языковъ сдѣланы ошибочно. Но тутъ начинается уже чистый комизмъ и настоящая дѣтская опасная забава, не имѣющая ничего серьезнаго. Мы видимъ, что гр. Толстой, читая Евангеліе на русскомъ языкѣ, совсѣмъ не понялъ его,—можетъ ли кто-нибудь повѣрить, чтобы, читая Евангеліе на греческомъ или на еврейскомъ, онъ становится въ состояніи лучше понять его?—Это немыслимо.

Смыслъ словъ Христа на столько простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ премудръ по глубинѣ своего содержанія и своего значенія на сущность жизни людей, что всякій переводъ Евангелія съ одного языка на другой стоилъ необыкновенно большихъ и совершенно особенныхъ трудовъ и знаній, которые поддавались только совмѣстной работѣ ученыхъ лингвистовъ и теологовъ. Никто изъ нихъ никогда не находилъ возможнымъ обойтись однимъ диксіонеромъ, какъ то дѣлаетъ гр. Толстой; зная же хорошо самый смыслъ Евангелія и всѣ оттѣнки употребленныхъ въ немъ словъ, они всегда ставили себѣ задачей сохранить и ихъ въ переводномъ Евангеліи, что чрезвычайно трудно, ибо значеніе, придаваемое какому-нибудь слову на одномъ языкѣ у одного народа или націи, часто не соотвѣтствуетъ употребленію переводнаго или диксіонернаго слова на другомъ. Это примѣненіе точнаго значенія словъ со всѣми оттѣнками при употребленіи ихъ на каждомъ изъ языковъ было всегда круп-

нымъ камнемъ преткновенія всѣхъ переводовъ. Гр. Толстой же хотя и взялся за эти исправленія съ такой увѣренностью и смѣлостью, становится прямо смѣшнымъ въ своей безразсудной самонадѣянности. Да позволено будетъ намъ не слѣдовать за нимъ въ этихъ поправкахъ, потому что здѣсь кончается даже видимая наружная серьезность. Гр. Толстой въ своихъ попыткахъ исправленія перевода Евангелія дѣлается похожъ на ребенка пяти лѣтъ, который надѣлъ шляпу, очки и пальто своего отца, взялъ въ руки отцовскую палку, сталъ на стулъ и кричитъ: „я—папа,—слюсайте меня“ — и вотъ дѣйствительно стали сходиться со всѣхъ сторонъ люди, повѣривъ серьезности дѣтскаго лепета и стали придавать ему особыя значенія, тогда какъ въ сущности и самъ говорящій не понимаетъ, что говоритъ. Люди вѣрующіе не могутъ усомниться въ вѣрности перевода Евангелія, не могутъ допустить и мысли, чтобы кто-нибудь могъ позволить себѣ сдѣлать хотя малѣйшую погрѣшность, не говоря уже въ самомъ смыслѣ, но даже въ мельчайшихъ оттѣнкахъ значенія каждаго изъ Святыхъ словъ Христа; люди невѣрующіе должны же обратить вниманіе на то, что въ этомъ случаѣ гр. Толстой, человѣкъ совершенно незнакомый съ этимъ дѣломъ, становится одинъ противъ ученія всего христіанскаго міра.

Но главная причина, отчего слѣдуетъ оставить безъ вниманія всѣ труды гр. Толстаго надъ исправленіями перевода Евангелія, это полная ихъ безцѣльность, которая отвлекла бы вниманіе читателей отъ главной сути заблужденій гр. Толстаго, что должно быть признано гораздо болѣе существеннымъ.

Если даже признать всѣ ошибки, найденныя гр. Толстымъ въ Евангеліи, за вѣрныя, то все же надо сказать, что онѣ до того ничтожны по отношенію къ подавляюще высокому смыслу ученія Христа, что всѣ онѣ ни на волосъ не мѣняютъ его, всѣ онѣ *касаются одной буквы закона и одного внѣшняго вида его*, и гр. Толстой придаетъ имъ такое значеніе только потому, что рѣшительно не можетъ вникнуть въ духъ истины ученія Христа.

Есть еще одно, чрезвычайно существенное замѣчаніе, съ которымъ необходимо познакомить читателя прежде, чѣмъ приступить къ описанію самихъ открытій. Оно слѣдующее:

При отысканіи въ Евангеліи своихъ пяти заповѣдей, гр. Толстаго тревожитъ и безпокоитъ главнымъ образомъ одна предвзятая мысль и, по его мнѣнію, самая серьезная сторона дѣла: во что бы

то ни стало отыскать точныя и опредѣленныя правила жизни для своихъ послѣдователей, руководствуясь которыми, они могли бы считать себя христіанами, исполняющими законъ Христа. Но неужели же онъ не зналъ того, что самый фактъ исканія подобныхъ заповѣдей въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ хочетъ найти, есть дѣйствіе противохристіанское, идущее прямо въ разрѣзъ съ кореннымъ смысломъ Евангельскаго ученія.

Мы спросимъ гр. Толстаго, какъ понялъ онъ слѣдующія мѣста Св. Писанія: „*Законъ данъ черезъ Моисея, благодать же и истина произошла черезъ Іисуса Христа*“ (Іоан. I. 7). Или: „*Законъ былъ для насъ дѣтоводителемъ ко Христу, дабы намъ оправдаться вѣрою. По пришествіи же вѣры, мы уже не подъ руководствомъ дѣтоводителя. Ибо всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса; всѣ вы во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже Іудея, ни язычника, нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ. Если же вы Христовы, то вы сѣмя Авраамово и по обѣтованію наслѣдники* (Галат. III. 24—29). Не ясно ли изъ этихъ словъ, что для человѣка, вѣрующаго во Христа, не нужны обязательныя къ непремѣнному исполненію правила жизни; такія правила жизни давали земные законодатели для устройства порядка въ своихъ странахъ, такія правила далъ Моисей своему народу и гр. Толстой ищетъ такія же обязательныя правила въ Евангеліи для своихъ послѣдователей, желая ихъ найти въ ученіи Христа, совершенно не подозрѣвая, что не правила жизни даетъ Богъ, сошедшій на землю и воплотившійся для спасенія человѣчества, *но Благодать Свою*; Онъ даетъ имъ внутреннее и духовное познаніе истины, при которомъ предоставляетъ полный выборъ поступковъ.

Вникнемъ въ слѣдующія мѣста Св. Писанія: „*Онъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, но духа: потому что буква убиваетъ, духъ же животворитъ*“ (2 Коринѳ. III. 6). „*Язычники, не искавшіе праведности, получили праведность отъ вѣры. А Израиль, искавшій закона праведности, не достигъ до закона праведности. Почему? потому что искали не въ вѣрѣ, а въ дѣлахъ закона. Ибо преткнулись о камень преткновенія, какъ написано: „вотъ полагаю въ Сіонѣ камень преткновенія и камень соблазна: но всякій, вѣрующій въ Него, не постыдится*“ (*Исаіи XXVIII. 16*; *VIII. 14*), (Римл. X. 30—33).

Гораздо легче быть рабомъ буквы, чѣмъ вникнуть въ духъ закона, легче исполнять извѣстное количество внѣшнихъ правилъ, чѣмъ разумно, свободно и съ самоотверженіемъ повиноваться волѣ Божіей; легче быть надменнымъ, серьезнымъ и педантичнымъ законникомъ-формалистомъ, чѣмъ смиреннымъ духомъ, покорнымъ своей судьбѣ, чистымъ и любящимъ существомъ, — однимъ словомъ, легче быть фарисеемъ, чѣмъ истиннымъ ученикомъ Христа: *любить Бога всѣмъ своимъ сердцемъ, всею силою своей души и всею крѣпостію своего сердца*. Только этого и требуетъ Христосъ отъ Своихъ учениковъ и всякій думающій, что исполняя какія-либо опредѣленныя формулы или правила, угождаетъ Христу, находится далеко отъ пониманія закона Бога.

Гр. Толстой только одного этого и требуетъ отъ своихъ послѣдователей, только этого и искалъ онъ въ Евангеліи и удивлялся, что открытыхъ имъ заповѣдей не замѣчалъ ни одинъ пастырь Церкви во всемъ христіанскомъ мірѣ, ни вселенскіе соборы, ни Апостолы, ни Евангелисты.

Теперь становится понятнымъ, что онъ искалъ въ Евангеліи того, чего тамъ нѣтъ и быть не могло, и что всѣ найденныя имъ заповѣди, которыми онъ такъ гордится, и за неотысканіе которыхъ упрекаетъ Церковь,—составляютъ единственно плодъ его духовной слѣпоты и легкомысленной самоувѣренности, позволившей ему взяться за разборъ закона Бога, для котораго практическій земной умъ не только не можетъ помочь, но служитъ даже помѣхой.

Приступимъ къ разбору пяти заповѣдей, открытыхъ гр. Толстымъ. Мы уже видѣли, что ключемъ ко всему открытію было то мѣсто въ нагорной проповѣди Христа, въ которомъ Онъ сказалъ: „не противьтесь злу“, и эти слова Христа навели гр. Толстаго на пониманіе и на своеобразное толкованіе ихъ, давшее ходъ его послѣдующимъ мыслямъ. Выяснивъ себѣ слова Христа о непротивленіи злу, онъ тутъ же сталъ искать возможность для своихъ дальнѣйшихъ открытій и они дѣствительно не замедлили своимъ появленіемъ. Дальнѣйшія открытія, говоритъ гр. Толстой, дали ему „среди неясностей (?) разбросанностей (?) и противорѣчій (?), (это все въ Евангеліи-то! Побоялся бы Бога гр. Толстой говоритъ подобныя вещи), сущность всего ученія Христа, выраженную въ простыхъ, ясныхъ и доступныхъ каждому пяти заповѣдяхъ, о которыхъ я никогда не

знал до сихъ поръ (стр. 94) и къ удивленію моему самъ долженъ былъ открывать" (стр. 95).

Первая заповѣдь.

Гр. Толстой нашелъ возможнымъ открыть свою главную заповѣдь въ слѣдующихъ словахъ Христа: „*Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду* (*Исх. XX. 13*). *А я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему: ракъ, подлежитъ синедріону; а кто скажетъ: безумный, подлежитъ геенны огненной. И такъ если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя,—оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда прійди, и принеси даръ твой. Мирись съ соперникомъ твоимъ скорѣе, пока ты еще на пути съ нимъ, чтобы соперникъ не отдалъ тебя судьѣ, а судья не отдалъ бы тебя слугѣ, и не вверили бы тебя въ темницу. Истинно говорю тебѣ: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдняго кодранта* (Матѳ. V. 21—26).

Гр. Толстой самъ говоритъ, что всѣ толкованія этихъ словъ Евангелія, которыя онъ только находилъ въ ученіи Церкви, говорили ему, что эти слова Христа запрещаютъ всякое оскорбленіе людей и употребленіе всякихъ бранныхъ словъ, но что не всякій гнѣвъ можетъ быть несправедливъ и приводили въ подтвержденіе своихъ словъ гнѣвъ Апостоловъ и Святыхъ.

Но въ этомъ видѣ эти слова Христа не могли удовлетворить гр. Толстаго; онъ непремѣнно желалъ видѣть въ словахъ Бога абсолютный и безусловный смыслъ, запрещающій что-либо. „Мнѣ представилось", говоритъ онъ, „что заповѣдь эта, какъ и заповѣдь о непротивленіи злу, должна имѣть такое же ясное, и вполнѣ приложимое къ земной жизни людей, значеніе" (стр. 96), которое уничтожалось тѣмъ, что въ Евангеліи сказано слово „напрасно". Онъ не могъ вѣрить, чтобы Христосъ сказалъ: „не гнѣвайтесь напрасно" и тѣмъ предоставилъ бы ученикамъ Своимъ выборъ поступковъ. Онъ переискалъ все ученіе Церкви и признается: „я чувствовалъ, что все толкованіе, разрушавшее прямой и

ясной для меня смыслъ, зиждилось на словѣ „напрасно". Если бы выкинуть его, смыслъ выходилъ бы ясный; но противъ моего пониманія были всѣ толкователи, противъ меня было все каноническое Евангеліе со словомъ „напрасно" (стр 100).

Казалось бы на этомъ слѣдовало и закончить гр. Толстому свои открытія; если всѣ толкователи говорятъ въ одинъ голосъ одно и то же, всѣ согласны и всѣ поняли одинаково,—какой же дальше разговоръ? Но гр. Толстой обратился къ непризнаннымъ Церковью толкователямъ и нашелъ въ средѣ ихъ такихъ, которые такъ же, какъ и онъ, не признавали этого слова; это окончательно, утвердило его въ томъ мнѣніи, что Церкви не слѣдуетъ вѣрить, а идти твердо и неуклонно по указанію своей собственной фантазіи, и онъ устанавливаетъ редакцію своей собственной заповѣди въ слѣдующихъ словахъ: „Живи въ мирѣ со всѣми людьми, никогда своего гнѣва на людей не считай справедливымъ. Никакого человѣка не считай и не называй пропащимъ или безумнымъ. И не только своего гнѣва не признавай не напраснымъ, но чужаго гнѣва на себя не признавай напраснымъ, и потому если есть человѣкъ, который сердится на тебя, хоть и напрасно, то, прежде чѣмъ молиться, поди и уничтожь это враждебное чувство. Впередъ старайся уничтожить вражду между собою и людьми, чтобы вражда не разгорѣлась и не погубила тебя" (стр. 103, 104).

Очевидно, что гр. Толстой въ этомъ случаѣ говоритъ не о томъ гнѣвѣ, о которомъ говоритъ Христосъ. Христосъ приказываетъ уничтожать въ корнѣ или въ зачаткѣ своемъ тотъ гнѣвъ въ сердцѣ, который происходитъ отъ недостатка любви къ ближнему, отъ преобладанія въ насъ страстныхъ, порочныхъ и эгоистическихъ чувствъ и стремленій, то внутреннее чувство, невольно побуждающее насъ сдѣлать что-либо дурное ближнему, которое человѣкъ
ій, не имѣющій истинной христіанской любви къ ближ-
нно и сдержать не можетъ. Гр. Толстой же говоритъ
или о той враждѣ, которая, разгораясь, могла бы
гнѣвающагося; смотря на уничтоженіе гнѣва съ
практической стороны, т. е. онъ не говоритъ
о внутреннемъ нашемъ порочномъ чувствѣ,

а говоритъ о видимыхъ проявленіяхъ гнѣва и предписываетъ уничтожать ихъ.

Положимъ, гр. Толстой выражается нѣсколько двусмысленно, говоря: „старайтесь уничтожать это враждебное чувство", такъ что на первый взглядъ можно думать, что и онъ говоритъ тоже о какомъ-то чувствѣ, но въ сущности эти слова должны быть поняты только какъ внѣшнія и видимыя проявленія гнѣва, примѣненныя къ поступкамъ человѣка, а не къ его внутренней и духовной жизни, такъ какъ нѣсколько выше онъ отвергаетъ ихъ и въ полу-ироническомъ тонѣ отзывается о всякомъ умиротвореніи духа своего: „Я чувствовалъ, говоритъ онъ, что Христосъ не могъ понимать эти слова такъ, какъ понимаетъ ихъ Церковь: поди и мирись въ мысляхъ??" (стр. 99). Гр. Толстой совершенно не признаетъ, что можно помириться въ мысляхъ, т. е. не питать никакой внутренней злобы на человѣка, обидѣвшаго его, ибо онъ видитъ одни лишь внѣшнія проявленія въ человѣкѣ и ничего духовнаго. „Я думалъ, продолжаетъ онъ, что Христосъ сказалъ: если хочешь угодить Богу, то, прежде чѣмъ молиться, вспомни кто на тебя сердитъ, иди и устрой такъ, чтобы не былъ онъ сердитъ на тебя, а послѣ уже молись, если хочешь". А то: „въ мысляхъ" (стр. 100).

Вторая заповѣдь.

Вторую заповѣдь свою гр. Толстой открываетъ въ слѣдующихъ словахъ Христа: *Сказано также, что если кто разведется съ женою своею, пусть даетъ ей разводную*". (*Второз. XXIV. 1*). „*А Я говорю вамъ: кто разводится съ женою своею, кромѣ вины любодѣянія, тотъ даетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать; и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ*". (Матѳ. V. 31, 32).

Самъ гр. Толстой говоритъ: „справляюсь съ толкователями—и всѣ (Іоаннъ Златоустъ, стр. 365) и другіе, даже ученые богословы—критики, какъ Reuss, и тѣ тоже признаютъ, что слова эти означаютъ то, что Христосъ разрѣшаетъ разводъ въ случаѣ прелюбодѣянія жены, и что въ XIX главѣ Евангелія Матѳея, въ рѣчи Христа, запрещающей розводъ, слова: если не за пре-

любодѣяніе — означаютъ тоже. Читаю, перечитываю стихъ 32 й, а мнѣ все-таки кажется, что это не можетъ значить разрѣшеніе развода“ (стр. 106, 107). И иначе быть не можетъ, ибо эти слова Христа неоспоримо ясны до очевидности. Христосъ сказалъ: „*Кто разведется съ женой своей не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной — прелюбодѣйствуетъ*“ (Матѳ. XIX. 9). Можетъ ли быть другое пониманіе этихъ словъ, какъ не то, которое даетъ Церковь и съ которымъ согласны все ученые богословы, какъ самъ говоритъ гр. Толстой, а именно: что одно прелюбодѣяніе можетъ быть причиной развода, какъ самовольное разрушеніе законовъ брака самимъ дѣломъ и никакихъ другихъ причинъ существовать не должно. „Нѣтъ“, говоритъ гр. Толстой, „мнѣ кажется это невозможнымъ“, и начинаетъ свои собственныя умозрѣнія, проводя свою земную практическую мораль и совершенно безосновательно приписывая ее Христу. Онъ говоритъ: Христосъ говоритъ, что блудъ происходитъ отъ того, что мужчины и женщины смотрятъ другъ на друга, какъ на предметъ похоти. Чтобы этого не было, надо устранить все то, что можетъ вызвать похоть. Избѣгать всего того, что возбуждаетъ похоть, и соединившись съ женою, ни подъ какимъ предлогомъ не покидать ее, потому что покинутыя жены соблазняютъ другихъ мужей и вносятъ развратъ“ (стр. 105). Но, вѣдь, Христосъ ничего подобнаго не говоритъ; развѣ позволительно свои собственные взгляды и фантазіи безъ всякихъ основаній и причинъ приписывать и выдавать за слова Бога? Гдѣ же въ приведенномъ текстѣ есть что-либо подобное, хотя бы мало-мальски схожее? Но, мало того, что Христосъ этого не говоритъ, а все, выдаваемое въ этой выдержкѣ за слова Христа, идетъ прямо въ разрѣзъ и противорѣчитъ ученію Христа. Гр. Толстой требуетъ, чтобы устранили все то, что можетъ вызвать похоть; это средство, конечно, радикальное въ законодательномъ отношеніи; если удастся устранить ее, то, конечно, этого грѣха не будетъ; и какъ логическое слѣдствіе послѣ подобныхъ блестящихъ результатовъ, явится желаніе устранить и языкъ человѣка, который лжетъ и злословитъ, руки его, которыя помогаютъ воровать и т. д. Но тогда надо спросить гр. Толстаго: за какихъ

людей считаетъ онъ, собственно говоря, своихъ послѣдователей,— за людей совершенно дикихъ, или прямо за людей-машинъ, которыхъ надо обязательно и насильственно поставить въ такія условія и дать имъ такія абсолютныя правила, чтобы они не разсуждали, не выбирали свои поступки, ничего не хотѣли и только тогда, когда отъ нихъ будутъ отняты всѣ средства грѣшить—они будутъ вести себя благоразумно и даже чувствовать то, что прикажетъ имъ гр. Толстой.

Спаситель всегда былъ болѣе высокаго мнѣнія о вѣрующихъ въ Него, Онъ считаетъ ихъ духовно-нравственными и разумными существами, осѣненными благодатію Божіей и просвѣщенными свѣтомъ истины; существами, которымъ даны совѣсть и свободный выборъ поступковъ. Идя жизненнымъ путемъ, они должны выказывать свои добрыя качества, преиспытавъ и переживъ всѣ соблазны и искушенія; чѣмъ болѣе предоставляется каждому соблазновъ и испытаній, черезъ которыя онъ выкажетъ свое благоразуміе и нравственность, тѣмъ лучше докажетъ совершенство своего развитія и будетъ имѣть болѣе заслуги передъ Богомъ. Человѣкъ, который не грѣшилъ только потому, что не имѣлъ возможности грѣшить, или дѣлалъ добро по естественному своему влеченію, или потому, что не могъ дѣлать иначе, не заслуживаетъ одобренія, надо, чтобы и добро дѣлалось по свободному произволенію и соблазны и искушенія избѣгались послѣ борьбы и работы надъ своей грѣшной природой. „*Какая заслуга огню, что жжетъ, или водѣ, что течетъ*“, говоритъ Св. Григорій Богословъ (III. 227).

Отсутствіе взаимной симпатіи и дружбы между супругами есть очень трудное испытаніе, посылаемое Богомъ грѣшному человѣку для его исправленія; тѣмъ не менѣе Богъ, зная нравственныя силы каждаго лучше его самого, никогда не посылаетъ испытанія свыше его силы, а потому каждый долженъ быть увѣренъ, что если онъ не выдержалъ и не устоялъ въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя посланы ему Богомъ, что онъ виновенъ предъ Нимъ, что онъ преступникъ воли Божіей и не получитъ уже отъ земной жизни той степени своего развитія и совершенства, которое онъ могъ бы получить. Всякая ссора между супругами имѣетъ прямымъ своимъ основаніемъ недостатокъ вѣры въ Бога, недостатокъ любви къ ближнему и есть отсутствіе взаимной уступчивости, происходящей отъ недостатка внутренняго душевнаго смиренія и покорности волѣ Божіей, ясно изобличающее порочность душъ.

Эти доводы позволяютъ ему поставить свою перифразу словъ Христа, понятыхъ имъ будто-бы лучше, чѣмъ понимала ихъ Церковь, а именно: „не дѣлай себѣ потѣхи изъ похоти; всякій человѣкъ пусть имѣетъ жену, а жена мужа, и мужъ имѣй жену одну, жена имѣй одного мужа, и ни подъ какимъ предлогомъ не нарушайте плотскаго союза другъ съ другомъ“ (стр. 116).

Третья заповѣдь.

Третью заповѣдь гр. Толстой открылъ въ слѣдующихъ словахъ Христа: *Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не приступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои (Лев. XIX. 12. Второз. XXIII. 21). А Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно Престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго*“ (Матѳ. V. 33—37).

Ученіе Церкви признаетъ въ этихъ словахъ подтвержденіе третьей заповѣди Моисея, говорящей: „*не пріемли имени Господа Бога твоего всуе*“ и какъ бы слѣдствіе сего Христосъ запрещаетъ всѣ способы клятвы, какіе были въ употребленіи у древнихъ Евреевъ (Толк. Михаила Ев. Матѳ., стр. 102). Но очевидно, что Спаситель подъ этимъ запрещеніемъ не разумѣлъ клятвы законной,—какова присяга, ибо Самъ Онъ утвердилъ клятву на судѣ (Матѳ. XXVI. 63, 64).

Апостолъ Павелъ о клятвѣ говоритъ: *Богъ, давая обѣтованіе Аврааму, какъ не могъ ни кѣмъ высшимъ клясться, клялся Самимъ Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя, и размножая размножу тебя (Быт. XXII. 17). Люди клянутся высшимъ, и клятва во удостовѣреніе оканчиваетъ всякій споръ ихъ. Посему и Богъ, желая преимущественнѣе показать наслѣдникамъ обѣтованія непреложность Своей воли, употребилъ въ посредство клятву, дабы въ двухъ непреложныхъ вещахъ, въ которыхъ невозможно Богу солгать, твердое утѣшеніе имѣли мы, прибѣгшіе взяться за предлежащую надежду, которая для души есть какъ бы якорь безопас-*

ный и крѣпкій, и входитъ во внутреннѣйшее завѣсы, куда предтечею за насъ вошелъ Іисусъ, сдѣлавшись первосвященникомъ на вѣкъ по чину Мелхиседека (Евр. VI. 13, 14; 16—20).

Апостолы не разъ призывали Бога во свидѣтельство истины своихъ словъ, что есть очевидно тоже клятва; (см. Римл. IX. 1; I. 9; 2 Кор. I. 23, II. 17; Галат. I. 20; Филип. I. 8; 1 Солун. II. 5; Евр. VI. 16). *Клятвы были предписаны закономъ Моисея и Господь не отмѣнялъ ихъ.* (Исх. XXII. 11; Лев. V. 1; Числ. V. 19; Второз. XXXIX. 2—14), — *отмѣняются только клятвы пустыя, фарисейски-лицемѣрныя и легкомысленныя.*

Но гр. Толстой ни за что не могъ согласиться съ этимъ разъясненіемъ Церкви; онъ говоритъ: „не можетъ быть, чтобы рядомъ съ правилами, глубина и значеніе которыхъ ужасали и умиляли меня, вдругъ стояло такое не нужное (?), пустое, легкое и неимѣющее никакихъ, ни для меня, ни для другихъ, послѣдствій правило“ (стр. 117). Находя неумѣстное и несвоевременное употребленіе имени Бога пустымъ и для него не нужнымъ, онъ обратился къ болѣе важному, которое, по его мнѣнію, имѣетъ болѣе существенное значеніе, ибо вліяетъ на практическую жизнь человѣка, и спрашиваетъ самъ себя: „да не сказано ли тутъ то, что запрещается и та присяга, которую такъ старательно выгораживаютъ церковные толкователи? Не запрещена ли тутъ присяга, та самая присяга, безъ которой невозможно раздѣленіе людей на государства, безъ которой невозможно военное сословіе?“ (стр. 119). И этотъ вопросъ предрѣшилъ все дѣло; осталось гр. Толстому только подобрать доказательства. Подходящихъ доказательствъ онъ, конечно, не нашелъ въ Св. Писаніи, но это нисколько не удержало и не затруднило его дальнѣйшія открытія, ибо краснорѣчіе его всегда во время является на помощь. Гр. Толстой началъ съ описанія своего собственнаго взгляда на присягу и говоритъ, что будто бы всякая присяга приноситъ одинъ вредъ, объявляетъ, что и Сенека, и Эпиктетъ, законъ Ману и многіе другіе возставали противъ присяги: „отчего же, скажу я, восклицаетъ онъ, что и Христосъ не видѣлъ въ этомъ зла? Сказавъ ясно и достаточно: „не клянитесь вовсе“ (стр. 120) и вслѣдъ за рядомъ своихъ собственныхъ умозаключе-

ній, указывающихъ на практическую жизнь людей, не приводя ни одного доказательства изъ области Св. Писанія, гр. Толстой ставитъ въ слѣдующей редакціи свою третью заповѣдь, а именно: „не клянись никогда, никому и ни въ чемъ, всякая присяга вымогается отъ людей для зла“ (стр. 123). Такимъ образомъ третья его заповѣль открыта имъ даже безъ попытки найти подтвержденіе истинности ея въ Св. Писаніи.

Четвертая заповѣдь.

Четвертая заповѣдь была уже отчасти приведена выше; но придавая ей особое значеніе, по той степени важности, какую гр. Толстой ей приписываетъ, онъ вторично возвращается къ ней, говоря о другихъ заповѣдяхъ. Она основана на слѣдующихъ словахъ Евангелія: „*Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ.* (Исх. XXI. 24). *А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два. Просящему у тебя дай и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся*“ (Матѳ. V. 38—42).

На это гр. Толстой замѣчаетъ: „Слова эти всѣмъ ясны и очень нравятся, и всѣ дѣлаютъ, по случаю этихъ словъ, всякаго рода глубокомысленныя соображенія, за исключеніемъ одного: что слова эти имѣютъ тотъ самый смыслъ, который они имѣютъ (стр. 123 и 124). Стоитъ отнестись къ словамъ Христа только такъ, какъ мы относимся къ словамъ перваго встрѣчнаго человѣка, который съ нами говоритъ, т. е. предполагая, что онъ говоритъ то, что говоритъ, чтобы тотчасъ же устранилась необходимость всякихъ глубокомысленныхъ соображеній. Христосъ говоритъ: Я нахожу, что способъ обезпеченія вашей жизни очень глупъ и дуренъ. Я вамъ предлагаю совсѣмъ другой, и говоритъ: вы зломъ хотите уничтожить зло—это неразумно. Чтобы не было,—не дѣлайте сами зла. И потомъ Христосъ перечисляетъ всѣ случаи, въ которыхъ мы привыкли дѣлать зло, и гово-

ритъ, что въ этихъ случаяхъ не надо его дѣлать" (стр. 125, 126). Не приводя никакихъ другихъ доказательствъ, или доводовъ изъ ученія Христа на право подобнаго воззрѣнія, которое онъ всецѣло приписываетъ Самому Христу, а удовлетворившись этимъ совершенно голословнымъ умозаключеніемъ, онъ ставитъ свою редакцію четвертой своей заповѣди въ слѣдующихъ словахъ: Никогда силой не противься злому, насиліемъ не отвѣчай на насиліе: бьютъ тебя — терпи, отнимаютъ—отдай, заставляютъ работать—работай, хотятъ взять у тебя то, что ты считаешь своимъ — отдай (стр. 126).

Стоитъ ли и говорить, что и въ этой четвертой заповѣди повторяются всѣ тѣ же ошибки полнѣйшаго непониманія смысла ученія Христа: весь глубокій, внутренній духовный смыслъ Его святыхъ рѣчей извращенъ, изуродованъ собственными умозаключеніями безъ малѣйшаго поползновенія даже оправдать свои предположенія или плодъ своей фантазіи какими-либо доказательствами, почерпнутыми изъ Св. Писанія. Это просто адскій апломбъ и безграничная самоувѣренность, исключающіе всякую возможность своей погрѣшимости, открыто возстающіе на все, что непонятно и недоступно имъ, при полнѣйшемъ неуваженіи самой личности Христа Спасителя, которые позволяютъ ему относится къ словамъ Его, какъ бы онъ относился къ словамъ „всякаго встрѣчнаго человѣка".

Но, оставляя его убѣжденія и религіозные взгляды въ сторонѣ, — можно ли найти правильнымъ такое обращеніе со словами, не только Спасителя, но со словами любаго встрѣчнаго человѣка? Можно ли выхватить серединныя слова изъ книги, не понявъ, что раньше было говорено и не справившись, что будетъ послѣ сказано, и выражать о нихъ свое мнѣніе? Гр. Толстому понравились слова Христа „не противься злу", и онъ на этихъ однихъ словахъ составилъ всю свою собственную систему жизни и призналъ ее за систему, предлагаемую, будто бы, Христомъ, рѣшительно не заботясь о томъ, соотвѣтствуетъ ли она дѣйствительно ученію Христа.

Онъ говоритъ, что Христосъ пришелъ установить миръ и согласіе между людьми, установить Царство Небесное на землѣ и возможность счастливой и мирной жизни людей, и увѣряетъ, что

слова, „не противься злу“ должны непремѣнно клониться къ упрочиванію мира, а потому они должны значить: „вы зломъ хотите уничтожить зло — это неразумно; чтобы не было зла, — не дѣлайте сами зла“. Это чистѣйшій вымыселъ, и гр. Толстой не имѣлъ ни малѣйшаго права выдавать за слова Христа не только то, что Онъ не говорилъ, но то, что совершенно противорѣчитъ ученію Его.

Христосъ конечно, не могъ не видѣть зла въ мірѣ; но это зло Онъ никогда не признавалъ само по себѣ существующимъ въ мірѣ. Христосъ видѣлъ зло въ сердцѣ каждаго человѣка, или, лучше сказать, Онъ видѣлъ все несовершенство людей, всю ихъ порочность и грѣховность. Все ученіе Христа есть непосредственный рядъ указаній и вразумленій, вызывающихъ грѣшное и порочное человѣчество къ познанію истины; это познаніе истины есть единственный путь, черезъ который вѣрующіе въ Него пріобрѣтаютъ добрыя свои качества и развиваютъ въ себѣ добродѣтели, слѣдствіемъ чего и выходитъ уменьшеніе въ каждомъ изъ нихъ дурныхъ и страстныхъ наклонностей, т. е. того, что гр. Толстой называетъ зломъ.

Христосъ учитъ первымъ дѣломъ любить Бога и другъ друга, затѣмъ говоритъ, что Царство Небесное принадлежитъ: нищимъ духомъ, кроткимъ, алчущимъ и жаждущимъ правды, милостивымъ, людямъ съ чистымъ сердцемъ, миротворцамъ, и открываетъ людямъ многія другія средства исправленія и убѣждаетъ каждаго вѣрующаго упражнять и укоренять въ себѣ христіанскія добродѣтели и укрѣплять вѣру, ибо при этихъ только условіяхъ человѣкъ можетъ ожидать благодати Божій, осѣняющей его душу и способствующей тому благому развитію ея, при которомъ все злое и порочное не можетъ уже имѣть мѣста.

Можно-ли сказать огню—не жги, или водѣ—не теки, лжецу—не лги, фантазеру—не фантазируй, завистнику—не завидуй.—Какіе бы убѣдительные доводы мы не представляли имъ, они всегда останутся такими, ибо такова природа ихъ души, и захотѣть, чтобы они чувствовали и дѣлали иначе—значитъ захотѣть, чтобы они шли противъ своей природы. Надо-бы употребить какія-либо средства, чтобы они сами захотѣли измѣнить себя, чтобы сами вооружились на свою природу и усилинно работали-бы надъ измѣненіемъ ея. Даетъ-ли имъ гр. Толстой что-либо, что возбудило бы

ясной для меня смыслъ, зиждилось на словѣ „напрасно". Если бы выкинуть его, смыслъ выходилъ бы ясный; но противъ моего пониманія были всѣ толкователи, противъ меня было все каноническое Евангеліе со словомъ „напрасно" (стр 100).

Казалось бы на этомъ слѣдовало и закончить гр. Толстому свои открытія; если всѣ толкователи говорятъ въ одинъ голосъ одно и то же, всѣ согласны и всѣ поняли одинаково,—какой же дальше разговоръ? Но гр. Толстой обратился къ непризнаннымъ Церковью толкователямъ и нашелъ въ средѣ ихъ такихъ, которые такъ же, какъ и онъ, не признавали этого слова; это окончательно, утвердило его въ томъ мнѣніи, что Церкви не слѣдуетъ вѣрить, а идти твердо и неуклонно по указанію своей собственной фантазіи, и онъ устанавливаетъ редакцію своей собственной заповѣди въ слѣдующихъ словахъ: „Живи въ мирѣ со всѣми людьми, никогда своего гнѣва на людей не считай справедливымъ. Никакого человѣка не считай и не называй пропащимъ или безумнымъ. И не только своего гнѣва не признавай не напраснымъ, но чужаго гнѣва на себя не признавай напраснымъ, и потому если есть человѣкъ, который сердится на тебя, хоть и напрасно, то, прежде чѣмъ молиться, поди и уничтожь это враждебное чувство. Впередъ старайся уничтожить вражду между собою и людьми, чтобы вражда не разгорѣлась и не погубила тебя" (стр. 103, 104).

Очевидно, что гр. Толстой въ этомъ случаѣ говоритъ не о томъ гнѣвѣ, о которомъ говоритъ Христосъ. Христосъ приказываетъ уничтожать въ корнѣ или въ зачаткѣ своемъ тотъ гнѣвъ въ сердцѣ, который происходитъ отъ недостатка любви къ ближнему, отъ преобладанія въ насъ страстныхъ, порочныхъ и эгоистическихъ чувствъ и стремленій, то внутреннее чувство, невольно побуждающее насъ сдѣлать что-либо дурное ближнему, которое человѣкъ невѣрующій, не имѣющій истинной христіанской любви къ ближнему, совершенно и сдержать не можетъ. Гр. Толстой же говоритъ о томъ гнѣвѣ, или о той враждѣ, которая, разгораясь, могла бы погубить самого гнѣвающагося; смотря на уничтоженіе гнѣва съ чисто житейской и практической стороны, т. е. онъ не говоритъ о гнѣвѣ самомъ, какъ о внутреннемъ нашемъ порочномъ чувствѣ,

а говоритъ о видимыхъ проявленіяхъ гнѣва и предписываетъ уничтожать ихъ.

Положимъ, гр. Толстой выражается нѣсколько двусмысленно, говоря: „старайтесь уничтожать это враждебное чувство“, такъ что на первый взглядъ можно думать, что и онъ говоритъ тоже о какомъ-то чувствѣ, но въ сущности эти слова должны быть поняты только какъ внѣшнія и видимыя проявленія гнѣва, примѣненныя къ поступкамъ человѣка, а не къ его внутренней и духовной жизни, такъ какъ нѣсколько выше онъ отвергаетъ ихъ и въ полу-ироническомъ тонѣ отзывается о всякомъ умиротвореніи духа своего: „Я чувствовалъ, говоритъ онъ, что Христосъ не могъ понимать эти слова такъ, какъ понимаетъ ихъ Церковь: поди и мирись въ мысляхъ??“ (стр. 99). Гр. Толстой совершенно не признаетъ, что можно помириться въ мысляхъ, т. е. не питать никакой внутренней злобы на человѣка, обидѣвшаго его, ибо онъ видитъ одни лишь внѣшнія проявленія въ человѣкѣ и ничего духовнаго. „Я думалъ, продолжаетъ онъ, что Христосъ сказалъ: если хочешь угодить Богу, то, прежде чѣмъ молиться, вспомни кто на тебя сердитъ, иди и устрой такъ, чтобы не былъ онъ сердитъ на тебя, а послѣ уже молись, если хочешь“. А то: „въ мысляхъ“ (стр. 100).

Вторая заповѣдь.

Вторую заповѣдь свою гр. Толстой открываетъ въ слѣдующихъ словахъ Христа: *Сказано также, что если кто разведется съ женою своею, пусть даетъ ей разводную“. (Второз. XXIV. 1). „А Я говорю вамъ: кто разводится съ женою своею, кромѣ вины любодѣянія, тотъ даетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать; и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ“.* (Матѳ. V. 31, 32).

Самъ гр. Толстой говоритъ: „справляюсь съ толкователями—и всѣ (Іоаннъ Златоустъ, стр. 365) и другіе, даже ученые богословы—критики, какъ Reuss, и тѣ тоже признаютъ, что слова эти означаютъ то, что Христосъ разрѣшаетъ разводъ въ случаѣ прелюбодѣянія жены, и что въ XIX главѣ Евангелія Матѳея, въ рѣчи Христа, запрещающей розводъ, слова: если не за пре-

любодѣяніе — означаютъ тоже. Читаю, перечитываю стихъ 32 й, а мнѣ все-таки кажется, что это не можетъ значить разрѣшеніе развода“ (стр. 106, 107). И иначе быть не можетъ, ибо эти слова Христа неоспоримо ясны до очевидности. Христосъ сказалъ: „*Кто разведется съ женой своей не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной — прелюбодѣйствуетъ*“ (Матѳ. XIX. 9). Можетъ ли быть другое пониманіе этихъ словъ, какъ не то, которое даетъ Церковь и съ которымъ согласны все ученые богословы, какъ самъ говоритъ гр. Толстой, а именно: что одно прелюбодѣяніе можетъ быть причиной развода, какъ самовольное разрушеніе законовъ брака самимъ дѣломъ и никакихъ другихъ причинъ существовать не должно. „Нѣтъ“, говоритъ гр. Толстой, „мнѣ кажется это невозможнымъ“, и начинаетъ свои собственныя умозрѣнія, проводя свою земную практическую мораль и совершенно безосновательно приписывая ее Христу. Онъ говоритъ: Христосъ говоритъ, что блудъ происходитъ отъ того, что мужчины и женщины смотрятъ другъ на друга, какъ на предметъ похоти. Чтобы этого не было, надо устранить все то, что можетъ вызвать похоть. Избѣгать всего того, что возбуждаетъ похоть, и соединившись съ женою, ни подъ какимъ предлогомъ не покидать ее, потому что покинутыя жены соблазняютъ другихъ мужей и вносятъ развратъ“ (стр. 105). Но, вѣдь, Христосъ ничего подобнаго не говоритъ; развѣ позволительно свои собственные взгляды и фантазіи безъ всякихъ основаній и причинъ приписывать и выдавать за слова Бога? Гдѣ же въ приведенномъ текстѣ есть что-либо подобное, хотя бы мало-мальски схожее? Но, мало того, что Христосъ этого не говоритъ, а все, выдаваемое въ этой выдержкѣ за слова Христа, идетъ прямо въ разрѣзъ и противорѣчитъ ученію Христа. Гр. Толстой требуетъ, чтобы устранили все то, что можетъ вызвать похоть; это средство, конечно, радикальное въ законодательномъ отношеніи; если удастся устранить ее, то, конечно, этого грѣха не будетъ; и какъ логическое слѣдствіе послѣ подобныхъ блестящихъ результатовъ, явится желаніе устранить и языкъ человѣка, который лжетъ и злословитъ, руки его, которыя помогаютъ воровать и т. д. Но тогда надо спросить гр. Толстаго: за какихъ

людей считаетъ онъ, собственно говоря, своихъ послѣдователей,— за людей совершенно дикихъ, или прямо за людей-машинъ, которыхъ надо обязательно и насильственно поставить въ такія условія и дать имъ такія абсолютныя правила, чтобы они не разсуждали, не выбирали свои поступки, ничего не хотѣли и только тогда, когда отъ нихъ будутъ отняты всѣ средства грѣшить—они будутъ вести себя благоразумно и даже чувствовать то, что прикажетъ имъ гр. Толстой.

Спаситель всегда былъ болѣе высокаго мнѣнія о вѣрующихъ въ Него, Онъ считаетъ ихъ духовно-нравственными и разумными существами, осѣненными благодатію Божіей и просвѣщенными свѣтомъ истины; существами, которымъ даны совѣсть и свободный выборъ поступковъ. Идя жизненнымъ путемъ, они должны выказывать свои добрыя качества, преиспытавъ и переживъ всѣ соблазны и искушенія; чѣмъ болѣе предоставляется каждому соблазновъ и испытаній, черезъ которыя онъ выкажетъ свое благоразуміе и нравственность, тѣмъ лучше докажетъ совершенство своего развитія и будетъ имѣть болѣе заслуги передъ Богомъ. Человѣкъ, который не грѣшилъ только потому, что не имѣлъ возможности грѣшить, или дѣлалъ добро по естественному своему влеченію, или потому, что не могъ дѣлать иначе, не заслуживаетъ одобренія, надо, чтобы и добро дѣлалось по свободному произволенію и соблазны и искушенія избѣгались послѣ борьбы и работы надъ своей грѣшной природой. „*Какая заслуга огню, что жжетъ, или водѣ, что течетъ*“, говоритъ Св. Григорій Богословъ (III. 227).

Отсутствіе взаимной симпатіи и дружбы между супругами есть очень трудное испытаніе, посылаемое Богомъ грѣшному человѣку для его исправленія; тѣмъ не менѣе Богъ, зная нравственныя силы каждаго лучше его самого, никогда не посылаетъ испытанія свыше его силы, а потому каждый долженъ быть увѣренъ, что если онъ не выдержалъ и не устоялъ въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя посланы ему Богомъ, что онъ виновенъ предъ Нимъ, что онъ преступникъ воли Божіей и не получитъ уже отъ земной жизни той степени своего развитія и совершенства, которое онъ могъ бы получить. Всякая ссора между супругами имѣетъ прямымъ своимъ основаніемъ недостатокъ вѣры въ Бога, недостатокъ любви къ ближнему и есть отсутствіе взаимной уступчивости, происходящей отъ недостатка внутренняго душевнаго смиренія и покорности волѣ Божіей, ясно изобличающее порочность душъ.

Между истинно-вѣрующими и нравственно-развитыми людьми несомнѣнно не можетъ быть развода, ибо каждый изъ нихъ помнитъ слова Христа: *что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ*" (Матѳ. XIX. 6). Еще выше ставитъ Христосъ безбрачіе и окончательное дѣвство. (Матѳ. XIX. 12) но Господь никого не принуждаетъ къ нему, не возбраняя и брака. Онъ указываетъ только, что дѣвство предпочтительнѣе, конечно только для тѣхъ, которые могутъ вмѣсить; тѣ да вмѣщаютъ. (Матѳ. XIX. 12); но ни въ какихъ случаяхъ Христосъ не приказываетъ силой вести человѣка до исполненія его христіанскихъ обязанностей, какъ того требуетъ гр. Толстой, а потому для тѣхъ, которые самовольно нарушили своими дѣйствіями законы брака, тѣ, которые пошли прямо противъ воли Божіей и уже сами расторгли то, что Богъ сочеталъ, для тѣхъ, во избѣжаніе еще большихъ съ ихъ стороны преступныхъ дѣйствій, Христосъ даруетъ разрѣшеніе къ разводу, но предупреждаетъ, что тотъ, кто возьметъ подобнаго прелюбодѣя или прелюбодѣйку, тотъ дѣлается самъ соучастникомъ преступленія, такъ какъ препятствуетъ имъ одуматься, а можетъ быть и вторично соединиться.

Но гр. Толстой не признаетъ этого; онъ доказываетъ, что законъ Бога долженъ имѣть абсолютный смыслъ, что какъ въ первой заповѣди Церковь включила самовольно слово „напрасно", такъ и здѣсь придала словамъ „не за прелюбодѣяніе" условное значеніе, а слѣдовательно не то, которое оно должно имѣть.

Первое, на что онъ обращаетъ вниманіе—это неправильное будтобы размѣщеніе подлежащихъ и сказуемыхъ въ этомъ стихѣ Евангелія, и читаетъ лекцію грамматики, утверждая, что можно слово „не за прелюбодѣяніе" отнести такъ же къ женѣ, какъ и къ мужу; тогда выходило бы, что слова: „если мужъ разводится съ женой для прелюбодѣянія съ другой" были бы только дополненіями къ первой части стиха, и смыслъ всего стиха измѣнился бы съ положительнаго на отрицательный, т. е. разводъ былъ бы запрещенъ. Затѣмъ обращается къ еврейскому Евангелію и находитъ, что тамъ употреблено слово, которое въ прямомъ смыслѣ должно быть переведено словомъ распутство, а не словомъ прелюбодѣяніе; послѣ чего заключаетъ, что въ этомъ видѣ, т. е. выраженіе „не за распутство" должно непремѣнно уже относиться къ мужу, а не къ женѣ; это послѣднее даже не логично, ибо жена можетъ такъ же спутствовать, какъ и мужъ.

Эти доводы позволяютъ ему поставить свою перифразу словъ Христа, понятыхъ имъ будто-бы лучше, чѣмъ понимала ихъ Церковь, а именно: „не дѣлай себѣ потѣхи изъ похоти; всякій человѣкъ пусть имѣетъ жену, а жена мужа, и мужъ имѣй жену одну, жена имѣй одного мужа, и ни подъ какимъ предлогомъ не нарушайте плотскаго союза другъ съ другомъ“ (стр. 116).

Третья заповѣдь.

Третью заповѣдь гр. Толстой открылъ въ слѣдующихъ словахъ Христа: *Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не приступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои (Лев. XIX. 12. Второз. XXIII. 21). А Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно Престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго*“ (Матѳ. V. 33—37).

Ученіе Церкви признаетъ въ этихъ словахъ подтвержденіе третьей заповѣди Моисея, говорящей: „*не пріемли имени Господа Бога твоего всуе*“ и какъ бы слѣдствіе сего Христосъ запрещаетъ всѣ способы клятвы, какіе были въ употребленіи у древнихъ Евреевъ (Толк. Михаила Ев. Матѳ., стр. 102). Но очевидно, что Спаситель подъ этимъ запрещеніемъ не разумѣлъ клятвы законной,—какова присяга, ибо Самъ Онъ утвердилъ клятву на судѣ (Матѳ. XXVI. 63, 64).

Апостолъ Павелъ о клятвѣ говоритъ: *Богъ, давая обѣтованіе Аврааму, какъ не могъ ни кѣмъ высшимъ клясться, клялся Самимъ Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя, и размножая размножу тебя (Быт. XXII. 17). Люди клянутся высшимъ, и клятва во удостовѣреніе оканчиваетъ всякій споръ ихъ. Посему и Богъ, желая преимущественнѣе показать наслѣдникамъ обѣтованія непреложность Своей воли, употребилъ въ посредство клятву, дабы въ двухъ непреложныхъ вещахъ, въ которыхъ невозможно Богу солгать, твердое утѣшеніе имѣли мы, прибѣгшіе взяться за предлежащую надежду, которая для души есть какъ бы якорь безопас-*

ный и крѣпкій, и входитъ во внутреннѣйшее завѣсы, куда предтечею за насъ вошелъ Іисусъ, сдѣлавшись первосвященникомъ на вѣкъ по чину Мелхиседека (Евр. VI. 13, 14; 16—20).

Апостолы не разъ призывали Бога во свидѣтельство истины своихъ словъ, что есть очевидно тоже клятва; (см. Римл. IX. 1; I. 9; 2 Кор. I. 23, II. 17; Галат. I. 20; Филип. I. 8; 1 Солун. II. 5; Евр. VI. 16). *Клятвы были предписаны закономъ Моисея и Господь не отмѣнялъ ихъ.* (Исх. XXII. 11; Лев. V. 1; Числ. V. 19; Второз. XXXIX. 2—14), — *отмѣняются только клятвы пустыя, фарисейски-лицемѣрныя и легкомысленныя.*

Но гр. Толстой ни за что не могъ согласиться съ этимъ разъясненіемъ Церкви; онъ говоритъ: „не можетъ быть, чтобы рядомъ съ правилами, глубина и значеніе которыхъ ужасали и умиляли меня, вдругъ стояло такое не нужное (?), пустое, легкое и неимѣющее никакихъ, ни для меня, ни для другихъ, послѣдствій правило“ (стр. 117). Находя неумѣстное и несвоевременное употребленіе имени Бога пустымъ и для него не нужнымъ, онъ обратился къ болѣе важному, которое, по его мнѣнію, имѣетъ болѣе существенное значеніе, ибо вліяетъ на практическую жизнь человѣка, и спрашиваетъ самъ себя: „да не сказано ли тутъ то, что запрещается и та присяга, которую такъ старательно выгораживаютъ церковные толкователи? Не запрещена ли тутъ присяга, та самая присяга, безъ которой невозможно раздѣленіе людей на государства, безъ которой невозможно военное сословіе?“ (стр. 119). И этотъ вопросъ предрѣшилъ все дѣло; осталось гр. Толстому только подобрать доказательства. Подходящихъ доказательствъ онъ, конечно, не нашелъ въ Св. Писаніи, но это нисколько не удержало и не затруднило его дальнѣйшія открытія, ибо краснорѣчіе его всегда во время является на помощь. Гр. Толстой началъ съ описанія своего собственнаго взгляда на присягу и говоритъ, что будто бы всякая присяга приноситъ одинъ вредъ, объявляетъ, что и Сенека, и Эпиктетъ, законъ Ману и многіе другіе возставали противъ присяги: „отчего же, скажу я, восклицаетъ онъ, что и Христосъ не видѣлъ въ этомъ зла? Сказавъ ясно и достаточно: „не клянитесь вовсе“ (стр. 120) и вслѣдъ за рядомъ своихъ собственныхъ умозаключе-

ній, указывающихъ на практическую жизнь людей, не приводя ни одного доказательства изъ области Св. Писанія, гр. Толстой ставитъ въ слѣдующей редакціи свою третью заповѣдь, а именно: „не клянись никогда, никому и ни въ чемъ, всякая присяга вымогается отъ людей для зла“ (стр. 123). Такимъ образомъ третья его заповѣль открыта имъ даже безъ попытки найти подтвержденіе истинности ея въ Св. Писаніи.

Четвертая заповѣдь.

Четвертая заповѣдь была уже отчасти приведена выше; но придавая ей особое значеніе, по той степени важности, какую гр. Толстой ей приписываетъ, онъ вторично возвращается къ ней, говоря о другихъ заповѣдяхъ. Она основана на слѣдующихъ словахъ Евангелія: „*Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ.* (Исх. XXI. 24). *А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два. Просящему у тебя дай и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся*“ (Матѳ. V. 38—42).

На это гр. Толстой замѣчаетъ: „Слова эти всѣмъ ясны и очень нравятся, и всѣ дѣлаютъ, по случаю этихъ словъ, всякаго рода глубокомысленныя соображенія, за исключеніемъ одного: что слова эти имѣютъ тотъ самый смыслъ, который они имѣютъ (стр. 123 и 124). Стоитъ отнестись къ словамъ Христа только такъ, какъ мы относимся къ словамъ перваго встрѣчнаго человѣка, который съ нами говоритъ, т. е. предполагая, что онъ говоритъ то, что говоритъ, чтобы тотчасъ же устранилась необходимость всякихъ глубокомысленныхъ соображеній. Христосъ говоритъ: Я нахожу, что способъ обезпеченія вашей жизни очень глупъ и дуренъ. Я вамъ предлагаю совсѣмъ другой, и говоритъ: вы зломъ хотите уничтожить зло—это неразумно. Чтобы не было,—не дѣлайте сами зла. И потомъ Христосъ перечисляетъ всѣ случаи, въ которыхъ мы привыкли дѣлать зло, и гово-

ритъ, что въ этихъ случаяхъ не надо его дѣлать" (стр. 125, 126). Не приводя никакихъ другихъ доказательствъ, или доводовъ изъ ученія Христа на право подобнаго воззрѣнія, которое онъ всецѣло приписываетъ Самому Христу, а удовлетворившись этимъ совершенно голословнымъ умозаключеніемъ, онъ ставитъ свою редакцію четвертой своей заповѣди въ слѣдующихъ словахъ: Никогда силой не противься злому, насиліемъ не отвѣчай на насиліе: бьютъ тебя — терпи, отнимаютъ—отдай, заставляютъ работать—работай, хотятъ взять у тебя то, что ты считаешь своимъ — отдай (стр. 126).

Стоитъ ли и говорить, что и въ этой четвертой заповѣди повторяются всѣ тѣ же ошибки полнѣйшаго непониманія смысла ученія Христа: весь глубокій, внутренній духовный смыслъ Его святыхъ рѣчей извращенъ, изуродованъ собственными умозаключеніями безъ малѣйшаго поползновенія даже оправдать свои предположенія или плодъ своей фантазіи какими-либо доказательствами, почерпнутыми изъ Св. Писанія. Это просто адскій апломбъ и безграничная самоувѣренность, исключающіе всякую возможность своей погрѣшимости, открыто возстающіе на все, что непонятно и недоступно имъ, при полнѣйшемъ неуваженіи самой личности Христа Спасителя, которые позволяютъ ему относится къ словамъ Его, какъ бы онъ относился къ словамъ „всякаго встрѣчнаго человѣка".

Но, оставляя его убѣжденія и религіозные взгляды въ сторонѣ, — можно ли найти правильнымъ такое обращеніе со словами, не только Спасителя, но со словами любаго встрѣчнаго человѣка? Можно ли выхватить серединныя слова изъ книги, не понявъ, что раньше было говорено и не справившись, что будетъ послѣ сказано, и выражать о нихъ свое мнѣніе? Гр. Толстому понравились слова Христа „не противься злу", и онъ на этихъ однихъ словахъ составилъ всю свою собственную систему жизни и призналъ ее за систему, предлагаемую, будто бы, Христомъ, рѣшительно не заботясь о томъ, соотвѣтствуетъ ли она дѣйствительно ученію Христа.

Онъ говоритъ, что Христосъ пришелъ установить миръ и согласіе между людьми, установить Царство Небесное на землѣ и возможность счастливой и мирной жизни людей, и увѣряетъ, что

слова, „не противься злу“ должны непремѣнно клониться къ упрочиванію мира, а потому они должны значить: „вы зломъ хотите уничтожить зло — это неразумно; чтобы не было зла, — не дѣлайте сами зла“. Это чистѣйшій вымыселъ, и гр. Толстой не имѣлъ ни малѣйшаго права выдавать за слова Христа не только то, что Онъ не говорилъ, но то, что совершенно противорѣчитъ ученію Его.

Христосъ конечно, не могъ не видѣть зла въ мірѣ; но это зло Онъ никогда не признавалъ само по себѣ существующимъ въ мірѣ. Христосъ видѣлъ зло въ сердцѣ каждаго человѣка, или, лучше сказать, Онъ видѣлъ все несовершенство людей, всю ихъ порочность и грѣховность. Все ученіе Христа есть непосредственный рядъ указаній и вразумленій, вызывающихъ грѣшное и порочное человѣчество къ познанію истины; это познаніе истины есть единственный путь, черезъ который вѣрующіе въ Него пріобрѣтаютъ добрыя свои качества и развиваютъ въ себѣ добродѣтели, слѣдствіемъ чего и выходитъ уменьшеніе въ каждомъ изъ нихъ дурныхъ и страстныхъ наклонностей, т. е. того, что гр. Толстой называетъ зломъ.

Христосъ учитъ первымъ дѣломъ любить Бога и другъ друга, затѣмъ говоритъ, что Царство Небесное принадлежитъ: нищимъ духомъ, кроткимъ, алчущимъ и жаждущимъ правды, милостивымъ, людямъ съ чистымъ сердцемъ, миротворцамъ, и открываетъ людямъ многія другія средства исправленія и убѣждаетъ каждаго вѣрующаго упражнять и укоренять въ себѣ христіанскія добродѣтели и укрѣплять вѣру, ибо при этихъ только условіяхъ человѣкъ можетъ ожидать благодати Божій, осѣняющей его душу и способствующей тому благому развитію ея, при которомъ все злое и порочное не можетъ уже имѣть мѣста.

Можно-ли сказать огню—не жги, или водѣ—не теки, лжецу—не лги, фантазеру—не фантазируй, завистнику—не завидуй.—Какіе бы убѣдительные доводы мы не представляли имъ, они всегда останутся такими, ибо такова природа ихъ души, и захотѣть, чтобы они чувствовали и дѣлали иначе—значитъ захотѣть, чтобы они шли противъ своей природы. Надо-бы употребить какія-либо средства, чтобы они сами захотѣли измѣнить себя, чтобы сами вооружились на свою природу и усилинно работали-бы надъ измѣненіемъ ея. Даетъ-ли имъ гр. Толстой что-либо, что возбудило бы

въ нихъ охоту исправить себя, чтобы они могли вооружиться на самихъ себя и съ достаточной энергіей исполнить то, что гр. Толстой требуетъ отъ нихъ, т. е. не дѣлали-бы зла? Гр. Толстой не только ничего имъ въ этомъ случаѣ не совѣтуетъ, ничѣмъ не помогаетъ, никакъ не учитъ, не вразумляетъ, не уговариваетъ, но отвергаетъ и то, чему учатъ Христосъ и Церковь.

Спаситель говоритъ: „*Моя первая заповѣдь есть любовь*“; гр. Толстой говоритъ нѣчто совершенно противоположное, исключающее всякія христіанскія понятія о любви и добродѣтеляхъ вообще, а именно: „я тоже думалъ, говоритъ онъ, что любовь, но потомъ я увидѣлъ, что это быть не можетъ, ибо это заповѣдь древнихъ“ (стр. 94). „Любовь людей между собою не есть, какъ мнѣ прежде казалось, цѣль, къ которой должны стремиться люди, но что эта любовь людей между собой есть ихъ естественное блаженное состояніе, то, въ которомъ родятся дѣти и то, въ которомъ живутъ всегда люди до тѣхъ поръ, пока состояніе это не нарушается обманомъ, заблужденіемъ, соблазнами“ (стр. 329).

Спаситель учитъ сохранять чистоту души, вырабатывать внутреннее духовное пониманіе вещей и даетъ имъ заповѣди блаженства; всѣхъ же, обращающихъ исключительное вниманіе на внѣшнюю сторону жизни, уподобляетъ „*окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивы, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты*“ (Матѳ. XXIII. 27). Гр. Толстой говоритъ: „про заповѣди блаженства я слышалъ, мнѣ перечисляли ихъ въ преподавательномъ законѣ Божьемъ (стр. 95), но мнѣ нужны такія точныя и ясныя правила, исполняя которыя, я могъ бы прямо сдѣлаться христіаниномъ“.

Христосъ учитъ укрѣплять вѣру для усиленія благодатной силы Божіей, для чего, какъ лучшее средство, Церковь совѣтуетъ правильное и разумное исповѣдываніе вѣры, воздержаніе, посты, молитву и благочестивыя упражненія. Нѣтъ, говоритъ гр. Толстой, мнѣ этого совсѣмъ не нужно (стр. 9 и 13).

Если гр. Толстой отвергаетъ то, чему учитъ Христосъ и Церковь, какъ поборникъ практической человѣческой мудрости и разумности, зная слишкомъ хорошо всѣ слабыя струны порочнаго

человѣческаго сердца,—не предлагаетъ-ли онъ послѣдователямъ своимъ какой-либо приманки, чтобы расположить каждаго изъ нихъ покинуть свое зло; не предлагаетъ-ли онъ имъ что-либо ловкое, хитрое, умное, на что такъ падокъ современный человѣкъ, ибо иначе чѣмъ заставитъ онъ злаго человѣка не злиться, скупаго богача—не противиться тому, чтобы его обирали, и всѣхъ жить въ мирѣ между собой.—Напротивъ, гр. Толстой настолько увѣренъ въ себѣ и въ своемъ краснорѣчіи, что думаетъ и даже болѣе, онъ убѣжденъ, что заставитъ слѣдовать за собой толпы людей: „не только нашего христіанскаго міра, не имѣющихъ будто-бы никакого нравственнаго закона, но евреевъ, буддистовъ, магометанъ, усомнившихся въ истинности своего закона“ (стр. 321). Но чѣмъ? Чѣмъ же заставитъ или побудитъ гр. Толстой злое человѣчество бросить свое зло и слѣдовать его системѣ? Этого гр. Толстой совсѣмъ не поясняетъ.

Весь взглядъ гр. Толстаго касательно непротивленія злу есть одна сплошная несообразность и плодъ моментальной проходящей фантазіи. Первымъ нарушителемъ этого, выдуманнаго гр. Толстовымъ, основнаго закона непротивленія злу, является Самъ Христосъ, ибо все Его ученіе есть не только противленіе злу, но прямое искорененіе его изъ сердца людей.

Ни одинъ поступокъ человѣка, который только имѣетъ своимъ основаніемъ и внутреннимъ побужденіемъ одну чистую христіанскую любовь къ ближнему, не можетъ быть запрещаемъ закономъ Божьимъ,—въ какомъ бы видѣ онъ не проявился. Это, конечно, говорится только о такихъ поступкахъ, къ которымъ не примѣшано ни малѣйшее личное чувство, личный разсчетъ, личное тщеславіе, дружба или какое-либо пристрастіе къ одному человѣку, болѣе чѣмъ къ другому. При этихъ условіяхъ всякій христіанинъ обязанъ защищать обиженныхъ, защищать дѣла вѣры и благочестія, но въ то же время, конечно, не забывать, что и обижающій, хотя онъ порочный и грѣшный, но также человѣкъ,—твореніе Божіе, а слѣдовательно требующій и къ себѣ любви, помощи, поддержки и строгой справедливости. Поэтому въ этихъ дѣлахъ защищающій чьи-либо злыя дѣйствія, не долженъ впадать въ крайности, не долженъ увлекаться своею ролью покровителя и дозволить развиться въ себѣ какому-либо враждебному чувству, вродѣ

чувства мести или желаніемъ воздаянія за это злодѣяніе, ибо это онъ долженъ представить Богу—Единому Судьѣ Праведному, который Самъ сказалъ: „*Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ*“,—всякій-же христіанинъ долженъ лишь возстановить правду на сколько это ему возможно и постараться примирить стороны.

Не можетъ христіанинъ смотрѣть равнодушно на поруганіе святыни, на поруганіе правъ безпомощныхъ и на угнетеніе слабыхъ сильными, но вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановляя истину, онъ ни въ чемъ не долженъ уклоняться отъ ученія Христа, сказавшаго: „что не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные“.

Пятая заповѣдь.

Пятую заповѣдь гр. Толстой нашелъ возможнымъ открыть въ слѣдующихъ словахъ Христа: „*Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего* (Лев. XIX. 17, 18). *А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ, и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то-же-ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ-же-ли поступаютъ и язычники? И такъ, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный*“ (Матѳ. V. 43—48).

Пятую заповѣдь свою гр. Толстой открылъ по аналогіи и предчувствію; она труднѣй всѣхъ далась ему: „найдя простой и приложимый (къ земной жизни людей) смыслъ каждаго мѣста, начинающагося со ссылки на древній законъ, я предчувствовалъ, говоритъ гр. Толстой, такой же и въ этомъ“ (стр. 127).

Какъ ни страннымъ можетъ показаться, что человѣкъ развитой, пишущій ученые трактаты о преобразованіи всей жизни, пускаетъ въ ходъ свои предчувствія, инстинкты и, затѣмъ, руководствуясь этими только признаками, считаетъ себя обязаннымъ приступить къ насилованію смысла словъ ученія Христа, но однако приходится дѣйствительно прибѣгать къ совершенно новымъ спо-

собамъ, чтобы, по-заказу, во что бы то ни стало, открыть заповѣдь тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Гр. Толстому удалось уже четыре раза подъ рядъ послѣ каждой ссылки на древнее ученіе дать свои извращенія словъ Христа, которыя онъ и возводилъ въ степень заповѣдей; и если объясненіе этой пятой заповѣди и далось ему труднѣе всѣхъ предыдущихъ, за то и завела же она его въ гораздо болѣе отдаленныя дебри и трущобы заблужденія, чѣмъ всѣ остальныя.

Первое, что остановило его вниманіе и поставило его положительно въ тупикъ, это слова Христа: „*Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ и гонящихъ васъ*“ (Матѳ. V. 44).

Онъ никакъ не могъ и не хотѣлъ понять, что можно и должно любить враговъ, и притомъ любить ихъ безкорыстно, не для чего-нибудь, не питая ни малѣйшаго чувства непріязни, или затаенной злобы, или какой-нибудь вражды, а просто потому, что душа любящаго чиста и не можетъ не любить чего-либо сотвореннаго Богомъ, просто потому, что любовь—ея качество, ея свойство, и ненависти или злобы, или какихъ-либо другихъ подобныхъ чувствъ въ душѣ этой и признака нѣтъ. — И вотъ тутъ-то именно, гдѣ надо было понимать слова Христа въ прямомъ смыслѣ, совершенно безхитростно, гр. Толстой наотрѣзъ отказывается вѣрить имъ и ищетъ иносказаній, ищетъ какой-то потаенный отдаленный смыслъ.—„Любить враговъ“? удивляется онъ, „это было бы что-то невозможное. Это было одно изъ тѣхъ прекрасныхъ выраженій, на которыя нельзя иначе смотрѣть, какъ на указаніе недостижимаго нравственнаго идеала. Это было слишкомъ много или ничего. Не могъ Христосъ предписывать невозможное“, (стр. 128). „Христосъ неизвѣстно зачѣмъ наговорилъ много прекрасныхъ, но, собственно, пустыхъ и неприложимыхъ словъ“ (стр. 129).

Говоря съ такою дерзостью, гр. Толстой и не вспомнилъ, какъ относился Самъ Іисусъ Христосъ къ своимъ врагамъ, и къ своимъ мучителямъ, къ тѣмъ злодѣямъ, которые бичевали, истязали и, наконецъ, распяли Его на крестѣ. Была ли безконечно и безпредѣльно чистая любовь къ нимъ Христа омрачена какимъ-нибудь личнымъ чувствомъ, не смотря на то, что Онъ Самъ лично былъ единственною цѣлью ихъ злобы? Была ли Его любовь хотя

сколько-нибудь уменьшена не только видомъ, но и чувствованіемъ на себѣ всей силы ихъ звѣрской природы? Или, можетъ быть чувства безконечной жалости, состраданія и соболѣзнованія, которыя возбуждалъ въ Немъ видъ этой безобразной, грязной, дикой толпы, влекущей себя прямымъ путемъ въ пропасть нравственной гибели, покрывали или удваивали его страданія?— Но Онъ молился за нихъ Богу, не питая, конечно, ни малѣйшаго зародыша даже душевной злобы, ибо это чувство не могло быть знакомо Его Святой и Божественной природѣ. Онъ молился за нихъ на крестѣ всею силою Своей Божественной души, и оправдывая ихъ поступки передъ Богомъ, говорилъ: „*Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что творятъ*“ (Лука XXIII. 24).

Это и была та божественная молитва, это именно и былъ тотъ недостижимый для простыхъ грѣшныхъ людей духовный и нравственный идеалъ, къ которому долженъ стремиться каждый христіанинъ, но который можетъ быть слишкомъ труденъ для исполненія и недостигаемъ человѣкомъ немощнымъ и духовно-слабымъ, развѣ только въ извѣстной малой степени; тѣмъ не менѣе всякій христіанинъ обязанъ знать по крайней мѣрѣ, до какой степени можетъ доходить высшая христіанская добродѣтель, до какого предѣла можетъ доходить святое самопожертвованіе, которое совершено въ назиданіе людямъ Самимъ Богомъ, и относиться къ нимъ съ благоговѣніемъ и кротостію.

Но гр. Толстой не понимаетъ всего этого и прямо отрицаетъ всѣ эти чувства, и, исходя изъ той основной мысли, что враговъ любить нельзя, что Христосъ наговорилъ много „прекрасныхъ, но пустыхъ и неприложимыхъ словъ“, берется за еврейскій лексиконъ и начинаетъ перебирать слова и еврейскія значенія каждаго слова, стараясь уловить,—всѣ ли слова на своихъ мѣстахъ, и нельзя ли придать какому-нибудь изъ нихъ другаго значенія и, къ его удивленію, здѣсь этого не находитъ, ни къ чему придраться нельзя. Послѣ этого онъ обращаетъ вниманіе на переводы словъ: врагъ и ближній; слово врагъ ему ничего новаго не открываетъ; ищетъ слово ближній и находитъ, что по точному переводу значитъ землякъ, человѣкъ, принадлежащій къ одной національности; и этого одного, совершенно ничего не значущаго, объясненія слова „ближній“ было уже достаточно для гр. Толстаго, чтобы окончательно извратить весь смыслъ словъ

Христа и дать еще одну новую заповѣдь, а именно: услышанное имъ слово „національность“ заставляетъ его вспомнить, что въ Ветхомъ Завѣтѣ слово врагъ употреблялось иногда въ смыслѣ врага народнаго. Завладѣвъ словами „національность“ и „враги народа“, гр. Толстой пускаетъ въ ходъ силу своего пера, не заботясь о томъ, что Христосъ подъ словомъ „ближній“ понималъ совершенно не то, что хочетъ понимать гр. Толстой, т. е. не земляка, но всѣхъ людей вообще, весь христіанскій міръ, не вникаетъ въ то, что Христосъ никогда, ни однимъ словомъ Своего ученія не изобличилъ Своего желанія вмѣшиваться въ политическія дѣла государствъ и народностей, а слѣдовательно о какихъ-либо врагахъ народныхъ говорить ни въ какомъ случаѣ не могъ; рѣшительно не заботясь дать какія-либо болѣе вѣскія доказательства своимъ словамъ, какъ только свои житейскія и практическія соображенія, гр. Толстой ставитъ въ окончательной формѣ редакцію своей пятой заповѣди въ слѣдующихъ словахъ: „не дѣлать различія между своимъ и чужимъ народомъ и не дѣлать всего того, что вытекаетъ изъ этого различія, не враждовать съ чужими народами, не воевать, не участвовать въ войнахъ, не вооружаться для войны, а ко всѣмъ людямъ, какой бы они народности ни были, относиться такъ же, какъ мы относимся къ своимъ“ (стр. 134).

Никогда ничего подобнаго не говорилъ Христосъ, и въ этомъ случаѣ при составленіи этой заповѣди гр. Толстой и не пробовалъ ссылаться ни на какія слова Христа, изъ которыхъ могъ бы вывести что-либо подобное. Эта заповѣдь менѣе доказательна, чѣмъ всѣ другія, ибо она составлена даже безъ всякихъ попытокъ къ доказательству.

Шестая заповѣдь.

Можно было бы теперь подробно разобрать еще одно капитальное извращеніе гр. Толстымъ ученія Христа, но всякій, кто со вниманіемъ слѣдилъ до сихъ поръ за ходомъ опроверженій нашихъ, тотъ долженъ быть убѣжденъ, что за разборъ какого бы мѣста ученія Христа гр. Толстой ни взялся, онъ не въ состояніи судить о немъ правильно, ибо Христосъ училъ въ духѣ, гр. Толстой же судитъ по буквѣ; Христосъ училъ внутреннему душевному разви-

тію человѣка, — гр. Толстой ищетъ ясныхъ и точныхъ указаній для своей практической земной жизни; при такихъ крупныхъ разнорѣчіяхъ можетъ ли быть и рѣчь о соглашеніи деталей и подробностей ученія, а потому при изложеніи слѣдующаго извращенія мы будемъ очень кратки.

Дѣло въ томъ, что Христосъ сказалъ: „*И такъ будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ. Не судите и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете*“ (Лука VI. 36, 37). Или: „*Не судите, да не судимы будете. Ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы; и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить. И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь? Или какъ скажешь брату своему: дай, я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего*“ (Матѳ. VII. 1—5).

Гр. Толстой обращаетъ свое вниманіе на слова: „*не судите, да не судимы будете*“, и говоритъ, что они были бы очень пригодны къ проводимой имъ системѣ преобразованія земной жизни, если бы могли быть поняты въ прямомъ смыслѣ, ибо это было бы прямымъ осужденіемъ всѣхъ нашихъ судебныхъ палатъ, всѣхъ земскихъ, окружныхъ и мировыхъ судовъ, но, обращаясь ко всѣмъ толкователямъ, онъ находилъ все одно и то же, что Христосъ говоритъ не о судахъ, а объ осужденіи ближняго словами, о злословіяхъ и о людскихъ пересудахъ. Онъ самъ говоритъ, что обращался не только къ толкователямъ Православной Церкви, „но справлялся у греческихъ, католическихъ и протестантскихъ писателей, писателей тюбингенской школы и школы исторической. Всѣми, даже самыми свободномыслящими толкователями, слова эти понимаются какъ запрещеніе злословить“ (стр. 48, 49). „Всѣ богословы-толкователи упоминаютъ прямо о томъ, что въ христіанскихъ государствахъ суды должны быть и не противны закону Христа“ (стр. 49). И это иначе и быть не можетъ, ибо Апостолъ Павелъ о судахъ говоритъ: „*Развѣ не знаете, что святые будутъ судить міръ? Если же вами будетъ судимъ міръ, то неужели вы недостойны судить мало-*

важныя дѣла? Развѣ не знаете, что мы будемъ судить ангеловъ, не тѣмъ ли болѣе дѣла житейскія?" (I Коринѳ. VI. 1—3).

Но гр. Толстой не вѣритъ никому и желаетъ непремѣнно обогатить свое будущее общество еще новымъ закономъ; а потому обратился къ греческому Евангелію и, читая его, уже совершенно убѣдился, что рѣчь идетъ о судахъ вообще, и что эти слова Христа должны быть поняты, какъ безусловное запрещеніе всѣхъ судовъ и судебныхъ учрежденій.

И такъ гр. Толстой, изучивъ всѣ признанныя Церковью и непризнанныя Евангелія, проанализировавъ и провѣривъ все, что въ нихъ сказано, могъ извлечь для себя полезнаго и примѣнительнаго къ земной жизни только шесть положеній, которыя, по его мнѣнію, составляютъ краеугольный камень всего ученія Христа; онъ убѣжденъ, что все остальное ученіе Его есть подтвержденіе, дополненіе и разъясненіе ихъ. Они слѣдующія:

1) Живите въ мирѣ съ людьми, никогда своего гнѣва на людей не считайте справедливымъ. Впредь старайтесь уничтожить вражду между собой и людьми, чтобы она не разгоралась и не погубила васъ.

2) Не дѣлайте себѣ потѣхи изъ похоти и не нарушайте плотскаго союза другъ съ другомъ.

3) Не присягай никогда, ни въ чемъ. Всякая присяга вымогается для зла.

4) Никогда силой не противьтесь злому, хотятъ взять у васъ то, что вы считаете своимъ—отдайте.

5) Не дѣлайте различія между своимъ и чужимъ народомъ, не воюйте, не участвуйте въ войнахъ и не вооружайтесь для войны.

6) Не имѣйте судовъ.

Разборъ 6 заповѣдей гр. Толстаго.

Обративъ вниманіе на содержаніе этихъ заповѣдей гр. Толстаго, не трудно замѣтить, что только три изъ нихъ касаются личной жизни человѣка, — первая, вторая и четвертая; три же остальныя затрогиваютъ вопросы чисто государственные.

Разбирая три заповѣди первой категоріи, т.-е. касающіяся личной жизни людей, не трудно усмотрѣть, что онѣ совершенно не

имѣютъ и вида даже какого-либо нравственнаго ученія; онѣ стремятся дать какія-то наставленія для практическаго поведенія живя въ средѣ порочнаго и злаго человѣчества. Первая заповѣдь совѣтуетъ жить на столько въ мирѣ съ людьми, чтобы только вражда не разгоралась и не могла бы погубить враждующихъ; вторая— совѣтуетъ не нарушать какого-то плотскаго союза людей; третья— совѣтуетъ не противиться злу и отдавать безъ сопротивленія все, что захотятъ отъ него взять. Эти всѣ три заповѣди не болѣе какъ неудачные практическіе совѣты, какъ поступать каждому послѣдователю гр. Толстаго, находясь въ извѣстномъ положеніи, или при извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, но онѣ рѣшительно не поясняютъ, какъ слѣдуетъ намъ руководствоваться абсолютно, или условно, въ извѣстныхъ случаяхъ; напримѣръ: если миръ зависитъ не отъ одного только человѣка, но другой на миръ не согласенъ, а потому вражда разгорается; или: что надо дѣлать мужу, если жена его уже убѣжала съ другимъ; или можно ли противиться злу, хотя тогда, когда отнимаютъ самую жизнь человѣка — или и тогда надо смотрѣть покойно? Вообще возникла бы масса вопросовъ по одному уже существу самихъ заповѣдей, и всякій спросилъ бы: какъ довести себя до того, чтобы быть въ состояніи исполнять ихъ? Въ природѣ ли человѣка смотрѣть хладнокровно какъ отбираютъ его имущество, которое онъ пріобрѣталъ столько лѣтъ, смотрѣть хладнокровно и безразлично на измѣны жены, на обиды постороннихъ, съ вѣтру пришедшихъ и, конечно, порочныхъ и преступныхъ людей, ибо никто изъ добрыхъ не пойдетъ на это? Гдѣ взять силъ на подобныя дѣйствія, какъ выработать такое хладнокровіе и безразличіе, и, наконецъ, для чего это все нужно? Къ чему даетъ гр. Толстой эти заповѣди, если послѣ смерти всѣхъ ожидаетъ уничтоженіе?

Моусей передалъ своему, совершенно еще не образованному и неразвитому, народу 10-ть заповѣдей, изъ которыхъ шесть тоже переданы въ отрицательномъ смыслѣ, или съ запрещеніемъ худыхъ дѣлъ; двѣ переданы, имѣющими положительное значеніе, т.-е. повелѣвающими извѣстныя дѣянія; двѣ же первыхъ заповѣди придали полное значеніе всѣмъ остальнымъ и ту повелительную форму, которая была необходима для всего законоположенія. „*Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иные развѣ Мене*“, сказалъ Господь, т.-е. потому и должны были быть выполняемы эти

заповѣди евреями, что онѣ даны были имъ Богомъ; и дѣйствительно, всякій пойметъ, что никакого другаго разговора не могло быть съ полудикой толпой, кромѣ строгаго приказа. Однако и тутъ Богъ не умолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ и выяснилъ его, какъ оно ни кажется ясно само по себѣ; Онъ все-таки сказалъ имъ: *Я твой Богъ,—и эта причина для тебя должна быть достаточной, чтобы ты никого больше не слушался, никому не поклонялся и не служилъ, какъ только Мнѣ одному.* Гр. Толстой же, живя въ XIX столѣтіи послѣ Р. Х., поясняетъ своимъ послѣдователямъ меньше, чѣмъ Моусей за 5000 лѣтъ тому назадъ и не обращаетъ никакого вниманія на то, что уже Спаситель, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, нашелъ возможнымъ относиться къ вѣрующимъ въ Него, какъ къ вполнѣ разумнымъ существамъ, поощряя въ нихъ сознательную и осмысленную дѣятельность, училъ ихъ вникать во внутренній смыслъ жизни и во внѣшнюю сторону ея. Въ ученіи Христа мы уже не видимъ древней законодательной формы, начинающейся словами: „*ты не долженъ*“, но тонъ всегда возбуждающій и призывающій къ какой-нибудь нравственной дѣятельности. Онъ всегда говорилъ: „*ты долженъ*“. Осужденіе Христа чаще всего было направлено на тѣхъ, которые не сдѣлали какого-либо добра: „*алкалъ Я, а вы не дали Мнѣ пѣсть*“.—Грѣшникъ, котораго Христосъ обыкновенно обличалъ, это тотъ, который ничего не сдѣлалъ; означенная черта многократно выступаетъ въ Его притчахъ. Это священникъ и левитъ, которые прошли мимо, по другой сторонѣ; это богатый, о которомъ не повѣствуется никакого другаго злаго дѣла, какъ только то, что нищій лежалъ у воротъ его, покрытый язвами, которому, не смотря на это, ничего никто не далъ; это—слуга, который завернулъ въ платокъ порученные ему таланты,—это ничего не стоющій слуга, который сдѣлалъ только то, что составляло его обязанность. Кромѣ подобнаго, вполнѣ здраваго отношенія къ вѣрующимъ, Христосъ даетъ еще ясную и опредѣленную цѣль жизни, открывая людямъ ихъ безконечное загробное существованіе.

Послѣдователи же гр. Толстаго должны бы были просить его объяснить: къ чему будутъ они исполнять его три практическіе совѣта, непримѣнимые къ жизни того человѣка, который дѣйствительно ищетъ себѣ земнаго блага и счастья при полномъ убѣжденіи, что все его существованіе ограничивается земной жизнью и

послѣ смерти онъ подвергается уничтоженію? Неужели же можетъ считаться достаточной та конечная цѣль жизни, которая способствовала бы міровому прогрессу, принося ясныя и неоспоримыя мученія самому человѣку? Какъ можетъ человѣкъ изуродовать всю свою жизнь, умышленно наполнить ее разными непріятностями, трудностями и мученіями для того, чтобы способствовать какой-то вымышленной фикціи?—Гдѣ же въ этомъ счастье людей? спрашиваютъ гр. Толстаго. Міровой прогрессъ можетъ быть и будетъ процвѣтать и быстро подвигаться впередъ, но люди-то будутъ вѣчно мучиться и страдать совершенно непонятно для чего и зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ,—говоритъ онъ,—для будущихъ поколѣній;—за то въ будущемъ имъ лучше будетъ жить.—Но вѣдь будущія поколѣнія, когда сдѣлаются настоящими, будутъ такъ же страдать и мучиться, ибо будутъ опять жить для будущихъ, а не для себя, и такъ будетъ всегда до послѣдняго оставшагося на землѣ человѣка?—„И этому послѣднему будетъ все-таки лучше“, долженъ отвѣтить графъ Толстой.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ понять міровой прогрессъ, разсматриваемый отдѣльно отъ пользы и благоденствія людей? Имѣетъ ли какой-нибудь смыслъ міровой прогрессъ, если онъ не только не облегчаетъ жизнь людямъ, не даетъ имъ никакихъ лишнихъ удобствъ жизни, но, наоборотъ, если онъ только усложняетъ и отягчаетъ ихъ жизнь?

Мировымъ прогрессомъ называютъ относительное улучшеніе жизненныхъ условій на землѣ, происшедшее черезъ труды и стараніе къ тому самого человѣка; онъ познается сравненіемъ и сопоставленіемъ старыхъ условій жизни съ новыми. Возможно ли сравненіе, если человѣкъ не пользуется ими? Очевидно, что нѣтъ. Если же сравненія нѣтъ,—нѣтъ и самаго прогресса, такъ какъ онъ не можетъ имѣть абсолютнаго значенія, независимо отъ предоставляемыхъ имъ удобствъ жизни людей. Нельзя теоретически рѣшить, что эти условія жизни были бы лучше другихъ и стремиться установить ихъ взамѣнъ существующихъ, ибо при семъ родился бы совершенно естественный вопросъ: для всѣхъ ли людей хороши эти условія? или для какихъ именно людей пригодны они? Такъ какъ одно изъ главныхъ условій при семъ есть то, чтобы развитіе людей и привычки ихъ подходили подъ эти теоретически признанныя лучшими условія жизни, иначе эти улучшенныя условія жизни

будутъ для людей не удобствами, не облегченіями ихъ жизни, но причиной разнаго рода страданій. Попробуйте заставить дикаря снять свои звѣриныя шкуры, одѣть узкія европейскія платья и заставить его жить по-европейски, попробуйте заставить его промѣнять свою свободу, свое приволье, свою охоту за дикими звѣрями съ вѣчной опасностью для его жизни, въ которой онъ видитъ особое для себя наслажденіе,—на жизнь въ душномъ городѣ, на визиты и балы въ великосвѣтскихъ салонахъ съ обязательнымъ этикетомъ и приличіями,—будетъ ли такая жизнь для него удобствомъ?

Условія жизни могутъ быть очень хороши, но они будутъ въ состояніи дать облегченіе жизненнымъ условіямъ только въ томъ случаѣ, если будутъ соотвѣтствовать характеру людей, ихъ вкусамъ, ихъ привычкамъ и всему строю ихъ жизни, однимъ словомъ, если люди сжились съ ними, привыкли къ нимъ, если они сами на себѣ переиспытали ихъ, выбрали то, что имъ больше подходитъ; а слѣдовательно, если люди не живутъ въ этихъ условіяхъ, но только изъ принципа работаютъ надъ улучшеніемъ тѣхъ условій жизни, въ которыхъ сами никогда жить не будутъ и никто другой тоже не будетъ жить,—они работаютъ надъ нѣкоей фикціей, которая сама по себѣ существуетъ только въ ихъ воображеніи и которая рѣшительно никому ни для чего не нужна, и какъ она ни кажется реальной для неразвитыхъ умовъ, привыкшихъ къ олицетвореніямъ и уподобленіямъ, однако и они должны признать, что эта фикція исчезнетъ и пропадетъ безслѣдно, не оставя послѣ себя никакого слѣда и ничего ровно, когда наша планета будетъ въ концѣ своего существованія мало-по-малу замерзать, для того, чтобы окончательно погрузиться въ мракъ и перейти въ состояніе оледенѣнія.

Подумалъ ли объ этомъ гр. Толстой, давая своимъ послѣдователямъ ихъ конечную цѣль жизни? Можно безошибочно сказать, что она могла бы дать исходящую точку мышленія или удовлетворить идеямъ человѣчества только въ тотъ періодъ исторіи, когда не было еще Моусеева закона; но послѣ ученія Христа и при современномъ развитіи наукъ и философіи она не можетъ выдержать критики здраваго смысла.

Третья, пятая и шестая заповѣди гр. Толстаго, касающіяся государственнаго благоустройства, указываютъ прямо, на сколько мало понялъ онъ ученіе Христа, полагая, что Онъ когда-нибудь

послѣ смерти онъ подвергается уничтоженію? Неужели же можетъ считаться достаточной та конечная цѣль жизни, которая способствовала бы міровому прогрессу, принося ясныя и неоспоримыя мученія самому человѣку? Какъ можетъ человѣкъ изуродовать всю свою жизнь, умышленно наполнить ее разными непріятностями, трудностями и мученіями для того, чтобы способствовать какой-то вымышленной фикціи?—Гдѣ же въ этомъ счастье людей? спрашиваютъ гр. Толстаго. Міровой прогрессъ можетъ быть и будетъ процвѣтать и быстро подвигаться впередъ, но люди-то будутъ вѣчно мучиться и страдать совершенно непонятно для чего и зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ,—говоритъ онъ,—для будущихъ поколѣній;—за то въ будущемъ имъ лучше будетъ жить.—Но вѣдь будущія поколѣнія, когда сдѣлаются настоящими, будутъ такъ же страдать и мучиться, ибо будутъ опять жить для будущихъ, а не для себя, и такъ будетъ всегда до послѣдняго оставшагося на землѣ человѣка?—„И этому послѣднему будетъ все-таки лучше“, долженъ отвѣтить графъ Толстой.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ понять міровой прогрессъ, разсматриваемый отдѣльно отъ пользы и благоденствія людей? Имѣетъ ли какой-нибудь смыслъ міровой прогрессъ, если онъ не только не облегчаетъ жизнь людямъ, не даетъ имъ никакихъ лишнихъ удобствъ жизни, но, наоборотъ, если онъ только усложняетъ и отягчаетъ ихъ жизнь?

Мировымъ прогрессомъ называютъ относительное улучшеніе жизненныхъ условій на землѣ, происшедшее черезъ труды и стараніе къ тому самого человѣка; онъ познается сравненіемъ и сопоставленіемъ старыхъ условій жизни съ новыми. Возможно ли сравненіе, если человѣкъ не пользуется ими? Очевидно, что нѣтъ. Если же сравненія нѣтъ,—нѣтъ и самаго прогресса, такъ какъ онъ не можетъ имѣть абсолютнаго значенія, независимо отъ предоставляемыхъ имъ удобствъ жизни людей. Нельзя теоретически рѣшить, что эти условія жизни были бы лучше другихъ и стремиться установить ихъ взамѣнъ существующихъ, ибо при семъ родился бы совершенно естественный вопросъ: для всѣхъ ли людей хороши эти условія? или для какихъ именно людей пригодны они? Такъ

одно изъ главныхъ условій при семъ есть то, чтобы развитіе
и привычки ихъ подходили подъ эти теоретически признан-
лучшими условія жизни, иначе эти улучшенныя условія жизни

будутъ для людей не удобствами, не облегченіями ихъ жизни, но причиной разнаго рода страданій. Попробуйте заставить дикаря снять свои звѣриныя шкуры, одѣть узкія европейскія платья и заставить его жить по-европейски, попробуйте заставить его промѣнять свою свободу, свое приволье, свою охоту за дикими звѣрями съ вѣчной опасностью для его жизни, въ которой онъ видитъ особое для себя наслажденіе,—на жизнь въ душномъ городѣ, на визиты и балы въ великосвѣтскихъ салонахъ съ обязательнымъ этикетомъ и приличіями,—будетъ ли такая жизнь для него удобствомъ?

Условія жизни могутъ быть очень хороши, но они будутъ въ состояніи дать облегченіе жизненнымъ условіямъ только въ томъ случаѣ, если будутъ соотвѣтствовать характеру людей, ихъ вкусамъ, ихъ привычкамъ и всему строю ихъ жизни, однимъ словомъ, если люди сжились съ ними, привыкли къ нимъ, если они сами на себѣ переиспытали ихъ, выбрали то, что имъ больше подходитъ; а слѣдовательно, если люди не живутъ въ этихъ условіяхъ, но только изъ принципа работаютъ надъ улучшеніемъ тѣхъ условій жизни, въ которыхъ сами никогда жить не будутъ и никто другой тоже не будетъ жить,—они работаютъ надъ нѣкоей фикціей, которая сама по себѣ существуетъ только въ ихъ воображеніи и которая рѣшительно никому ни для чего не нужна, и какъ она ни кажется реальной для неразвитыхъ умовъ, привыкшихъ къ олицетвореніямъ и уподобленіямъ, однако и они должны признать, что эта фикція исчезнетъ и пропадетъ безслѣдно, не оставя послѣ себя никакого слѣда и ничего ровно, когда наша планета будетъ въ концѣ своего существованія мало-по-малу замерзать, для того, чтобы окончательно погрузиться въ мракъ и перейти въ состояніе оледенѣнія.

Подумалъ ли объ этомъ гр. Толстой, давая своимъ послѣдователямъ ихъ конечную цѣль жизни? Можно безошибочно сказать, что она могла бы дать исходящую точку мышленія или удовлетворить идеямъ человѣчества только въ тотъ періодъ исторіи, когда не было еще Моусеева закона; но послѣ ученія Христа и при современномъ развитіи наукъ и философіи она не можетъ выдержать критики здраваго смысла.

Третья, пятая и шестая заповѣди гр. Толстаго, касающіяся государственнаго благоустройства, указываютъ прямо, на сколько мало понялъ онъ ученіе Христа, полагая, что Онъ когда-нибудь

касался обще-государственныхъ вопросовъ. Это одно уже показываетъ, насколько сущность этихъ трехъ заповѣдей удалилась отъ истиннаго смысла ученія Христа; ибо Христосъ ни однимъ словомъ Своего ученія не коснулся ни разу государственныхъ или административныхъ порядковъ страны. Какъ далекъ онъ былъ отъ этого,— видно изъ слѣдующихъ словъ Его ученія: „*Тогда говоритъ имъ: и такъ отдавайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу*“ (Матѳ. XXII. 21). Или въ другомъ мѣстѣ онъ сказалъ: „*Царство Мое не отъ міра сего: если бы отъ міра сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ Іудеямъ: но Царство Мое не отсюда. Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего*“ (Іоан. XVIII. 36, 37).

Апостолъ Павелъ о семъ говоритъ ясно: „*Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея. Ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ, онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите: ибо они Божіи служителя, симъ самымъ постоянно занятые. И такъ отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь* (Римл. XIII. 1—7).

Не ясно ли доказываютъ эти слова Св. Писанія, на сколько ошибается гр. Толстой, полагая, что Христосъ когда-либо касался вопросовъ обще-государственныхъ. Отчасти гр. Толстаго заставили придти къ такому ложному пониманію ученія Христа невѣрно составленныя имъ заповѣди на совершенно не понятыхъ имъ словахъ Спасителя, отчасти его собственныя умозаключенія, имѣющія своей исходной точкой опять невѣрное мнѣніе, что Христосъ будто бы пришелъ на землю, чтобы на ней основать Царство Небесное; но во всякомъ случаѣ мнѣніе это выражено имъ совершенно ясно и опредѣленно: „Напрасно говорятъ, что ученіе христі-

анское касается личнаго спасенія, а не касается вопросовъ общихъ, государственныхъ, говоритъ онъ. Это только смѣлое и голословное утвержденіе самой очевидной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли объ этомъ" (стр. 30, 31).

Это одно изъ весьма крупныхъ заблужденій гр. Толстаго, на которомъ, впрочемъ, онъ не останавливается и указываетъ на великій соціалистическій или коммунистическій примѣръ, который подалъ будто бы Самъ Христосъ для назиданія людямъ, уча ихъ какъ надо практично жить на землѣ.

Такое заключеніе гр. Толстой выводитъ изъ слѣдующаго мѣста Евангелія: „*Іисусъ, возведши очи и увидѣвъ, что множество народа идетъ къ Нему, говоритъ Филиппу: гдѣ намъ купить хлѣбовъ, чтобы ихъ накормить? Говорилъ же это, испытывая его; ибо самъ зналъ, что хотѣлъ сдѣлать. Филиппъ отвѣчалъ Ему; имъ на двѣсти динаріевъ не довольно будетъ хлѣба, чтобы каждому изъ нихъ досталось хотя по немногу. Одинъ изъ учениковъ Его, Андрей, братъ Симона Петра, говоритъ Ему: здѣсь есть у одного мальчика пять хлѣбовъ ячменныхъ и двѣ рыбки; но что это для такого множества? Іисусъ сказалъ: велите имъ возлечь. Было же на томъ мѣстѣ много травы. И такъ возлегло людей числомъ около пяти тысячъ. Іисусъ, взявъ хлѣбы и воздавъ благодареніе, раздалъ ученикамъ, а ученики возлежавшимъ, такъ же и рыбы, сколько кто хотѣлъ. И когда насытились, то сказалъ ученикамъ Своимъ: соберите оставшіеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двѣнадцать коробовъ кусками отъ пяти ячменныхъ хлѣбовъ, оставшимися у тѣхъ, которые ѣли. Тогда люди, видѣвшіе чудо, сотворенное Іисусомъ, сказали: это истинно тотъ пророкъ, которому должно прійти въ міръ*" (Іоанн. VI. 5—14).

Это одно изъ тѣхъ премудрыхъ чудесъ, которыя являлъ Христосъ людямъ для укрѣпленія въ нихъ вѣры въ Себя, для указанія имъ силы Божіей черезъ дѣла, которыя никогда никто не творилъ въ мірѣ и творить не можетъ, а потому, видя Бога, сошедшаго къ нимъ съ небесъ, должны были вѣровать, преклоняться предъ Нимъ и принимать Его ученіе. Христосъ самъ сказалъ: „*Если бы я не пришелъ, и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха; а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ. Если бы я не творилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли*

бы грѣха; а теперь и видѣли и возненавидѣли и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное въ законѣ ихъ: возненавидѣли Меня напрасно“ (Іоанн. XV. 22, 24, 25).

Накормить пять тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами и при томъ такъ, чтобы осталось двѣнадцать корзинъ—есть чудо изъ чудесъ, которое могъ сдѣлать только Богъ для явленія Себя. Апостолъ ясно говоритъ, что больше ни у кого ничего не было и что этимъ чудомъ народъ былъ пораженъ и призналъ Христа за пророка, которому надлежало придти въ міръ.

Но гр. Толстой не признаетъ чудесъ, — онъ видитъ въ этомъ фактѣ совершенно другой смыслъ, примѣнительный къ практической жизни людей; онъ видитъ въ немъ разрѣшеніе великой соціалистической и коммунистической задачи раздѣленія между людьми заработка и имущества. Онъ говоритъ: „Надо было накормить тысячи людей. Ученикъ Христа сказалъ Ему, что видѣлъ у одного человѣка нѣсколько рыбъ; у учениковъ тоже было нѣсколько хлѣбовъ. Іисусъ понялъ, что у людей, пришедшихъ издалека, у нѣкоторыхъ есть съ собой пища, а у нѣкоторыхъ нѣтъ. Если бы Христосъ не сдѣлалъ того, что Онъ сдѣлалъ, т.-е. чудо насыщенія тысячей народа пятью хлѣбами, то было бы то, что происходитъ теперь въ мірѣ. Тѣ, у которыхъ были запасы, съѣли бы то, что у нихъ было; съѣли бы все черезъ силу даже, чтобы ничего не оставалось. Скупые, можетъ быть, унесли бы свои остатки. Тѣ, у которыхъ ничего не было, остались бы голодными, съ злобной завистью смотрѣли бы на ядущихъ, а можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ утащили бы у запасливыхъ и произошли бы ссоры и драки, и одни пошли бы домой пресыщенные, другіе — голодные и сердитые; было бы то же самое, что происходитъ въ нашей жизни. Но Христосъ зналъ, что Онъ хотѣлъ сдѣлать (какъ и сказано въ Евангеліи), Онъ велѣлъ всѣмъ своимъ сѣсть кругомъ и научилъ учениковъ предлагать другимъ то, что у нихъ было, и говорить другимъ, чтобы они дѣлали тоже. И тогда вышло то, что, когда всѣ тѣ, у которыхъ были запасы, сдѣлали то же, что ученики Христа, т.-е. свое пред-

лагали другимъ, то всѣ ѣли въ мѣру и когда обошли кругъ, то досталось и тѣмъ, которые не ѣли сначала. И всѣ насытились, и осталось еще много хлѣба, такъ много, что собрали еще 12 корзинъ. Христосъ учитъ людей, что такъ сознательно они должны поступать въ жизни потому, что таковъ законъ человѣка и всего человѣчества. Трудъ есть необходимое условіе жизни человѣка. И трудъ же даетъ благо человѣку. И потому удержаніе отъ другихъ людей плодовъ своего или чужаго труда препятствуетъ благу человѣка. Отдаваніе своего труда другимъ содѣйствуетъ благу человѣка" (стр. 275—277).

Это, по истинѣ ужасное, извращеніе слова Божія и совершенно произвольное толкованіе факта, до котораго онъ дошелъ абсолютнымъ пренебреженіемъ того смысла, который придали Евангелисты, излагая это чудо Господне. Впрочемъ, понимать чудеса Господни дано не всякому, и тѣ, *у которыхъ сердце окаменѣло* (Марк. VI. 52), ни въ какомъ случаѣ понять его не могутъ,—это естественно.

Неестественно также и далеко неразумно браться за осужденіе тѣхъ чужихъ мыслей и фактовъ, которыхъ человѣкъ самъ еще не понялъ и видѣть разрѣшеніе задачъ обще-государственныхъ, соціалистическихъ и коммунистическихъ тамъ, гдѣ ихъ совершенно нѣтъ и быть не можетъ.

Все ученіе Христа объемлетъ исключительно одно личное спасеніе людей. Главная цѣль Его пришествія было установленіе Царства Бога въ сердцахъ людей, внутри ихъ. Приказывая воздавать Кесарево Кесарю, а Богу Божіе,—не ясно ли Христосъ приказываетъ каждому вѣрующему подчиняться всѣмъ властямъ и государственнымъ порядкамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, параллельно этому, и развивать свои духовно-нравственныя силы, т.-е. умѣть согласить требованія своей духовной стороны съ требованіями практической своей жизни, требованія Бога—съ требованіями міра и своей матеріальной природы. Это какъ разъ и есть тотъ самый камень преткновенія, о которомъ гр. Толстой самъ себя разъ десять спрашиваетъ, не умѣя отвѣтить: долженъ ли онъ служить Богу или „тогу". — Мы ему теперь подскажемъ, *что развитой человѣкъ долженъ сгумѣть помирить оба требованія, на то и дана ему*

двойственная природа, состоящая изъ тѣла и души, изъ разума и нравственности; онъ долженъ видѣть въ каждомъ изъ этихъ двухъ требованій совершенно особый смыслъ и особыя сущности, которыя не смѣшиваются вмѣстѣ, какъ масло съ водой: однако оба одинаково необходимы для успѣшнаго развитія человѣка; человѣкъ же неразвитой, не умѣющій помирить ихъ, выбираетъ одно изъ нихъ и именно то, которое ему болѣе подъ силу и, конечно, приходится ему служить „т о г у“, такъ какъ Бога понять въ той степени, которая была бы при семъ необходима, онъ тоже не въ силахъ.

Вообще надо сказать, что если бы гр. Толстой болѣе понималъ ученіе Христа, больше бы вникъ въ значеніе государства въ примѣненіи къ практической жизни и смотрѣлъ бы на вещи съ меньшимъ количествомъ предвзятыхъ идей, то онъ не могъ бы винить ни Церковь, ни государственный строй въ нелогичности и непослѣдовательности, которыя онъ такъ ясно видитъ въ современной жизни людей, но которымъ онъ никакъ не можетъ найти причины. Гр. Толстой требуетъ, чтобы Церковь вела вѣрующихъ силой по пути спасенія къ нравственному ихъ развитію; чтобы государство не воевало, находясь между враждебнымъ ему народами; чтобы не отбирало присяги, управляя порочнымъ и лживымъ народомъ и уничтожило бы всѣ свои суды, и рѣшительно не хочетъ попробовать вникнуть въ эти вопросы глубже, отдѣлить причину и слѣдствія и спросить себя: потому ли только народъ судится въ судахъ, что суды существуютъ, или потому, что онъ пороченъ? Если бы не было порочныхъ людей, некого было бы и судить, и тогда суды сами собой бы упразднились; то же надо сказать и о войнахъ и о всемъ строѣ жизни современнаго человѣчества.

Подумалъ ли гр. Толстой, на сколько улучшились бы государственные порядки, если бы люди сами стали нравственнѣе, руководствовались бы болѣе ученіемъ Христа,—и не въ такомъ видѣ, какъ его понялъ гр. Толстой, но въ истинномъ его смыслѣ, т.-е. со стороны внутренней, духовной; если бы они поняли его просто, какъ дѣти, со слѣпой вѣрой и полнымъ самоотверженіемъ взялись бы за исполненіе законовъ и порядковъ своей страны; не показались бы тѣ же самые законы во сто кратъ премудрѣй и порядки неизмѣримо лучше? Тѣ же самые законы, но выполняемые болѣе нравственными людьми, были бы совершенно неузнаваемы и самъ

гр. Толстой пришелъ бы къ убѣжденію, что ничто не въ состояніи дать болѣе полезныхъ дѣятелей отечеству, какъ ученіе Христа, но не путемъ передѣлки государственныхъ законовъ, не путемъ какихъ-то насилій, которыхъ онъ требуетъ отъ Церкви, а черезъ улучшеніе сердца каждаго отдѣльнаго члена ея.

Но кромѣ того: *„нѣтъ власти не отъ Бога“*, говоритъ Апостолъ; слѣдовательно не одно наше духовное воспитаніе производится подъ непосредственнымъ попеченіемъ Промысла Божія черезъ исполненіе ученія Христа, но и все разумное воспитаніе наше, пріобрѣтаемое черезъ примѣненіе знаній и способностей къ практической жизни на землѣ, къ установленію и сохраненію отношеній между людьми и къ борьбѣ съ окружающей природой,—находится одинаково подъ безконечно предусмотрительнымъ, но скрытымъ отъ насъ, Промысломъ Божіимъ, правящимъ вселенной, отдѣльными государствами, народами, семьями, личностями, каждою тварью и каждымъ явленіемъ природы. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что всякій неповинующійся властямъ, остающійся недовольнымъ порядками страны, возстаетъ противъ воли Божіей, ибо Самъ Богъ поставилъ людей, имѣющихъ власть, черезъ Помазанника Своего надъ другими людьми и допустилъ, благословилъ и освятилъ тѣ порядки, которые существуютъ.

Во времена Апостоловъ появлялись тоже мнимые ревнители свободы, которые отрицали право всякой человѣческой власти и старались внушать другимъ непокорность гражданскому начальству. Это побуждало Апостоловъ еще настойчивѣе говорить о повиновеніи всякой законной власти въ мірѣ. Они не щадили подобныхъ лжесловесниковъ и разоблачали нечистоту и низость ихъ побужденій и намѣреній. Это, писали они, люди своевольные и дерзкіе, сорники и сквернители, употребляющіе свои обманы для самоугожденія. Они прельщаютъ неутвержденныя души; сердце ихъ пріучено къ любостяжанію. Это — сыны проклятія. Произнося надутое пустословіе, они уловляютъ въ плотскія похоти и развратъ тѣхъ, которые едва отстали отъ находящихся въ заблужденіи. Обѣщаютъ имъ свободу, сами будучи рабами тлѣнія (2 Петр. II. 10, 13, 14, 18, 19). Это мечтатели, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти. Это ропотники, ничѣмъ не довольные, поступающіе по своимъ похотямъ. Уста ихъ произносятъ надутыя слова; они оказываютъ лицемѣріе для корысти

(Іуд. I. 8, 16). Самая рѣзкость обличеній показываетъ, въ какой степени обличаемое лжеученіе противно ученію истинно-христіанскому. Апостолы, очевидно, съ особенною настойчивостью старались предохранить вѣрующихъ отъ всякихъ мечтательныхъ, или изобрѣтаемыхъ своеволіемъ, теорій общественной жизни, указывая на законъ соединенія людей подъ властію, какъ на законъ Самого Бога. Свободное и искреннее, по совѣсти, повиновеніе власти, по ученію ихъ, составляетъ для христіанъ чисто нравственный долгъ, исполненіе котораго есть добродѣтель, а нарушеніе—грѣхъ. (Очер. Нрав. учен. Ѳаворова 196, 197.)

Не должны ли послѣ того люди, власть не имѣющіе, со смиреніемъ подчиняться и исполнять всѣ законы страны безпрекословно, ибо они не могутъ и не должны сомнѣваться, что всѣ они наилучшіе, наиполезнѣйшіе для нихъ, что никакихъ другихъ и быть не можетъ, ибо они поставлены Самимъ Богомъ и не болѣе какъ видимыя выраженія Его Святой воли.

Люди, власть имѣющіе, должны радѣть о нуждахъ подвластныхъ имъ лицъ; они должны напрягать весь свой разумъ, свои знанія, практичность и опытность на пользу дѣла и благо людей; должны молить Бога о помощи и во всемъ руководствуясь тѣми сѣменами добра, которыя вложены въ ихъ сердце ученіемъ Христа, составлять свои соображенія и предположенія о преобразованіи общественной жизни, объ улучшеніи общественныхъ порядковъ и государственнаго строя, но должны быть увѣрены, что изъ всѣхъ этихъ проэктовъ и предположеній будутъ одобрены Помазанникомъ Божіимъ и введены въ странѣ только тѣ изъ нихъ, которые благословятся и освятятся Самимъ Богомъ,—Единымъ Правителемъ міра.—Безъ Его всеобъемлющей воли ничего, даже самое мельчайшее, совершиться не можетъ; а потому всѣ существующіе порядки страны и всѣ законы должны быть священны для всѣхъ одинаково, какъ для людей не имѣющихъ власти, такъ и для тѣхъ, которые власть имѣютъ, и эти послѣдніе, руководствуясь только ими, должны выказывать всю свою мудрость, разумную предупредительность и все свое нравственное развитіе, черезъ пользу, приносимую ими какъ людямъ имъ подвластнымъ, такъ и всей странѣ.

Какъ ни трудно людямъ подчиняться властямъ со смиреніемъ и покорностію, однако властвовать съ достоинствомъ и мудростію, не преступая законы совѣсти,—еще гораздо труднѣй; тѣмъ не

менѣе никто не долженъ завидовать другъ другу, или спрашивать,—зачѣмъ онъ поставленъ въ одно положеніе, а не въ другое, но долженъ вѣровать, что если Богъ такъ рѣшилъ, слѣдовательно это должно имѣть достаточно основаній, которыхъ человѣкъ самъ, по своей ограниченности, ни видѣть, ни понять не можетъ. Никто изъ изучающихъ что-либо не можетъ знать, для чего это изучаемое современемъ ему пригодится, и въ какихъ случаяхъ жизни можетъ ему понадобиться,— онъ всегда долженъ полагаться на учителя, вѣрить и повиноваться ему; а если это такъ для предметовъ земныхъ, то подавно должно имѣть еще большее значеніе въ примѣненіи къ духовнымъ, и никто не имѣетъ права самовольничать въ странѣ, противиться порядкамъ и требовать отмѣны для себя присяги, отказываться идти на войну, или не подчиняться судамъ, какъ того требуетъ гр. Толстой, ибо всякій противящійся земнымъ законамъ—противится волѣ Божіей. Когда приходили мытари и воины креститься къ Іоанну Крестителю и спрашивали: что намъ дѣлать?—Онъ не говорилъ имъ: бросьте ваше ремесло,— не говорилъ имъ—не присягайте, не воюйте, не судите, не собирайте подати,—но внушалъ имъ добросовѣстное отношеніе къ ихъ обязанностямъ,—*„Пришли и мытари креститься, и сказали ему: „Учитель! что намъ дѣлать?“ Онъ отвѣчалъ имъ: „Ничего не требуйте болѣе опредѣленнаго вамъ“. Спрашивали его также и воины: „а намъ что дѣлать?“ И сказалъ имъ: „никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ“*(Лука III. 12—14)

Въ подобнаго рода крупномъ заблужденіи своемъ гр. Толстой идетъ и далѣе, и съ величайшей самоувѣренностью и убѣдительностью, но совершенно бездоказательно, приписываетъ Спасителю и пророкамъ такія мысли и мнѣнія, которыя идутъ окончательно въ разрѣзъ со всѣмъ ихъ ученіемъ, совсѣмъ не соотвѣтствуя тому коренному значенію, которое придавалъ Христосъ нашей земной жизни. А именно: гр. Толстой говоритъ: „Мы очень хорошо знаемъ, что ученіе Христа всегда обнимало и обнимаетъ, отрицая ихъ, всѣ тѣ заблужденія людскія, тѣ „тогу“—пустые идолы, которые мы, назвавъ ихъ Церковью, государствомъ, культурою, наукой, искусствомъ, цивилизаціей, думаемъ выгородить изъ ряда заблужденій. Но Христосъ противъ нихъ-то и говоритъ, не выгораживая никакихъ „тогу“. Не

только Христосъ, но и всѣ пророки еврейскіе, Іоаннъ Креститель, всѣ истинные мудрецы міра, объ этой-то самой Церкви, объ этомъ-то самомъ государствѣ, объ этой-то самой культурѣ, цивилизаціи и говорятъ, называя ихъ зломъ и погибелью людей" (стр. 59, 60).

Для того, чтобы такъ говорить, надо быть увѣреннымъ, что или Богъ можетъ идти противъ Самого Себя, или что Онъ бросилъ вселенную на ея собственный произволъ; но ни того, ни другаго не можетъ допустить человѣкъ мало-мальски вѣрующій въ Бога, и могущій хотя отчасти составить себѣ представленіе о всеобъемлющемъ значеніи Бога въ Его дѣлахъ; для нихъ всѣ эти слова должны на первый даже взглядъ показаться очевиднымъ абсурдомъ. Если всѣ условія существованія и самая жизнь всякой былинки, всякой инфузоріи предусмотрѣны безконечной благостью Божіей,—то неужели же можетъ кто-нибудь допустить, что не всѣ обстоятельства жизни нашей были бы освящены и благословлены, или просто допущены Богомъ?

Вся культура наша, успѣхи наукъ и искусствъ, вся цивилизація, а подавно сама Церковь и государство, находятся подъ непосредственнымъ попеченіемъ Бога, и ничего, не только вреднаго для человѣка въ нихъ быть не можетъ, но надо строго и отчетливо вѣровать, что для развитія человѣчества, каждаго общества, каждаго кружка и каждой отдѣльной личности никакого лучшаго порядка, никакихъ лучшихъ обстоятельствъ и быть не можетъ, какъ только тѣ, которые даны ему Самимъ Богомъ, и ничто не въ состояніи способствовать его внутреннему и духовному развитію болѣе того, что опредѣлено ему Самимъ Богомъ, и каждый обязанъ съ покорностью и вѣрой въ Бога стараться оправдать свою задачу жизни и выполнить ее по возможности лучше, слѣдуя указаніямъ своей совѣсти, и только въ этомъ стремленіи и состоитъ все назначеніе человѣка на землѣ и вся цѣль его жизни.

Заблужденія гр. Толстаго весьма ясны: онъ смотритъ на земную жизнь людей, какъ на окончательную форму ихъ бытія; съ прекращеніемъ же земной жизни все для человѣка кончается и его личность предается уничтоженію; а слѣдовательно, по его мнѣнію, выходитъ, что если человѣкъ долженъ когда-либо вкусить то [illegible]аженство, которое ему обѣщано Богомъ, тоъ онъ долженъ его

непремѣнно вкусить здѣсь на землѣ, ибо отъ неба онъ ничего не ожидаетъ для себя, поэтому онъ и старается себя увѣрить, что то, что онъ имѣетъ въ настоящее время, и есть то именно блаженство, которое обѣщано Богомъ. Христосъ же учитъ смотрѣть на настоящую жизнь, какъ на предуготовленіе своей будущей загробной жизни въ Царствѣ Бога на небѣ, и она должна считаться переходной формой отъ одной жизни къ другой; а потому, чѣмъ больше представляется человѣку въ ней нравственныхъ и духовныхъ упражненій и испытаній, тѣмъ должно считать жизнь полнѣе и полезнѣе для него; о блаженствѣ же на землѣ и разговора никакого быть не можетъ,— его получитъ человѣкъ на небѣ и именно только тотъ, кто заслужитъ его.

Христосъ сказалъ: „*Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?*“ (Матѳ. XVI. 26).—Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что все свое земное благополучіе надо пріобрѣтать никакъ не въ ущербъ небесному, или даже больше, что земными благами надо пользоваться только тѣми, черезъ которыя мы можемъ ожидать себѣ нравственной пользы. Вопросъ лишь въ томъ, что нужно дѣйствительно человѣку для того, чтобы извлечь для себя наибольшую нравственную пользу отъ земной его жизни? Отвѣтъ на него ясенъ: безпрекословное исполненіе воли Божіей и окончательная покорность Его Святымъ предначертаніямъ, ибо самъ человѣкъ никакъ своей пользы знать не можетъ,—Богъ одинъ знаетъ, а потому и даетъ ее, ибо Онъ всеблагъ.

Если бы Богъ желалъ дѣйствительно устроить Царство Свое на землѣ, т.-е. такое Царство, какое себѣ рисуетъ гр. Толстой, въ смыслѣ общаго матеріальнаго благосостоянія и довольства всѣхъ людей, то нужно ли было Ему посылать Сына Своего просить людей о какой-то помощи и какой-то жертвы, въ которую должны принести себя всѣ люди, существа живыя, для какой-то несуществующей фикціи, для олицетвореннаго гр. Толстымъ міроваго прогресса. Вообще Богъ никогда не требовалъ никакихъ жертвъ отъ человѣка, даже по отношенію къ Самому Себѣ. Не Самъ ли Христосъ сказалъ: „*Пойдите, научитесь, что значитъ: милости хочу, а не жертвы?*“ (Матѳ. IX. 13),—а подавно это должно относиться до предмета неодушевленнаго, несуществующаго на самомъ дѣлѣ, и рѣшительно ни для кого не нужнаго, если никто изъ живущихъ имъ пользоваться не можетъ.

Матеріальное благосостояніе Богъ могъ бы доставить людямъ чрезвычайно легко, ибо всемогуществу Его нѣтъ предѣла (вспомнимъ, что нѣсколько хорошихъ и во время посланныхъ дождей устанавливаютъ урожай зерноваго хлѣба вмѣсто средняго—высшій. На площадь же одной Россіи разница между среднимъ и высшимъ урожаемъ свыше 5-ти милліардовъ рублей серебромъ, не считая сѣнокосовъ, урожая плодовъ и фруктовъ, огородовъ и плантацій). Но вопросъ въ томъ,—находитъ ли Богъ это полезнымъ для каждаго? Можно съ увѣренностью сказать, что если Онъ не даетъ этого людямъ, слѣдовательно не находитъ это для нихъ полезнымъ. Можетъ быть Его благая предусмотрительность предвидитъ, что отъ чрезмѣрнаго богатства развилась бы излишняя праздность, лѣнь, равнодушіе къ своей жизни, ко всему нравственному, духовному; или упадокъ вѣры и благочестія, а какъ слѣдствіе всего этого, произошло бы усиленіе пороковъ и преступленій. Сытая и спокойная жизнь не всѣмъ полезна, разбирая, конечно, вопросъ со стороны нравственнаго развитія человѣка. Богатство есть своего рода очень трудное испытаніе, посылаемое небольшему числу людей; оно гораздо труднѣе, чѣмъ бѣдность и нищета, а сколькіе сами для себя желали бы богатства, нисколько не заботясь о томъ, что они могли бы пасть подъ бременемъ этого непосильнаго для нихъ испытанія,—они могли бы забыть Бога, увлечься своимъ богатствомъ и нравственно сдѣлаться хуже, а слѣдовательно не извлекли бы для себя всей той нравственной пользы, которую они извлекутъ черезъ тѣ испытанія, которыя посланы имъ Богомъ. Богъ видитъ лучше человѣка, что каждому нужно и каждому посылаетъ то испытаніе, которое ему полезнѣе и не объясняетъ ему зачѣмъ, ибо по ограниченности своей человѣкъ не пойметъ этого.

Взглянувъ христіанскимъ взглядомъ на сущность земной жизни, мы не можемъ не видѣть того поражающаго количества нравственныхъ испытаній и внутренней душевной борьбы, которыя представляются человѣку на каждомъ шагу его жизни, при каждомъ его поступкѣ. Человѣкъ мало-мальски духовно развитый не можетъ не видѣть и не чувствовать, что внутренняя жизнь и внутренняя борьба въ немъ въ сотни разъ обильнѣе, дѣятельнѣе и существеннѣе всего того, что можетъ дать внѣшній матеріальный міръ человѣку и его защитникъ, гр. Толстой, въ его чисто смѣш-

ныхъ поискахъ за земнымъ счастьемъ, которое онъ въ концѣ концевъ находитъ въ одномъ лишь уничтоженіи себя.

Вся жизнь человѣка проходитъ при участіи добрыхъ и злыхъ ангеловъ, окружающихъ его и не отступающихъ отъ него въ теченіе всей его жизни. Они способствуютъ ему въ его жизни, разбираютъ и обсуждаютъ каждый шагъ человѣка, и не только одни поступки, но и всѣ причины, вызвавшія ихъ, т.-е. желанія, стремленія и вообще все состояніе души во время совершенія даннаго поступка, всѣ мотивы, заставившіе человѣка поступать такъ или иначе. Ангелы добрые помогаютъ человѣку исполнять его добрыя намѣренія, а ангелы злобы всегда рады принять участіе во всемъ зломъ, что бы ни задумалъ человѣкъ; и чѣмъ злѣй задуманъ поступокъ, тѣмъ большее участіе злыхъ ангеловъ возбуждаетъ онъ. Но никакое зло не можетъ исполнить человѣкъ другимъ людямъ безъ попущенія Бога; никакой злой умыселъ, никакое злое намѣреніе не могутъ быть приведены въ исполненіе безъ того, чтобы Богъ не обратилъ его въ пользу кому-нибудь, предоставивъ ему вполнѣ цѣлесообразныя испытанія, черезъ которыя тотъ можетъ преуспѣть въ своемъ нравственномъ развитіи. Въ этомъ и заключается великая міровая задача Промысла Божія, направляющая все зло людей въ нравственную пользу другимъ.

Напримѣръ: преступникъ задумалъ убить кого-нибудь, онъ все предусмотрѣлъ, все кажется обставилъ и разсчиталъ, но удачно привести свой замыселъ въ исполненіе онъ можетъ только при попущеніи Божьемъ, только тогда, когда этотъ злой поступокъ принесетъ кому-нибудь нравственную пользу; во-первыхъ, если Господь уже предопредѣлилъ, что этой душѣ достаточно скитаться по землѣ, что испытанія ея и такъ уже должны кончиться, а во-вторыхъ, если этотъ родъ смерти вызоветъ для окружающихъ и для самого умирающаго болѣе цѣлесообразныя испытанія, чѣмъ всякій другой.

Совершенно то же надо сказать относительно всякаго зла совершаемаго людьми; никакое зло не въ силахъ быть исполнено безъ того, чтобы оно не было предварительно предусмотрѣно Богомъ, взвѣшено, обсуждено,—кому какую нравственную пользу принесетъ оно, а потомъ попущено Имъ.

Это, конечно, рѣшительно не снимаетъ отвѣтственности, лежащей на каждомъ, за все имъ произведенное, злое, и нисколько

не можетъ оправдать его поступковъ. Зло всегда останется зломъ. „*Въ искушеніи*, говоритъ Апостолъ, *никто не говори: Богъ меня искушаетъ; потому что Богъ не искушается зломъ, и Самъ не искушаетъ никого*“ (Іаков. I. 13).

Богъ никого не ставитъ въ такія обстоятельства, при которыхъ человѣкъ долженъ бы былъ сдѣлать зло, а, напротивъ, добрые Ангелы-хранители отклоняли его всѣми своими силами отъ этихъ злыхъ поступковъ; они внушали ему добрыя мысли, указывали ему всю пагубность его поведенія и возбуждали въ немъ голосъ совѣсти; а если послѣ всего этого человѣкъ добровольно принялъ противоположное рѣшеніе подъ навѣтами духовъ злобы, искусителей рода людскаго, то можетъ пенять только на себя.

Постараемся вникнуть—во сколько разъ внутренняя духовная жизнь въ человѣкѣ обильнѣе и дѣятельнѣе видимыхъ и матеріальныхъ проявленій ея. Для примѣра возьмемъ хотя бы тотъ же самый фактъ, что преступнику удалось убить кого-нибудь. Видимыя проявленія этого факта очень не замысловаты: пропивши свои послѣднія крохи, бѣднякъ задумалъ убійство изъ корысти, планы его сбылись,—онъ ловко выполнилъ свое намѣреніе, но былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, и послѣ краткаго суда былъ посаженъ въ острогъ, а затѣмъ сосланъ. Какъ ни кратокъ этотъ разсказъ, но вникнемъ,—какую массу испытаній, упражненій, горя, бѣдъ и борьбы возбудилъ онъ въ массѣ людей.

Во-первыхъ самъ преступникъ черезъ этотъ поступокъ пережилъ цѣлый адъ разныхъ ощущеній, одно ужаснѣе другаго, какъ до совершенія преступленія, такъ и послѣ его. Одна злая первоначальная мысль, зародившаяся въ головѣ убійцы, какимъ-нибудь случайнымъ образомъ получила на порочной почвѣ его души полное развитіе. Отъ постояннаго обдумыванія своего плана, отъ борьбы съ самимъ собой и своими мыслями она давно уже обратилась въ какое-то больное мѣсто души, преслѣдующее человѣка во всѣхъ его дѣйствіяхъ и не дающее ему покоя никогда—ни днемъ, ни ночью. Иной разъ, сидя гдѣ-нибудь подъ заборомъ спокойно, по наружному виду, и неподвижно, бѣдняга переживалъ ожесточеннѣйшее внутреннее несогласіе своихъ стремленій: одни останавливали его, другія—поощряли на преступленіе; если бы можно было приподнять покрывало, застилающее отъ насъ невидимый міръ, мы бы увидали цѣлый сонмъ добрыхъ и злыхъ ду-

ховъ, окружающихъ его: однихъ— стремлящихся навести его на добрыя мысли и отвратить отъ злыхъ, другихъ—внушающихъ злое, и оба эти лагеря мы увидали бы ведущими между собой не менѣе оживленный обмѣнъ мнѣній, съ полнымъ участіемъ въ рѣшеніи, которое долженъ предпринять бѣдный, нравственно-больной преступникъ. Описать всѣ его ощущенія, порядокъ возрожденія въ немъ самыхъ разнообразныхъ мыслей съ начала до конца всей испорченной жизни его,—врядъ-ли можно бы было на человѣческомъ языкѣ, который такъ богатъ для всего матеріальнаго и такъ бѣденъ для всего духовнаго и отвлеченнаго; мы скажемъ только, что нѣкоторые преступники, сидя въ тюрьмахъ, подвергаютъ сами свое тѣло самымъ ужаснымъ, самымъ звѣрскимъ истязаніямъ, лишь бы хотя на минуту забыть или заглушить укоры своей совѣсти.

Во-вторыхъ обратимъ вниманіе на его семейство, оставленное безъ всякаго пропитанія. Къ обычной нищетѣ, къ голоду, къ холоду прибавился для нихъ теперь позоръ, въ которомъ они рѣшительно не виноваты, а слѣдовательно и полное отчужденіе отъ людей вслѣдствіе того, что люди стали опасаться семейства преступника. Испытаніе ужасное!—вопросъ,—какъ приметъ и выполнитъ каждый членъ этого семейства эти слѣдствія преступленія? Со смиреніемъ-ли? Съ ожесточеніемъ-ли? Съ покорностью-ли и полной вѣрой въ то, что ни одно испытаніе не дается Богомъ выше силъ человѣческихъ, а, слѣдовательно, на обязанности каждаго молиться, терпѣть и быть увѣреннымъ, что они по грѣховности своей большаго не достойны и что Богъ посылаетъ каждому то, что ему полезно для нравственнаго его развитія? Испытаніе это можетъ вызвать чувство злобы и презрѣнія у потерпѣвшихъ, но съ другой стороны сожалѣніе о потерянномъ человѣкѣ можетъ возстановить въ памяти все прежнее добро, всю прежнюю любовь, участіе и благосостояніе, въ которомъ они находились до періода этого роковаго пьянства, вызваннаго можетъ быть отчаяніемъ, зародившимся отъ недостатка вѣры въ благость Божію въ человѣкѣ, выбивающемся изъ силъ, отыскивая себѣ и семейству такъ трудно инымъ достающееся пропитаніе. Развѣ въ этихъ обстоятельствахъ не лучше можетъ выказать человѣкъ свои христіанскія убѣжденія, чѣмъ при сытой, спокойной и безмятежной жизни? А чѣмъ труднѣе испытаніе, тѣмъ и заслуга выше.

Въ третьихъ укажемъ на родственниковъ убитаго. Потеря близкаго человѣка не могла не потрясти ихъ, и если бы они были людьми окончательно невѣрующими, то одна уже близость смерти заставляетъ каждаго вспомнить свое собственное ничтожество и бренность земнаго своего существованія, заставляетъ человѣка сойти хотя на минуту съ тщеславнаго пьедестала матеріальной обезпеченности и возможности господства надъ людьми, которыя такъ заманчивы, что положительно поглощаютъ всю жизнь и позволяютъ забывать всѣ остальныя обязанности человѣка, какъ твари Божіей, призванной къ земной жизни для развитія въ себѣ своихъ добрыхъ и нравственныхъ качествъ. Кромѣ того смерть эта дала еще другой родъ нравственныхъ испытаній и для каждаго изъ родственниковъ убитаго въ своемъ родѣ сообразно качествъ души каждаго изъ нихъ: одни воспылали чувствомъ мести и личной затаенной злобы противъ преступника, видя въ этомъ обиду крови; другіе радовались достающемуся наслѣдству, третьи впали въ отчаяніе, въ уныніе, стали роптать,—но многіе-ли сохранили въ себѣ христіанскую покорность волѣ Божіей, безъ которой и волосъ съ головы не упадетъ, и съ благоговѣніемъ и молитвой на устахъ переносятъ потерю любимаго человѣка, потерю, сопряженную можетъ быть съ разстройствомъ матеріальнаго благосостоянія, съ нарушеніемъ всего строя покойной и безпечной жизни и многолѣтнихъ привычекъ.

Въ четвертыхъ—сколько нравственныхъ упражненій доставитъ этотъ бѣдный преступникъ тѣмъ лицамъ, въ руки которыхъ онъ попадаетъ какъ преступный членъ общества, подлежащій удаленію изъ него? Сперва властямъ, задержавшимъ его, охраняющимъ и содержащимъ его; затѣмъ тѣмъ, которые будутъ его судить, обвинять, оправдывать и приговаривать, и, наконецъ, тѣмъ, которые будутъ содержать его въ заточеніи, пересылать и водворять на новомъ мѣстѣ жительства. Какъ исполнить каждый изъ нихъ долгъ своей присяги и законъ страны? И не забудетъ-ли кто-нибудь изъ нихъ одновременно съ этимъ и ученіе Христа, призывающаго къ любви ближняго, къ милосердію, къ правосудію, къ справедливости,—Христа, сказавшаго, что не здоровые имѣютъ надобность во врачѣ, но больные? Это великая наука ума для всего человѣчества умѣть согласить практически разумную сторону жизни съ нравственнымъ элементомъ ея, что можетъ быть достигнуто только ис-

тинно-христіанскимъ развитіемъ души каждаго отдѣльнаго человѣка, и только черезъ развитіе каждой отдѣльной личности это христіанское развитіе можетъ отразиться на всемъ обществѣ. Въ этомъ духѣ и поступаетъ Церковь, трудясь надъ нравственнымъ развитіемъ каждаго члена отдѣльно; она никогда не затрогиваетъ ни вопросовъ обще-государственныхъ и никакихъ результатовъ дѣяній человѣческихъ, ибо она очень хорошо знаетъ, что болѣзнь надо лѣчить въ корнѣ, и что результаты дѣяній порочнаго человѣчества должны быть порочны, какъ естественныя и логическія слѣдствія несовершенства его, и что никакая сила въ мірѣ не могла бы заставить ихъ остановиться.

Какъ Спаситель училъ личному спасенію, такъ учили и Апостолы, такъ поступаетъ и Церковь, имѣя твердую увѣренность, что въ томъ государствѣ, гдѣ будетъ больше христіанъ не по одному только названію, но дѣйствительно исполняющихъ ученіе Христа всемъ сердцемъ своимъ и всею душею, тамъ и жизнь будетъ лучше какъ въ разумномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ.

Гр. Толстой, какъ всегда и во всемъ, не можетъ додуматься до настоящей причины; но его поверхностный взглядъ останавливается на первыхъ попавшихъ ему впечатлѣніяхъ и требуетъ, чтобы Церковь приняла на себя какую-то полицейско-исполнительную власть съ какимъ-нибудь громомъ или трескомъ, чтобы самъ гр. Толстой, оглушенный и ослѣпленный своею непогрѣшимостью, могъ видѣть и слышать ея дѣятельность; но пока этого нѣтъ; онъ возстаетъ на дѣятельность Церкви и восклицаетъ: „Ужасно сказать (но мнѣ иногда кажется): не будь вовсе ученія Христа съ Церковнымъ ученіемъ, выросшимъ на немъ, то тѣ, которые теперь называются христіанами, были-бы гораздо ближе къ ученію Христа, т. е. къ разумному ученію о благѣ жизни, чѣмъ они теперь. Для нихъ не были бы закрыты нравственныя ученія пророковъ всего человѣчества“ (стр. 230, 231).

„Такъ сами люди, помимо Церкви, уничтожили рабство, оправдываемое Церковью, уничтожили сословія, уничтожили оправдываемыя Церковью религіозныя казни“ (стр. 295, 296). „Оттолкнули меня отъ Церкви и странности догматовъ, и признаніе и одоб-

реніе Церковью гоненій, казней и войнъ, и взаимное отрицаніе другъ друга разными исповѣданіями" (стр. 8).

Чѣмъ можетъ доказать или подтвердить свои слова гр. Толстой? Чѣмъ обнаружила Церковь свое одобреніе или признаніе рабства, гоненія, казни и войнъ? Гр. Толстой сказалъ бы, по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ могла бы Церковь одобрять или неодобрять то, что положительно въ кругъ ея дѣятельности не входитъ? Такъ какъ все это составляетъ лишь слѣдствія порочности людей, Церковь же обращаетъ свое вниманіе единственно на причины этихъ слѣдствій, глубоко таящіяся въ сердцѣ каждаго человѣка.

Развѣ Апостолъ Павелъ не сказалъ: „*Каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый—какъ Господь призвалъ. Такъ я повелѣваю по всѣмъ Церквамъ: все въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ. Каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ. Рабомъ-ли ты призванъ,—не смущайся; ибо рабъ, призванный въ Господѣ, есть свободный Господа; равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ*" (I Коринѳ. VII. 17—22).

Но кромѣ того, подумалъ-ли гр. Толстой, что воля Помазанника Божія, поставленнаго Самимъ Богомъ, единымъ главой государства должна быть выполнена свято всѣми подданными и всѣми учрежденіями, въ томъ числѣ и Церковью, ибо она равносильна волѣ Божій; и если Помазанникъ Божій находитъ нужнымъ воевать, то тѣмъ уже самымъ война эта становится освященной Самимъ Богомъ и всѣ подданные должны быть готовы идти на войну, а Церковь молиться за благопріятный исходъ ея.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ война не есть причина, вызывающая обиліе и цѣлый безконечный рядъ нравственныхъ испытаній и упражненій какъ для сотенъ тысячъ людей, участвовавшихъ въ войнѣ, такъ и для милліоновъ людей, проводившихъ своихъ родственниковъ на войну? Никогда мирное время не вызываетъ столько случаевъ каждому выказать съ такою опредѣленностью свои нравственныя качества, свою вѣру въ Бога и силу своей молитвы, или наоборотъ: свою злость, варварство, алчность, жестокость, ненависть и массу такихъ качествъ и чувствъ, о которыхъ человѣкъ совершенно не зналъ въ мирное время, но какъ только явилась возможность безотвѣтно убить человѣка, воспользоваться его доб-

ромъ, или отличиться по службѣ,—тутъ забыто все ученіе Христа, любовь къ ближнему, все прежнее великодушіе и проявилась вся сила животной природы человѣка; и на оборотъ: поставьте себя въ положеніе нравственнаго и вполнѣ духовно развитаго человѣка, который былъ вынужденъ идти на войну и поставленъ въ необходимость сражаться и даже убивать людей;—долгъ присяги и обязанности относительно своей страны будутъ для него священны, какъ выраженія воли Божіей; а слѣдовательно, какъ согласитъ онъ въ себѣ все это разнорѣчіе обязанностей и чувствъ? Какъ будетъ поступать? Что переживетъ онъ за эту войну и сколько перечувствуетъ? Это величайшая задача для человѣка думающаго и размышляющаго, въ особенности если онъ владѣетъ истинными христіанскими знаніями смысла жизни человѣка на землѣ.

Вообще во всѣхъ этихъ вопросахъ гр. Толстой зарывается такъ глубоко въ цѣлую сѣть самыхъ разнообразныхъ заблужденій, что они дѣлаются очевидны и слѣдовать за нимъ дальше становится совершенно излишнимъ, а потому на этомъ мы и оканчиваемъ разборъ основаній, которыя были приняты гр. Толстымъ для лжеученія.

Самое лжеученіе мы совершенно не будемъ ни излагать, ни критиковать, ибо не можетъ система жизни, построенная на лживыхъ основаніяхъ, соотвѣтствовать истинному духу христіанскаго ученія Православной Церкви, какъ *„не можетъ худое дерево приносить плоды добрые, и по плодамъ вы узнаете его“* (Матѳ. VII. 18, 20).

Разборъ съ политико-экономической, соціальной или какой-либо другой точки зрѣнія не входитъ въ программу настоящаго труда, съ ученіемъ же Церкви, какъ ясно видно изъ всего выше сказаннаго, лжеученіе гр. Толстаго не можетъ имѣть ничего общаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

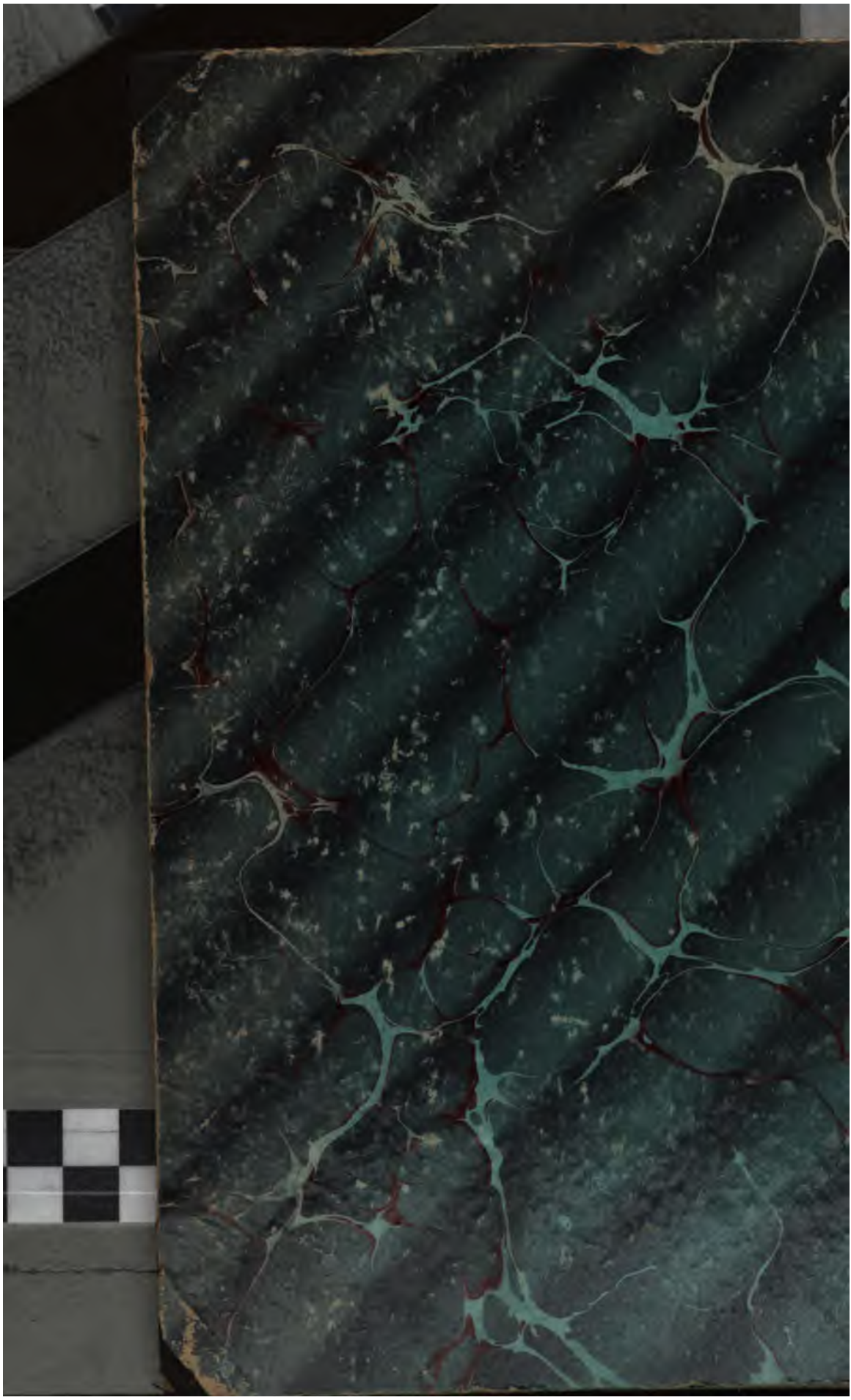
1. Правильно-ли называть нашъ вѣкъ вѣкомъ безвѣрья? 1
2. Безвѣрье отдѣльныхъ личностей. 7
3. Безвѣрье гр. Л. Н. Толстаго 14
4. Краткая исторія открытій гр. Толстаго въ области Евангельскаго ученія. 24
5. Первое заблужденіе—пониманіе словъ: сынъ человѣческій 37
6. Второе заблужденіе—свѣтъ истины 44
7. Третье заблужденіе—отверженіе загробнаго существованія. 52
8. Четвертое заблужденіе—о возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ. . . 74
9. Пятое заблужденіе—что царство Божіе не на небѣ, но на землѣ. . . 84
10. Шестое заблужденіе—о бродяжничествѣ. 88
11. Седьмое заблужденіе—что трудъ есть высшее благо, дарованное Богомъ. 91
12. Сводъ всѣхъ этихъ заблужденій. 94
13. Продолженіе открытій гр. Л. Толстаго. 96
14. Первая заповѣдь—о гнѣвѣ 101
15. Вторая заповѣдь—о разводѣ 103
16. Третья заповѣдь—о клятвѣ. 107
17. Четвертая заповѣдь—не противься злу 109
18. Пятая заповѣдь—не вооружайтесь. 114
19. Шестая заповѣдь—не имѣйте судовъ 117
20. Разборъ 6 заповѣдей гр. Толстаго. 119

[redacted]

BR 125 .T717 K3
Pravoslavno-khristianskii vzgl
Stanford University Libraries
3 6105 041 229 860

330
T89
1

BR
125
T717K3

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.